DK127.5
.L3
A3
1914

2
1 4 254
А-12

Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной

1758-1828

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1914

05

THE UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL
LIBRARY

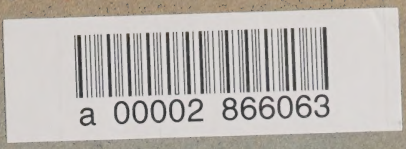
PURCHASED ON THE

DR. AND MRS.
JOSEPH EZEKIEL POGUE
ENDOWMENT FUND

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK127.5
.L3
A3
1914



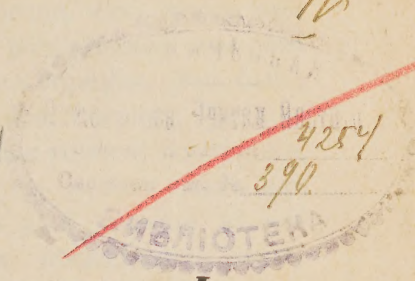
6/87005

a 00002 866063

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
MAR 28 1994			
OCT 18 '94			

Form No. 513, Rev. 1/84

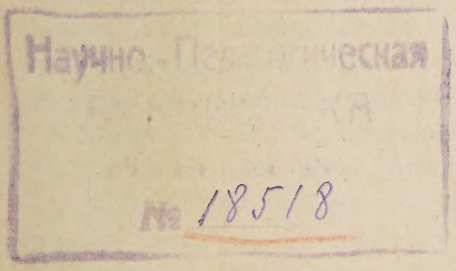


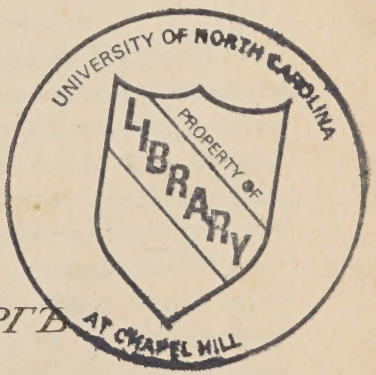
Л. 12
DK127.5
.L3
A3
1914
№ 4254.
Vospominaniia
Anny Evdokimovny
Labzinoi
4254
390
БИБЛІОТЕКА
Научно-Педагогическая
№ 18518
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной

1758-1828

Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго и со вступительной замѣткой С. Ѳ. Ольденбурга.





САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1914

Типографія Б. М. Вольфа, Спб., Невскій, 126.

Старина—старые годы и старыя вещи, вошедшія въ нашу жизнь,—какъ много они съ собою принесли, какъ много они намъ дали: сознаніе, что мы люди не вчерашняго дня, что мы имѣемъ прошлое, что и у насъ были предки. Это было только вчера, что мы открыли себя и свою старину, Русскую старину,— а уже раздаются нетерпѣливые голоса, говорящіе, что увлеченье стариною чрезмѣрно, что нельзя жить ею. Нетерпѣніе, жажда перемѣны зовутъ уже дальше къ новому, неиспытанному. Но не хочется послѣдовать этому голосу, не хочется окунуться вновь въ лихорадочную, оборванную, торопливую современность, хочется отдохнуть на милыхъ образахъ прошлаго, хочется взять все, что еще можно взять отъ старой жизни, выучить ея уроки—для жизни.

Я не хочу сказать, что считаю жизнь прежнихъ, давнихъ лѣтъ лучше, прекраснѣе настоящей; нѣтъ, старая жизнь часто—жизнь темная и ужасная, тоскливая и сѣрая, но въ ней было нѣчто, нами теперь утраченное,—хотѣлось бы вѣрить, не навсегда,—цѣльность и спокойствіе.

Когда я сталъ перечитывать Воспоминанія Лабзиной, которыя въ первый разъ читалъ, какъ жизненный документъ къ „Une vie“ Мопассана,—этой великой книгѣ женскаго страданія,—невольно я перенесся въ старину, и рѣзко и больно стало противорѣчіе ея съ дѣйствительностью: казалось бы, тяжелаго и мрачнаго такъ много въ этихъ Воспоминаніяхъ, что сравненіе съ современностью, очевидно, должно, было оказаться не къ выгодѣ прошлаго. Но нѣтъ, впечатлѣніе было обратное: столько настоящаго, цѣльнаго въ этихъ темныхъ страницахъ, столько настоящаго спокойствія, что невольно мысли и чувства обратились къ жизни нашихъ дней.

Первое, что особенно поражаетъ, это рѣзкая противоположность между „чувствами“ прошлаго и „настроеніями“ настоящаго, между „правилами“ стараго времени и отрицаніемъ обязанностей и долга въ наши дни, съ замѣною ихъ самоутвержденіемъ и поклоненіемъ своему „я“. Оговариваюсь: въ моихъ словахъ нѣтъ критики—я только сравниваю. Мнѣ могутъ возразить, что на тѣхъ самыхъ страницахъ Воспоминаній Анны Евдокимовны, гдѣ выступаютъ всѣ тѣ черты прошлаго, о которыхъ я говорилъ,—разсказана и жизнь Александра Матвѣевича Карамышева, человѣка, конечно, лишеннаго „правилъ“. Возраженіе это будетъ недоразумѣніемъ, ибо несомнѣнно, что самъ же Карамышевъ въ минуты просвѣтленія рѣзко порицалъ свою жизнь—съ точки зрѣнія тѣхъ же правилъ: его проповѣдь удовольствія не была теоріею жизни.

Пойдемъ дальше по тому же пути сравненія. Какъ проста и несложна жизнь, которою живутъ Карамышевы и весь тотъ міръ, въ которомъ они вращаются, какое удивительное однообразіе, никого не поражавшее, не утомлявшее! Ихъ жизнь съ нашей точки зрѣнія кажется бѣдной и сѣрой, безконечно тягучей: между тѣмъ они не ропщутъ, а мы всегда недовольны, все положительное въ жизни кажется намъ то чѣмъ-то несбыточнымъ, призракомъ, то, напротивъ, чѣмъ-то черезчуръ обыденнымъ и не любопытнымъ. Мы дѣлаемся въ нашей пестрой и разнообразной жизни неспособными остановиться долго на чемъ-нибудь одномъ. Намъ нужно постоянно мѣнять одно мѣсто на другое, книга уже слишкомъ длинна для насъ: мы ее замѣняемъ газетой или журнальной статьей, романъ для насъ долженъ замѣниться разсказомъ, даже слова мы начинаемъ мѣнять на буквы: осфрумы, продуголи, продаметы стали частями нашей рѣчи,—создаются новыя, нарочито краткія слова, сокращающія нашу рѣчь. Колесо жизни вертится все быстрѣе,—и чѣмъ быстрѣе его повороты, тѣмъ больше все сливается передъ нашими глазами въ нѣчто одноцвѣтное, тѣмъ меньше мы становимся способными уловить разницу между явленіями жизни... И все чаще и чаще раздаются возгласы о томительномъ однообразіи жизни, о скукѣ. Такъ странно теперь переворачивать страницы Воспоминаній Лабзиной съ ихъ постоянными, на нашъ взглядъ, повтореніями

и однообразіемъ: только отношеніе самой Лабзиной къ ея жизни открываетъ намъ глаза на то, что это нашъ глазъ потерялъ способность ясно различать разнообразіе въ мнимомъ однообразіи, столь полномъ содержанія для Лабзиной. И вотъ, чтобы не погибнуть въ этой вихремъ мчащейся жизни, мы невольно останавливаемся на отдѣльныхъ мгновеніяхъ, начинается усиленная дифференціація жизни, мы живемъ мгновеніями, которыя не умѣемъ связать въ одно цѣлое. Мгновенія мы переживаемъ, конечно, ярче, жизнь въ нихъ углубленнѣе, чѣмъ въ старое время, но... это только мгновенія, и прежней цѣльности уже нѣтъ, нѣтъ вслѣдствіе этого и прежняго спокойствія. Это углубленіе въ жизнь, которымъ мы такъ гордимся, это пониманіе того, что даже и не предполагали въ жизни наши предки, куплено дорогою цѣною: утеряны пути, часто даже утеряна вѣра въ возможность когда-нибудь найти пути, когда-нибудь связать ускользающія мгновенія въ одну прочную нить. Нѣтъ сознанія, что все это лишь переходъ къ синтезу жизни, который въ общемъ сознаніи сумѣетъ объединить все, нынѣ раздѣленное.

Въ этотъ великій синтезъ я вѣрю, вижу признаки его на многомъ, что насъ окружаетъ,—на свѣтломъ и на темномъ въ нашей жизни, но знаю, что изъ той же книги, о которой мы только что говорили, на страницахъ дневника той же Анны Евдокимовны мнѣ могутъ указать на разсказъ о „мужичкѣ“, который удивляется, „что нонче и у нихъ въ деревнѣ лесть и коварство даже между родными, и нѣтъ того мира и тишины, которая обитала въ его деревнѣ“... Приведутъ разсказъ и скажутъ: „Все то же, все повторяется, то вверхъ, то внизъ, а въ сущности ничто не измѣняется“. Да, по видимости ничто не мѣняется или, вѣрнѣе, видно только, какъ мѣняются формы, и кажется, что остается суть, безъ перемѣны—всегда одна и та-же—человѣческая. Но это кажущееся отсутствіе перемѣны, эта кажущаяся вѣчность содержанія исчезаютъ, какъ только мы всматриваемся ближе и начинаемъ понимать, что тѣми же словами мы обозначаемъ совершенно другія понятія, что любовь и дружба, честь и честность и такъ много, много другого въ старое время были совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ они стали для насъ.

Но все это мы поймемъ только, если сумѣемъ связать настоящее съ прошлымъ, почувствуемъ эту связь, если будемъ любить старину, если мы не со скукою, а со вниманіемъ будемъ переворачивать старыя страницы, на которыхъ найдемъ повѣсть о жизни людей. давно успокоившихся подъ могильнымъ холмомъ, но живыхъ для насъ въ старыхъ рѣчахъ, живыхъ, потому что и они переживали, хотя и по своему, человѣческую жизнь, рѣшали, тоже по своему, великія загадки жизни, которыя пытаемся рѣшать и мы. Ибо, повторяю, надо связать мгновенія въ прочную цѣпь жизни, а не разрывать ея звенья. Чтобы насталъ для насъ завтрашній день, надо помнить и знать, что былъ вчерашній, а знаніе вчерашняго дня и вѣра въ завтрашній помогутъ намъ понять и смыслъ того, чѣмъ мы живемъ сегодня.

Сергѣй Ольденбургъ.

А. лабзина.

Русская историческая литература не богата воспоминаніями о XVIII вѣкѣ, написанными русскими женщинами. Записки Императрицы Екатерины II, княгини Е. Р. Дашковой, княгини Н. Б. Долгоруковой, графини В. Н. Головиной, Г. И. Ржевской, графини А. Д. Блудовой, М. С. Николевой [1]),—вотъ все, наиболѣе крупное, что сохранили для потомства русскія женщины изъ запаса своей памяти.

Всѣ перечисленныя мемуаристки, касавшіяся въ воспоминаніяхъ своихъ XVIII вѣка, принадлежали исключительно къ высшему кругу русскаго общества; но у насъ до сихъ поръ не было воспоминаній женщины средняго дворянскаго семейства, которая, на подобіе А. Т. Болотова, С. Т. Аксакова и многихъ другихъ бытописателей нашихъ, откровенно и безхитростно, но съ своей точки зрѣнія, разсказала бы намъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, воспитаніи, окружающей обстановкѣ и т. под. Поэтому-то особенный интересъ представляютъ воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной, жены одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей Александровой эпохи—извѣстнаго мистика, писателя, издателя „Сіонскаго Вѣстника“ и Вице-Президента Академіи Художествъ Александра Ѳедоровича Лабзина [2]).

Воспоминанія А. Е. Лабзиной,—къ сожалѣнію, ею не законченныя, а обрывающіяся на полусловѣ,—сохранились, по

---

[1]) Не упоминаемъ „Разсказовъ бабушки“, собранныхъ Д. Д. Благово (С.-Пб. 1885 г.), какъ носящихъ преимущественно генеалогическій характеръ.

[2]) О немъ см. изслѣдованіе Н. Ѳ. Дубровина: „Наши мистики-сектанты“—въ „Русской Старинѣ“ 1894 г., т. 82 и 1895 г., т. 31, нашу брошюру „А. Ѳ. Лабзинъ“, С.-Пб. 1904 и нами же изданныя: „Воспоминанія С. А. Лайкевичъ“, С.-Пб. 1913 (отт. изъ „Русской Старины“) и брошюру „Къ біографіи Н. И. Новикова“, С.-Пб. 1913 (отт. изъ „Русскаго Библіофила“).

счастливой случайности, среди довольно жалкихъ остатковъ когда-то обширнаго и богатаго семейнаго архива, находившагося въ имѣніи И. Е. Великопольскаго—селѣ Чукавинѣ, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи [1]), и переданы были намъ дочерью Ивана Ермолаевича—Надеждой Ивановной Чаплиной, нынѣ покойной (ум. въ январѣ 1909 г.).

Біографія А. Е. Лабзиной во многихъ отношеніяхъ любопытна, и мы постараемся изложить ее съ наибольшими подробностями, насколько это удастся намъ сдѣлать,—преимущественно по архивнымъ даннымъ.

Анна Евдокимовна Лабзина родилась 28-го ноября 1758 г. [2]) Отецъ ея—Евдокимъ Яковлевичъ Яковлевъ (род. въ 1692 г., ум. въ 1764 г.) почти всю жизнь свою провелъ на разныхъ горныхъ заводахъ. Онъ вступилъ въ службу еще при Петрѣ Великомъ (въ 1721 году) „къ приказнымъ дѣламъ“ [3]), былъ затѣмъ подканцеляристомъ и канцеляристомъ, въ 1732 г. былъ опредѣленъ извѣстнымъ горновѣдомъ, генералъ-лейтенантомъ Вилимомъ Ивановичемъ Де-Геннинымъ и не менѣе извѣстнымъ В. Н. Татищевымъ въ Сибирскій Оберъ-Бергъ-Амтъ протоколистомъ, гдѣ въ 1733 году былъ назначенъ „за-секретаря“, въ 1739 году, по указу Генералъ-Бергъ-Директоріума, занялъ мѣсто секретаря въ Канцеляріи Главнаго Правленія Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ, 4-го ноября 1754 г. произведенъ былъ въ оберъ-цегентіеры, а замѣмъ состоялъ, въ чинѣ ассессора, присутствующимъ въ Екатеринбургской Заводской Канцеляріи [4]). Въ началѣ 1760 года

---

[1]) Нѣкоторые документы изъ этого архива собщены нами въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., № 6, 7 и 8 и въ другихъ журналахъ (перечень ихъ см. въ „Русскомъ Библіофилѣ“ 1913 г., кн. III, стр. 6).

[2]) На надгробномъ памятникѣ ея сказано, что она родилась 28-го ноября 1756 г.,—но это ошибка, такъ какъ изъ собственныхъ показаній Лабзиной выходитъ, что она родилась двумя годами позже и, слѣдовательно, жила не 71 годъ 10 мѣсяцевъ 4 дня, какъ высѣчено на памятникѣ, а на два года меньше („Московскій Некрополь“, т. II, С.-Пб. 1908 г., стр. 135).

[3]) У Яковлева въ 1760 г. была недвижимая собственность въ Московскомъ уѣздѣ, куда и былъ онъ отпущенъ при выходѣ въ отставку (Архивъ Министерства Юстиціи, Дѣла Герольдмейстерской Конторы, книга № 494, л. 303); но было ли это родовое имущество, или пріобрѣтенное—неизвѣстно.

[4]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, Дѣла Герольдмейстерской Конторы, книга № 423, л. 546 и книга № 494, л. 302—303.

Яковлевъ сопровождалъ молодого графа С. Р. Воронцова въ его поѣздкѣ по горнымъ заводамъ, только-что пожалованнымъ его отцу, графу Роману Ларіоновичу, Императрицей Елисаветой Петровной. Очевидно, Евдокимъ Яковлевичъ былъ хорошо знакомъ старику-графу, такъ какъ сынъ въ письмахъ своихъ упоминаетъ о немъ, какъ о человѣкѣ, близкомъ къ ихъ семейству; кромѣ того, самъ Яковлевъ писалъ къ его отцу—графу, сообщая ему о состояніи его заводовъ [1]), а тотъ, въ отплату за труды, выхлопоталъ ему, при его отставкѣ, слѣдующій чинъ. „Вчерась по вечеру", пишетъ отцу графъ Семенъ Романовичъ изъ Симбирска 27-го марта 1760 г: „получилъ я письмо отъ Евдокима Яковлича Яковлева, котораго я оставилъ на Егошихѣ [2]), гдѣ онъ и по нынѣ обрѣтается. Онъ ко мнѣ пишетъ, что, по старанію вашему, Милостивый Государь батюшка, онъ отставленъ съ награжденіемъ ранга [3]) и что повелѣно ему жить на Егошихѣ, объ чемъ осмѣлюся представить я свое мнѣніе: Евдокиму Яковличу лучше жить на Верхъ-Исецкомъ [4]) заводѣ, для того, что всѣ заводскія требованія въ Екатеринбургѣ рѣшатся,—какъ, напримѣръ, чтобы удовольствовать заводы слободами, также для отведенія новопріисканныхъ рудниковъ, также для пріема въ Екатеринбургѣ Егошинской мѣди; да и сверхъ того, одинъ желѣзный заводъ болѣе требуетъ труда и попеченія, нежели шесть мѣдныхъ... А Евдокиму Яковличу можно будетъ каждый годъ мѣсяца три или четыре побывать на Егошихѣ" [5]).

Изъ этого видно, что отецъ Анны Евдокимовны пользовался большимъ довѣріемъ у графовъ Воронцовыхъ и, какъ знатокъ горнаго дѣла, предназначался ими въ управляющіе ихъ бо-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, т. XVI, стр. 19, 20.

[2]) Егошиха или Ягошиха—мѣдные заводы, пожалованные въ 1754 г. графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову (Научно-Историческій Сборникъ, изданный Горнымъ Институтомъ, С.-Пб. 1873, стр. 9).

[3]) По указу Сената отъ 23-го февраля 1760 г. Е. Я. Яковлевъ былъ уволенъ въ отставку съ производствомъ въ чинъ надворнаго совѣтника (Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, Дѣла Герольдмейстерской Конторы, книга № 494, л. 302—303).

[4]) Заводъ, лежащій на рѣкѣ Исети, между Екатеринбургомъ и Кунгуромъ; до пожалованія его графу Р. Л. Воронцову принадлежалъ казнѣ и назывался Анненскимъ (И. И. Лепехинъ. Продолженіе дневныхъ записокъ въ 1770 году, С.-Пб. 1772 г., стр. 208).

[5]) Архивъ князя Воронцова, т. XVI, стр. 23—24.

гатѣйшими заводами. Мы не знаемъ дальнѣйшихъ отношеній его съ Воронцовыми; впрочемъ, вскорѣ (въ 1764 г.) Евдокимъ Яковлевичъ скончался, оставивъ послѣ себя жену и троихъ дѣтей, изъ которыхъ дочь, Анна, авторъ настоящихъ Воспоминаній, была первенцемъ; ей было всего пять лѣтъ, когда умеръ ея отецъ, а потому она почти его не помнила, но всегда сохраняла о немъ самое благоговѣйное воспоминаніе, привыкнувъ уважать его изъ разсказовъ своей матери и нянюшки Константиновны.

Дѣтство Анны Евдокимовны, о которомъ она съ такой теплотою и съ драгоцѣнными для насъ подробностями разсказываетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, протекло въ мирной деревенской обстановкѣ, на собственномъ хуторѣ, гдѣ-то на границахъ тогдашнихъ Пермскаго и Уфимскаго намѣстничествъ, — между Екатеринбургомъ и Челябинскомъ, — подъ нѣжнымъ надзоромъ родителей, которые любили ее, по собственному ея признанію, больше, чѣмъ двоихъ другихъ дѣтей. Едва минуло Аннѣ Евдокимовнѣ 13 лѣтъ, какъ ея мать, чувствуя приближеніе своей смерти, поспѣшила выдать ее замужъ, желая „пристроить“ сироту. Александръ Матвѣевичъ, мужъ ея, съ которымъ читатель хорошо познакомится по Воспоминаніямъ Анны Евдокимовны, былъ А. М. Карамышевъ,—извѣстный уже тогда ученый горновѣдъ и минералогъ, оставившій по себѣ слѣдъ въ исторіи горнаго дѣла въ Россіи. Онъ родился въ 1744 году, происходилъ изъ „Сибирскихъ дворянъ“ [1]) и имѣлъ, какъ значится въ послужномъ его спискѣ, „13 мужеска пола душъ въ Челябинскомъ уѣздѣ, Екатеринбургской области, да въ Тобольскомъ уѣздѣ 6 душъ“ [2]); выросъ и воспитался Карамышевъ въ домѣ Е. Я. Яковлева,—тогда еще бездѣтнаго,—и въ 1756 году былъ имъ отданъ въ только что открытую тогда Московскую Университетскую Благородную Гимназію, гдѣ Карамышевъ, за успѣхи въ разныхъ наукахъ, неоднократно получалъ награды [3]); въ 1759 году (19-го апрѣля) онъ произведенъ былъ

---

[1]) Статья С. Н. Кулибина о Карамышевѣ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, С.-Пб. 1897, стр. 514—515.

[2]) Формулярный списокъ—въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, Дѣла Герольдмейстерской Конторы за 1788 г., книга № 762 л. 296—297.

[3] См. напр., „Московскія Вѣдомости“, 1758, приб. къ № 38) въ этомъ году Карамышевъ былъ уже въ 4-мъ классѣ).

въ студенты Московскаго Университета, а черезъ два года, въ 1761 году,—былъ посланъ въ Швецію „для обученія горныхъ и плавиленныхъ наукъ“ [1]), а также наукъ естественныхъ и химіи. Въ 1768 году, находясь еще за-границей, онъ былъ зачисленъ на службу въ вѣдомство Бергъ-Коллегіи. Научныя занятія свои въ Швеціи Карамышевъ велъ подъ руководствомъ знаменитаго Линнея и химика и металлурга Валлеріуса—въ Упсальскомъ Университетѣ [2]); Линнею же онъ представилъ написанную подъ его наблюденіемъ диссертацію свою, озаглавленную: „Dissertatio academica, demonstrans necessitatem promovendae historiae naturalis in Rossia“ [3]) и особенно богатую свѣдѣніями о хорошо ему извѣстной Сибирской флорѣ. Книгу эту Карамышевъ напечаталъ въ 1766 году въ Упсалѣ и въ томъ же году, 16-го мая, защитилъ положенія своей диссертаціи передъ Медицинскимъ факультетомъ Упсальскаго Университета. Въ 1771 году онъ вернулся въ Россію [4]) и 7-го декабря этого года былъ пожалованъ въ званіе маркшейдера „капитанъ-поручичья ранга“ [5]), а 23-го декабря—командированъ, по приказанію оберъ-прокурора Сената и главнаго правитетеля Бергъ-Коллегіи Михаила Ѳедоровича Соймонова, въ Петрозаводскъ, въ Канцелярію Олонецкихъ Петровскихъ заводовъ, на которыхъ долженъ былъ

---

[1]) Формулярный списокъ Карамышева въ Архивѣ Горнаго Департамента, сообщенный намъ благодаря любезнымъ разысканіямъ служащаго въ Архивѣ Александра Константиновича Монастырева.

[2]) Экземпляръ купленной Карамышевымъ въ Упсалѣ, въ 1761 году, книги: „Versuch einer neuen Mineralogie, aus dem Schwedischen übersetzt“ (Kopenhagen, 1760, 8°), съ автографомъ Карамышева и многими примѣчаніями на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, сдѣланными, какъ кажется, имъ-же, описанъ и воспроизведенъ (въ части, носящей подпись Карамышева) въ любопытнѣйшемъ изслѣдованіи Н. П. Лихачева: „Генеалогическая исторія одной помѣщичьей библіотеки“, С.-Пб. 1913, стр. 45 (отт. изъ „Русскаго Библіофила“).

[3]) Т. е., „Академическое разсужденіе, показующее необходимость изученія естественной исторіи въ Россіи“. См. В. Лагусъ, „Эрикъ Лаксманъ“, С.-Пб. 1890 г., стр. 24.

[4]) Еще будучи въ Швеціи, Карамышевъ написалъ и издалъ написанную имъ на латинскомъ языкѣ оду на день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II: „In publica solemnia Coronationis Augustae Catharinae Alexiewnae...“, Upsaliae. 1762.

[5]) Формулярный списокъ.

производить какія-то починки [1]). Здѣсь онъ пробылъ, однако, не долго и вскорѣ же,—въ первыхъ мѣсяцахъ 1772 года, былъ отправленъ Соймоновымъ въ Екатеринбургъ,—въ Канцелярію Главнаго Правленія Сибирскихъ, Казанскихъ и Оренбургскихъ заводовъ, для спеціальнаго осмотра золотыхъ промысловъ („для вѣрнаго свѣдѣнія о золотыхъ рудникахъ", какъ сказано въ документѣ), получивъ, между тѣмъ (23-го марта 1772 г.), „за отличное въ горномъ искусствѣ знаніе и отмѣнное усердіе" [2]), званіе бергмейстера. Пріѣхавъ въ родные края въ началѣ апрѣля, послѣ 16-ти-лѣтняго отсутствія, Карамышевъ уже не засталъ въ живыхъ своего воспитателя—Е. Я. Яковлева и вскорѣ же посватался къ его дочери, Аннѣ Евдокимовнѣ. Со стороны матери послѣдней и своей [3]), бывшихъ между собою въ большой дружбѣ и, судя по Воспоминаніямъ,—женщинъ доброты исключительной,—онъ встрѣтилъ полное согласіе на предложеніе,—и вскорѣ, уже 21-го мая 1772 года, состоялась ихъ свадьба. Аннѣ Евдокимовнѣ было въ это время, какъ сказано выше, всего 13 лѣтъ, и ея согласія на бракъ даже не спросили, такъ какъ считали излишнимъ спрашивать его у ребенка...

Выросши въ глухой деревнѣ, въ полномъ незнаніи жизни, подъ надзоромъ любящей, но строгой родительницы, Анна Евдокимовна безпрекословно подчинилась рѣшенію матери своей и, выйдя замужъ, такъ же безпрекословно отдалась во власть своего мужа. Послѣдній въ самомъ непродолжительномъ времени, сбросивъ съ себя личину почтительно-скромнаго жениха, началъ тиранить свою беззащитную жену. Строгія наставленія матери о необходимости полнаго подчиненія жены мужней власти, твердая вѣра въ высшую справедливость и надежда на лучшее будущее и на исправленіе супруга помогали Аннѣ Евдокимовнѣ съ кротостью и безропотно переносить всѣ страданія и оскорбленія со стороны мужа и попраніе имъ самыхъ лучшихъ движеній

---

[1]) Архивъ Горнаго Департамента, Дѣла Бергъ-Коллегіи за 1771 г., № 1321.

[2]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Журналы и протоколы Правительствующаго Сената Общаго Собранія за апрѣль-сентябрь 1776 г., книга № 24/6313, лл. 178—179.

[3]) О ней намъ извѣстно лишь то, что ее звали Авдотьей, и что до этого времени проживала она въ Екатеринбургѣ.

ея добраго, мягкаго сердца. Правда, этотъ безхарактерный человѣкъ временами, хотя и очень не на долго, перемѣнялся къ лучшему, сознавалъ свою несправедливость къ женѣ, раскаивался и, повидимому, искренно желалъ исправиться— и тогда Анна Евдокимовна бывала счастлива; но эти періоды просвѣтленія были слишкомъ рѣдки и кратковременны. Прочтя „Воспоминанія", читатель легко представитъ себѣ трагическое положеніе кроткой, богобоязненной и совсѣмъ неопытной молодой женщины, попавшей въ неограниченное распоряженіе мужа буйнаго, крайне безнравственнаго, а подчасъ и положительно жестокаго; по свидѣтельству хорошо знавшаго А. Е. Лабзину извѣстнаго архитектора-художника А. Л. Витберга, Карамышевъ „былъ человѣкъ безъ вѣры": онъ „сомнѣвался въ безсмертіи души" и вообще „принадлежалъ къ тѣмъ воспитанникамъ XVIII столѣтія, которые блистали матеріализмомъ" [1]); эти же черты его міросозерцанія выявляются и въ разсказахъ о немъ Анны Евдокимовны.Но все это стало извѣстно ей, да и ея свекрови, къ сожалѣнію, уже слишкомъ поздно, когда сдѣланнаго нельзя уже было поправить... Между тѣмъ, мать Анны Евдокимовны черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы Карамышевыхъ скончалась (21-го іюля 1772 г.), лишивъ свою дочь той поддержки и защиты, которыя она, естественно, имѣла въ ея лицѣ.

Около года еще провели молодые въ Екатеринбургѣ, а въ мартѣ или началѣ апрѣля 1773 г. отправились въ Петербургъ, но вскорѣ же должны были ѣхать оттуда въ Петрозаводскъ: въ октябрѣ того же года Карамышевъ былъ посланъ изъ Петрозаводска въ ученую экспедицію на Медвѣжьи Острова, „для разработки рудныхъ мѣстъ"; здѣсь онъ и провелъ 9 мѣсяцевъ [2]), при чемъ молодая жена его раздѣляла съ нимъ всѣ трудности и лишенія этой командировки въ мѣста исключительно суровыя и вполнѣ еще дикія и безлюдныя. Въ серединѣ іюня 1774 года Карамышевъ былъ внезапно вытребованъ Соймоновымъ въ Петербургъ „по особому дѣлу", которое, какъ выяснилось по пріѣздѣ, состояло въ томъ, что ему предложено было занять мѣсто преподавателя химіи въ только-что передъ тѣмъ основанномъ Горномъ Училищѣ (нынѣ Институтъ). Долж-

---

[1]) „Русская Старина" 1872 г., т. V, стр. 567—568.

[2]) Архивъ Горнаго Департамента, Дѣла Бергъ-Коллегіи, 1772 г., №1324.

ность эту Карамышевъ занялъ фактически съ начала іюля 1774 г. [1]),—и при ближайшемъ же экзаменѣ горныхъ студентовъ обнаружилось, что онъ оказался весьма способнымъ преподавателемъ, хорошо обучившимъ своихъ питомцевъ [2]).

По пріѣздѣ въ Петербургъ (30-го іюня 1774 г.) [3]), Карамышевы поселились въ домѣ Вице-Президента Бергъ-Коллегіи—извѣстнаго поэта, „Русскаго Омира"—Михаила Матвѣевича Хераскова [4]), съ которымъ они, очевидно, были знакомы и раньше. Михаилъ Матвѣевичъ, отличавшійся своею добротой и ласковымъ сердцемъ, принялъ Анну Евдокимовну, какъ родную дочь, вскорѣ искренно полюбилъ ее за ея кроткій нравъ и взялъ на себя заботы объ ея образованіи и свѣтскомъ воспитаніи (ей было тогда всего 15 лѣтъ отъ роду), котораго она, конечно, не могла получить въ дѣтствѣ, живя въ деревенской глуши далекой окраины. Жена Хераскова—Елизавета Васильевна (рожд. Неронова), женщина просвѣщенная и извѣстная своею образованностью [5]), также приняла сердечное участіе въ судьбѣ своей новой питомицы и окружила ее нѣжными попеченіями.

Такимъ образомъ, жизнь Анны Евдокимовны рѣзко перемѣнилась къ лучшему,—и время, проведенное ею въ семьѣ Херасковыхъ, осталось навсегда свѣтлымъ для нея воспоминаніемъ. Карамышевъ, занятый службой и, быть можетъ, побаивавшійся Хераскова, какъ свого непосредственнаго начальника, не обижалъ больше своей жены, а всѣ родные и домочадцы Хераскова полюбили кроткую и привѣтливую молодую женщину; но, къ глубокому сожалѣнію ея, Херасковъ, уволенный 10-го іюля 1775 г. отъ должности Вице-Президента Бергъ-Коллегіи, въ скоромъ времени переѣхалъ на житье въ Москву,—и она, такимъ образомъ, опять оказалась во власти

---

[1]) Опредѣленіе его состоялось еще 26-го іюня 1772 г. (тамъ же).

[2]) Архивъ Министерства Юстиціи, Журналы и протоколы Правительствующаго Сената Общаго Собранія за апрѣль—сентябрь 1776 г., книга № 24/6333, лл. 178—179.

[3]) Архивъ Горнаго Департамента, д. № 1324.

[4]) Этимъ объясняется сообщенное П. И. Бартеневымъ („Русскій Архивъ", 1866 г., ст. 845) и повторенное М. Н. Лонгиновымъ (тамъ же, 1873г., т. II, стр. 1464) преданіе о томъ, будто-бы Анна Евдокимовна „воспитывалась" у Хераскова, который не имѣлъ своихъ дѣтей.

[5]) О ней см. статью В. В. Сиповскаго въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ", С.-Пб., 1901 г.

своего жестокаго и безпутнаго мужа; онъ, между тѣмъ, продолжалъ преуспѣвать по службѣ и былъ отличенъ всесильнымъ Потемкинымъ, который оказывалъ явное расположеніе какъ ему, такъ и женѣ его, посѣщавшей балы „Великолѣпнаго князя Тавриды“ и черезъ него сдѣлавшейся лично извѣстною Императрицѣ Екатеринѣ. Начальство Карамышева, а особенно замѣнившій Херасова А. А. Нартовъ, раздѣлявшій всѣ похожденія Карамышева, естественно было на сторонѣ по слѣдняго, дорожа, конечно, и его спеціальными знаніями.

Занимая, одновременно со службой въ Горномъ Училищѣ, мѣсто маркшейдера при Бергъ-Коллегіи [1]), Карамышевъ въ то же время принималъ участіе и въ учрежденномъ при названномъ Училищѣ „Ученомъ Собраніи“ [2]). Кромѣ того, онъ производилъ въ училищной Лабораторіи химическіе опыты, а въ 1778 г., вмѣстѣ съ сослуживцемъ своимъ И. И. Хемницеромъ, — извѣстнымъ баснописцемъ, — проредактировалъ сдѣланный В. Безпаловымъ переводъ книги Брикмана: „Сочиненіе о драгоцѣнныхъ камняхъ“, изданный затѣмъ въ Петербургѣ въ 1779 году.

Несомнѣнно, что Карамышевъ былъ способный и образованный человѣкъ, могшій, при желаніи и подъ хорошимъ вліяніемъ, успѣшно работать на пользу избранной имъ науки. Это доказывается и статьями его по химіи, технологіи, естествознанію и сельскому хозяйству, напечатанными въ „Трудахъ Вольно Экономическаго Общества“, какъ, напрмѣръ: „О пользѣ копченія ржи передъ посѣвомъ“ (1774 г., ч. XXVII), „О причинѣ плодородія земли“ (тамъ-же) и др., а также избраніемъ его въ члены ученыхъ обществъ. Такъ, въ 1774 г. Вольно-Экономическое Общество, членомъ котораго онъ состоялъ, присудило ему медаль, а въ 1779 году (21-го іюня) удостоился онъ исключительной въ тѣ времена чести, будучи избранъ въ члены-корреспонденты Императорской Академіи Наукъ [3]); кромѣ того, онъ состоялъ членомъ Берлинскаго Общества любителей естествознанія и корреспондентомъ (adscriptus) Сток-

---

[1]) Мѣсяцесловъ на лѣто 1775, стр. 108.

[2]) Ученый Сборникъ Горнаго Института, С.-Пб. 1873 г.

[3]) Одновременно съ горновѣдомъ И. М. Ренованцемъ, Ѳ. О. Туманскимъ и др.—См. „Протоколы засѣданій Конференціи Имп. Академіи Наукъ“, т. III, С.-Пб. 1900, стр. 415, 423 и 433; Б. Л. Модзалевскій, „Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ. 1725—1907“, С.-Пб. 1908, стр. 157.

гольмской Королевской Академіи Наукъ; все это свидѣтельствуетъ о серьезныхъ познаніяхъ и солидныхъ научныхъ связяхъ Русскаго ученаго.

Получивъ, еще 12-го іюля 1776 года [1]), чинъ оберъ-бергмейстера, Карамышевъ до 1779 года состоялъ преподавателемъ Горнаго Училища [2]), а 28-го мая 1779 года, обидѣвшись на то, что его не назначили членомъ Бергъ-Коллегіи, онъ, по представленію Потемкина Имп. Екатеринѣ, былъ опредѣленъ Директоромъ вновь тогда учрежденной Банковой Конторы „для вымѣна государственныхъ ассигнацій“ въ Иркутскѣ [3]), будучи одновременно съ тѣмъ пожалованъ въ надворные совѣтники [4]). Находясь въ Иркутскѣ и продолжая и здѣсь свою распутную жизнь, Карамышевъ, однако, не прерывалъ своихъ научныхъ работъ [5]); онъ состоялъ въ то же время въ ученой перепискѣ съ знаменитымъ академикомъ П. С. Палласомъ [6]) и вообще принадлежалъ къ числу лучшихъ представителей мѣстной умственной жизни [7]). Вскорѣ же по пріѣздѣ въ Иркутскъ, Карамышевъ долженъ былъ обратиться къ своей спеціальности, будучи назначенъ временно-завѣдующимъ Нерчинскими горными рудниками, на которые требовался ревностный и свѣдущій начальникъ, такъ какъ Нерчинскіе Заводы были сильно запущены послѣ отъѣзда

---

[1]) Въ этомъ же году онъ, съ января по октябрь, находился, по приказанію М. Ѳ. Соймонова, въ командировкѣ въ Москвѣ; въ Горномъ же Училищѣ его временно замѣняли, какъ преподавателя химіи, гиттенфарвальтеръ Шурлинъ и оберъ-бергъ-пробиреръ Ренованцъ (Архивъ Горнаго Департамента, 1. с.).

[2]) Мѣсяцесловъ на лѣто 1779, стр. 123.

[3]) Мѣсяцесловъ на лѣто 1780, стр. 174; также „Протоколы засѣданій Конференціи Имп. Академіи Наукъ“, т. III, стр. 415, и „Списокъ чинамъ первыхъ 8 классовъ, въ статской службѣ находящимся, на 1780 годъ“.

[4]) Архивъ Министерства Юстиціи, Дѣла Герольдмейстерской Конторы 1788 г., книга 762, лл. 296—297.

[5]) Такъ, на основаніи собранныхъ имъ тогда матеріаловъ Г. И. Спасскій позже составилъ статью „Забайкальскія геогностическія замѣчанія“ („Сибирскій Вѣстникъ“, 1820 г., ч. XVI, стр. 406—418), заявивъ, что она заимствована имъ „большею частію изъ записокъ покойнаго А. М. Карамышева“.

[6]) „Nova Acta Academiae Scientiarum Petropolitanae“, t. III, 1788, p. 57 и 58; см. также P. S. Pallas, Neue nordische Beiträge“, t. V, St.-Petersb. 1793, S. 301—303.

[7]) В. Лагусъ. „Э. Лаксманъ“, С.-Пб. 1890, стр. 170.

въ 1775 году завѣдывавшаго ими В. И. Суворова (отца генералиссимуса) [1]). Здѣсь, въ Нерчинскѣ, Карамышевы прожили полтора года; но и въ это, сравнительно короткое время Александръ Матвѣевичъ достигнулъ кое-какихъ положительныхъ результатовъ: такъ, онъ поднялъ производительность серебра на заводахъ съ 406 до 450 пудовъ, исправилъ рудники и открылъ 5 новыхъ мѣсторожденій [2]). Затѣмъ Карамышевъ снова вернулся въ Иркутскъ (въ серединѣ 1781 г.), гдѣ и прожилъ до 1789 года [3]), когда, съ упраздненіемъ Иркутской Банковой Конторы, возвратился въ Петербургъ. Немедленно же онъ былъ опредѣленъ, для исполненія различныхъ порученій, въ Горную по Колывано-Воскресенскимъ Заводамъ Экспедицію, состоявшую въ вѣдѣніи Кабинета Его Величества, подъ управленіемъ П. А. Соймонова [4]). Однако, послѣ этого А. М. Карамышевъ прожилъ уже не долго: 22 го ноября 1791 года онъ скончался [5]), а 26-го былъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ [6]).

По смерти мужа, съ которымъ, такимъ образомъ, прожила она почти 20 лѣтъ, Анна Евдокимовна, не имѣвшая дѣтей, жила, по всей вѣроятности, въ Петербургѣ, гдѣ у нея, безъ сомнѣнія, были и знакомые, и добрые друзья, недостатка въ которыхъ она, благодаря своему доброму, покладливому характеру, никогда не имѣла. Вдовѣла она всего около трехъ лѣтъ, такъ какъ, познакомившись съ молодымъ чиновникомъ Секретной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта Александромъ Ѳедоровичемъ Лабзинымъ [7]), она, не

[1]) Тамъ же; см. также у P. S. Pallas, Neue nordische Beyträge, St.-Petersb. 1783, t. IV, S. 205, и В. Лагусъ, назв. соч., стр. 152—153.

[2]) „Русскій Біографическій Словарь", С.-Пб. 1897, стр. 515, статья С. Н. Кулибина.

[3]) 22-го декабря 1784 г. онъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и около того же времени (нѣсколько ранѣе)—орденъ св. Владиміра 4-й степени.

[4]) Въ 1790 году Карамышевъ помѣстилъ нѣсколько статей по химіи и технологіи въ „Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества" и въ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" (см. ихъ перечень у А. Н. Неустроева: „Указатель къ Историческому розысканію о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ", С.-Пб. 1898).

[5]) „Nova acta Academiae Scientiarum Petropolitanae", t. IX, 1795, p. 12.

[6]) П. П. Каратыгинъ, Описаніе Смоленскаго кладбища (рукопись въ библіотекѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества).

[7]) Въ эту Экспедицію Лабзинъ былъ опредѣленъ 6-го декабря 1789 года, а до того времени воспитывался и служилъ въ Москвѣ.

смотря на большую разницу въ лѣтахъ (ему было тогда 27, а ей—уже 35 лѣтъ), вышла за него замужъ. Свадьба ихъ состоялась 15-го октября 1794 года [1]).

Анна Евдокимовна сблизилась съ Лабзинымъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ и на почвѣ тѣхъ мистическихъ идей и настроеній, къ которымъ она была всегда расположена и по воспитанію, ею полученному дома и у Херасковыхъ, и подъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда лѣтъ жизни съ Карамышевымъ,—лѣтъ, исполненныхъ для нея тяжелыхъ нравственныхъ терзаній; эти настроенія, зародившись въ Лабзинѣ подъ вліяніемъ Новикова, еще въ Москвѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ достигли высокаго напряженія и развитія. Мужъ и жена вполнѣ подошли одинъ къ другому, и супружество ихъ, продолжавшееся 30 слишкомъ лѣтъ, можно назвать вполнѣ счастливымъ. Когда Лабзинъ основалъ масонскую ложу [2]), въ которой былъ великимъ мастеромъ, Анна Евдокимовна явилась ревностною его сторонницей, ученицей, помощницей и участницей во всѣхъ дѣлахъ „братства", искренно и глубоко печалясь о всякихъ его неудачахъ, привлекая новыхъ членовъ, укрѣпляя колеблющихся и негодуя на отпадающихъ. Настроеніе ея и весь внутренній строй души ея прекрасно рисуется въ сохранившемся отрывкѣ изъ ея дневника за часть 1818 года, который мы печатаемъ въ видѣ приложенія къ настоящимъ Воспоминаніямъ.

Отъ второго брака своего Лабзина дѣтей также не имѣла, но выростила двухъ воспитанницъ: родную племянницу Александра Ѳедоровича Лабзина—Екатерину Степановну Микулину (умерла 21-го декабря 1872 г., на 73 г., и погребена на Ваганьковомъ кладбищѣ въ Москвѣ),—дочь его сестры Надежды Ѳедоровны отъ брака ея съ инженеръ-генералъ-маіоромъ Степаномъ Даниловичемъ Микулинымъ [3]), въ началѣ 1819 г. вышедшую за-мужъ за извѣстнаго масона Юрія Никитича

[1]) Число устанавливается изъ печатаемаго ниже дневника Анны Евдокимовны, а годъ—изъ формулярнаго списка Лабзина, найденнаго нами въ архивѣ С.-Петербургскаго Почтамта (форм. списки 1795 г., связка 5), и изъ числа лѣтъ замужества Анны Евдокимовны, записаннаго ею въ дневникѣ подъ 15-мъ октября 1818 г.

[2]) Изъ имѣющихся у насъ рѣчей, произнесенныхъ въ этой ложѣ разными лицами въ теченіе 1819 и 1820 г., видно, что ложа была основана 15-го января 1800 года.

[3]) Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, ч. VIII, М. 1901, стр. 422—423.

Бартенева (род. 16-го февраля 1782 г., ум. 27-го ноября 1866 г., погребенъ съ женою) [1]), и Софью Алексѣевну Мудрову, родную племянницу извѣстнаго доктора М. Я. Мудрова (дочь брата его Алексѣя Яковлевича, умершаго въ 1801 году), раздѣлявшую впослѣдствіи со своими воспитателями ихъ ссылку. Она родилась въ Вологдѣ 16-го сентября 1797 г., умерла въ Москвѣ въ январѣ 1870 г. и погребена на Ваганьковомъ кладбищѣ, рядомъ съ мужемъ своимъ Николаемъ Петровичемъ Лайкевичемъ (тоже масономъ), за котораго вышла замужъ въ 1830 г. и проживала затѣмъ въ селѣ Глазовѣ, Можайскаго уѣзда, и въ Москвѣ. Она оставила любопытнѣйшія Воспоминанія, написанныя въ 1867 г. и напечатанныя нами въ 10-й книгѣ „Русской Старины“ за 1905 г. [2]).

Воспитаніе своихъ пріемныхъ дочерей Анна Евдокимовна вела столь же сурово, каково было ея собственное воспитаніе. Такъ, по словамъ С. А. Лайкевичъ (въ вышеуказанныхъ ея „Воспоминаніяхъ“), она была съ нею очень строга, хотя, прибавляетъ она: „строгость, подъ которою я росла, кажется, умножала и любовь мою къ маменькѣ. Вотъ вѣрный образецъ ея со мною обращенія. Три раза въ годъ она меня цѣловала, а именно: послѣ причащенія моего Святыхъ Таинъ, въ день Свѣтлаго Воскресенія и въ день моихъ именинъ, а въ прочее время подавала мнѣ руку, послѣ чего имѣла привычку отряхивать оную, какъ будто замаралась отъ губъ моихъ. Иногда, провинившись, я стояла передъ ея спальней на колѣняхъ по нѣсколько часовъ, повторяя жалобно: „Маменька, голубушка, простите меня!“—и если, утомившись, уходила спать не прощенная, то на утро получала строгій выговоръ: какъ я могла спать, не получа прощенія. Конечно, я это заслуживала, но по дѣтству не припомню своихъ винъ.—Я вставала рано для уроковъ, особенно зимою, по субботамъ; учитель приходилъ въ семь часовъ поутру, потомъ я продолжала заниматься, съ нетерпѣніемъ посматривая на дверь, изъ которой услышу вождѣленный голосъ: „Пожалуйте чай кушать“. А

[1]) См. нашу статью: „Альбомъ Юрія Никитича Бартенева“ въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ“, т. XV (1910 г.), кн. 4, С.-Пб. 1911.

[2]) Отд. отт., С.-Пб. 1905 г., 36 стр. См. также статью нашу: „Изъ архива И. Е. Великопольскаго“ („Русская Старина“ 1901 г., № 7, стр. 178), а также „Русскій Архивъ“ 1866 г., стр. 845—846 и 1892 г., т. III, стр. 376.

это не ранѣе бывало десяти часовъ, а часто и позже. Мнѣ приказано было вести дневникъ моихъ занятій, мыслей и чувствъ; это было совершенное для меня мученье: надобно было, чтобы сегодняшній день не походилъ на вчерашній, и я, бывало, обгрызу до крови ногти, покуда что придумаю. Она и сама вела журналъ, — жаль, что онъ не могъ сохраниться [1]). Ученье мое разнообразилось домашними театрами въ дни именинъ маменьки... За дѣтскими пьесами послѣдовали драматическія... У насъ раздавались предъ представленіемъ афишки: „Ея Превосходительства п р и т в о р н ы м и актерами представлено будетъ то-то и то-то". Театръ былъ устроенъ въ домѣ Черевина, на Васильевскомъ Островѣ, въ 20-й линіи, и прикрывалъ собою находящуюся въ немъ же масонскую ложу, куда всѣ собирались въ назначенные дни, для своихъ дѣйствій"...

Когда Софья Алексѣевна стала дѣвушкой и начала обращать вниманіе на посѣщавшихъ ихъ домъ молодыхъ людей, „маменька", по ея словамъ, „въ подобныхъ случаяхъ всегда выражалась, что я дѣвка бѣдная, и даже до смерти своей не измѣнила своего обо мнѣ отзыва". Несмотря на это, С. А. Лайкевичъ сохраняла къ своей пріемной матери чувства самой нѣжной любви и привязанности, и всѣ ея воспоминанія о ней проникнуты этими чувствами...

Общеизвѣстенъ фактъ отставки Лабзина отъ должности Вице-Президента Академіи Художествъ и высылки его изъ Петербурга въ 1822 году за ироническое его предложеніе избрать въ почетные любители Академіи, наравнѣ съ графомъ Д. А. Гурьевымъ, графомъ Аракчеевымъ и графомъ В. П. Кочубеемъ—кучера Александра I Илью Байкова,—какъ лицо, если не болѣе, то и не менѣе близкое къ Государю, чѣмъ названные вельможи. Когда исключенный изъ службы, Лабзинъ 13-го ноября 1822 г. покинулъ Петербургъ и отправился на житье въ предназначенный ему для жительства уѣздный городокъ Симбирской губерніи—Сенгилей,—престарѣлая Анна Евдокимовна послѣдовала за мужемъ, чтобы дѣлить съ нимъ всѣ тягости этой жестокой ссылки [2]). „На дорогѣ къ Москвѣ", разска-

[1]) Сохранился онъ, какъ сказано выше, только за конецъ 1818 г. и печатается въ концѣ настоящей книги.

[2]) См. любопытные и трогательные стихи Лабзина „Къ женѣ моей", написанные имъ въ Симбирскѣ 28-го ноября 1823 г.; они напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1866 года и въ статьѣ Н. П. Лихачева о „Казанскомъ Вѣстникѣ" въ журналѣ „Книговѣдѣніе" 1894 г. (№ 6, прилож., стр. 67—72).

зываетъ П. А. Безсоновъ въ біографіи Лабзина, „съ нимъ сдѣлался припадокъ [падучей болѣзни], а жена, при несчастномъ случаѣ, попортила ногу. М. Я. Мудровъ, нѣкогда обязанный ему помощію въ студенчествѣ [1]) и занятіяхъ за границей, кромѣ того,—воспитаніемъ племянницы..., принялъ своего благодѣтеля въ Москвѣ [2]), не побоявшись того, что Александръ Ѳедоровичъ былъ въ опалѣ, и испросилъ у Московскихъ властей позволенія пріютить путешественниковъ у себя на три дня и даже иллюминовалъ по этому случаю свой Прѣсненскій домъ“ [3]).

„Плохо было изгнанникамъ въ Сенгилеѣ“, говоритъ М. А. Дмитріевъ: „въ этомъ городѣ не находили они самонужнѣйшихъ потребностей жизни; но одинъ Симбирскій помѣщикъ, Петръ Петровичъ Тургеневъ, братъ Ивана Петровича [4]), по старинной масонской связи, прислалъ имъ возъ домашнихъ припасовъ и другой—съ лекарственными травами, безъ которыхъ они были бы въ большомъ затрудненіи и по недостатку денегъ, и по неимѣнію никакихъ средствъ въ небольшомъ и бѣдномъ городѣ“. Впрочемъ, въ половинѣ мая 1823 года Лабзину разрѣшено было переѣхать въ Симбирскъ, гдѣ онъ вскорѣ же снискалъ къ себѣ общее расположеніе и уваженіе. Здѣсь, на рукахъ своей жены и воспитанницы Софьи Алексѣевны Мудровой, Лабзинъ и умеръ—26-го января 1825 года [5]).

Похоронивъ мужа, Анна Евдокимовна сейчасъ же покинула Симбирскъ, проѣхавъ въ Москву, а оттуда на время въ Петербургъ [6]), гдѣ ей исхлопотали пенсію въ 600 рублей въ годъ, а затѣмъ, по настоянію доктора М. Я. Мудрова, она по-

---

[1]) См. объ этомъ „Словарь профессоровъ Московскаго Университета“, ч. II, М. 1855, стр. 120.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1866 г., стр. 836; по словамъ М. А. Дмитріева Мудровъ, „принявъ при посредствѣ Лабзина ученіе истиннаго благочестія, почиталъ его своимъ благодѣтелемъ“ (тамъ же, стр. 838).

[3]) „Русскій Архивъ“ 1866 г., стр. 838.

[4]) Извѣстнаго масона, отца братьевъ Андрея, Александра, Николая и Сергѣя Тургеневыхъ, столь извѣстныхъ въ исторіи нашего общественнаго развитія.

[5]) Подробный разсказъ о ссылкѣ Лабзина и о его жизни въ Сенгилеѣ и Симбирскѣ дала раздѣлявшая судьбу своихъ воспитателей С. А. Лайкевичъ въ своихъ цитированныхъ выше Воспоминаніяхъ (изд. С.-Пб. 1905 г.).

[6]) Архивъ Имп. Академіи Художествъ, дѣло 1825 г., № 60.

селилась у него въ семьѣ, въ Москвѣ [1]), вмѣстѣ со своей пріемной дочерью Софьей Алексѣевной Мудровой, передавъ Матвѣю Яковлевичу, по завѣщанію мужа, всѣ его бумаги [2]). Въ этой патріархальной семьѣ Анна Евдокимовна мирно доживала свои дни и скончалась 3-го октября 1828 года [3]), на 70-мъ году отъ роду, до послѣдней минуты окруженная глубокимъ уваженіемъ всѣхъ ее знавшихъ. Она погребена на Московскомъ Ваганьковскомъ кладбищѣ, гдѣ на могилѣ ея, заботами М. Я. Мудрова, поставленъ сохранившійся до сихъ поръ прекрасный гранитный памятникъ съ соотвѣтствующей надписью и вырѣзаннымъ на немъ слѣдующимъ, удачно выбраннымъ и подходящимъ къ жизни Лабзиной псалмомъ 19-мъ: „Терпя, потерпѣхъ, Господи, и—внятъ ми, постави на камени нозѣ мои и исправи стопы моя".

Воспоминанія А. Е. Лабзиной, какъ значится на подлинной ихъ рукописи, написаны были въ 1810 году, когда мужъ ея былъ Конференцъ-Секретаремъ Академіи Художествъ и Директоромъ Департамента Министра морскихъ силъ, находясь на верху своей извѣстности, какъ писатель, и въ полной силѣ своего вліянія, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ, энергичнѣйшихъ и образованнѣйшихъ представителей тогдашняго мистицизма. Судя по почерку рукописи, вездѣ ровному, спокойному и твердому, Анна Евдокимовна писала свои воспоминанія не торопясь, но въ теченіе небольшого промежутка времени, всецѣло отдавшись желанію вспомнить свое тяжелое прошлое и, откровенно разсказавъ о немъ, сравнить его со

---

[1]) У Мудровыхъ она была уже въ сентябрѣ 1825 года (неизд. письмо Андрея Харитоновича Чеботарева къ Софьѣ Харитоновнѣ Мудровой). Пребываніемъ у Мудровыхъ и объясняется причина нахожденія Воспоминаній Анны Евдокимовны въ архивѣ И. Е. Великопольскаго, который былъ женатъ на дочери Мудрова—Софьѣ Матвѣевнѣ (ум. въ 1897 г.).

[2]) Большая часть ихъ, однако, погибла впослѣдствіи вмѣстѣ со многими бумагами сожженнаго управляющимъ села Чуковина архива Е. И. Великопольскаго.

[3]) „Русск. Архивъ" 1861 г., ст. 136; „Московскій Некрополь", т. II, М. 1908, стр. 135. Въ „Біографическомъ Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета"; въ біографіи М. Я. Мудрова, написанной однимъ изъ его питомцевъ и друзей—П. Л. Страховымъ, невѣрно сказано, что А. Е. Лабзина умерла въ октябрѣ 1827 года.

счастливымъ настоящимъ. Потому-то, нося на себѣ отпечатокъ чистосердечной исповѣди, Воспоминанія Лабзиной и дышутъ тою подкупающею откровенностію, простотой и безъискуственностью, которыя придаютъ имъ особую прелесть и цѣнность. Безхитростный разсказъ Анны Евдокимовны,—мѣстами, правда, нѣсколько растянутый, но вездѣ одинаково чистосердечный,—невольно привлекаетъ читателя и заставляетъ его сочувствовать ей и дѣлить съ ней ея богатую горестями и бѣдную радостями жизнь. Лабзина, повидимому, думала только о томъ, чтобы возможно полнѣе обрисовать свою внутреннюю жизнь, останавливаясь преимущественно на изложеніи своихъ и чужихъ разсужденій, разговоровъ по тому или иному случаю; этимъ-то внутреннимъ содержаніемъ и цѣнны Воспоминанія ея; но, съ другой стороны, поэтому-то они такъ бѣдны историческими фактами, совсѣмъ лишены хронологическихъ датировокъ и почти не называютъ дѣйствующихъ лицъ (даже своихъ родныхъ и себя, какъ увидитъ читатель, она нигдѣ не называетъ по фамиліи), среди которыхъ было немало замѣчательныхъ, какъ, напр., Имп. Екатерина, Потемкинъ, Херасковъ, Нартовъ, наконецъ, ея мужъ Карамышевъ; поэтому же она не называетъ нигдѣ и себя самой и запискамъ своимъ, въ первомъ ихъ наброскѣ, даетъ заглавіе: „Описаніе жизни одной благородной женщины“, а во второмъ просто начинаетъ: „Опишу всю мою жизнь, сколько могу вспомнить“. Установить хронологію Воспоминаній оказалось очень трудно,—тѣмъ болѣе, что иногда память измѣняла пятидесяти-двухъ-лѣтнему ихъ автору, и историческая послѣдовательность событій оказывалась иногда не всегда вѣрно въ нихъ соблюденной. Но, повторяемъ, Воспоминанія Лабзиной цѣнны, главнымъ образомъ, съ бытовой точки зрѣнія, какъ памятникъ эпохи давно минувшей, какъ матеріалъ для исторіи Русской культуры середины XVIII вѣка.

При изданіи Воспоминаній и Дневника мы сохранили весь ихъ текстъ,—за исключеніемъ одного лишь мѣста, не удобнаго для воспроизведенія; что же касается орѳографіи, то, какъ видно по прилагаемому снимку съ рукописи, Лабзина писала на столько неправильно, что удерживать ея своеобразное правописаніе представлялось совершенно невозможнымъ; но, съ другой стороны, мы воспроизвели всѣ особен-

ности ея рѣчи и произношенія, не лишенныя извѣстнаго интереса [1]).

Портретъ А. Е. Лабзиной, прилагаемый при настоящемъ изданіи ея Воспоминаній, воспроизводится съ рѣдчайшей гравюры, исполненной съ портрета, написаннаго А. Л. Витбергомъ [2]) въ 1810 году (то-есть, какъ разъ въ годъ составленія настоящихъ Вопоминаній),—по экземпляру ея, принадлежащему Пушкинскому Дому при Императорской Академіи Наукъ. Кромѣ того, мы даемъ снимокъ съ гипсовыхъ бюстовъ Лабзиной и ея мужа, исполненныхъ извѣстнымъ скульпторомъ И. П. Прокофьевымъ въ 1800 году и хранящихся въ Музеѣ Академіи Художествъ [3]); наконецъ, воспроизводимъ первую страницу Воспоминаній Лабзиной (почти въ размѣрѣ оригинала) и подпись съ имѣющагося у насъ ея письма къ М. Я. Мудрову отъ 1-го іюня 1819 г. [4]).

Впервые Воспоминанія Лабзиной были напечатаны нами, съ нѣкоторыми сокращеніями, въ видѣ приложенія къ „Русской Старинѣ“ за 1903 г. (были и отдѣльные оттиски); въ настоящемъ изданіи они появляются въ полномъ видѣ, вновь провѣренныя по рукописи.

Б. Модзалевскій.

14-го сентября
1913 г.

---

[1]) Напр., Лабзина пишетъ: глыбокій, крыкъ (но и крикъ), крычала, закрычали; куды, туды, сюды, никуды; молошное, конешно, нарошно, скушно; спальна, церква; цаловать; выняла; выгната, узная; ндравъ, ндравиться, благондравіе; милосливъ; кресьяне; Страшная недѣля; репортъ, квартера; вчерась; Костентиновна и т. под.

[2]) А. Л. Витбергъ, многимъ обязанный Лабзинымъ и хранившій о нихъ благодарное воспоминаніе, написалъ портреты обоихъ супруговъ, которые одновременно и были награвированы П. И. Масловскимъ („Записки“ А. Л. Витберга въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., т. V, стр. 520). Снимки съ нихъ обоихъ см. въ изданіи А. В. Морозова: Каталогъ моего собранія русскихъ гравированныхъ и литографированныхъ портретовъ, т. II, М. 1913, табл. CCXXXIII.

[3]) См. Баронъ Н. Н. Врангель, „Каталогъ старинныхъ произведеній искусства, хранящихся въ Имп. Академіи Художествъ“, С.-Пб. 1908 г. (прилож. къ журналу „Старые Годы“), стр. 121. Бюсты эти были воспроизведены (но въ другомъ поворотѣ) при нашей статьѣ: „Къ біографіи Н. И. Новикова. Письма его къ Лабзину, Чеботареву и др. 1797—1815, въ журналѣ „Русскій Библіофилъ“ 1913 г. № III.

[4]) Письмо напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., № 7, стр. 179—180.

1810-году — —

отцину всѣ мнѣ видны ско
лко могу вспомнить —

Я асталась атца маево
пяти летъ скуавашчално почи
и непомню ево. имела я двухъ
братьевъ еще менше меня
меншова я старшно годами. а
болшева нешекъ. по ево роско
му характеру. мать мая шеб
шавшись отъ отца маево на
тритцать второмъ году повда
ево страшно. была ватчевати
помершвыми ево. и сколко она
роптала на бога. въ своимъ го
рести это она сама оплакивали
и наконецъ дашаво атъ Ивана

1810 года.

Опишу всю мою жизнь, сколько могу вспомнить.

Я осталась отъ отца [1]) моего пяти лѣтъ, слѣдовательно, почти и не помню его. Имѣла я двухъ братьевъ [2]) еще меньше меня: меньшого я страшно любила, а большого не такъ—по его жесткому характеру. Мать моя [3]), оставшись отъ отца моего на тридцать второмъ году и любя его страстно, была въ отчаяніи, потерявши его [4]). И сколько она

---

[1]) Евдокимъ Яковлевичъ Яковлевъ, родившійся въ 1692 г. и умершій въ 1764 году, въ чинѣ надворнаго совѣтника.

[2]) Одинъ изъ нихъ, младшій—Александръ Евдокимовичъ, въ 1773 г. сопровождалъ Карамышевыхъ въ поѣздкѣ въ Петрозаводскъ, а затѣмъ воспитывался въ I-мъ (тогда Шляхетномъ) Корпусѣ и былъ потомъ офицеромъ.

[3]) Она родилась въ 1732 г., ум. 21-го іюля 1772 г.

[4]) Приводимъ первоначальную редакцію начала воспоминаній А. Е. Лабзиной, представляющую нѣкоторыя небезъинтересныя подробности, затѣмъ ею опущенныя.

1810 года.

Описаніе жизни одной благородной женщины.

Я родилась отъ честныхъ и благородныхъ родителей. Рожденіе мое принесло великую радость моимъ родителямъ: у нихъ хотя и были до меня дѣти, но живыхъ не было; я—первая, которая жизнью своей дѣлала удовольствіе; и сколько молитвъ приносили къ Богу, чтобъ Онъ оставилъ имъ меня на утѣшеніе! И я была для нихъ очень драгоцѣнна; родители праздновали день моего рожденія не балами и обѣдами, а подаяніемъ нищимъ и помощію всѣмъ бѣднымъ и дѣлали по три дни

роптала на Бога въ своей горести,—это она сама сказывала; и наконецъ до того отчаяніе ее довело, что ей стало мечтать, и отецъ мой ей сталъ являться и сказалъ ей,

---

обѣды для нищихъ. И самъ отецъ мой имъ служилъ, самъ ходилъ по тюрьмамъ и разносилъ имъ нужное, и которые содержались за долги, тѣхъ выкупалъ, взялъ двухъ сиротъ на воспитаніе. Вотъ чѣмъ ознаменовалъ почтенный мой родитель мое рожденіе! Послѣ меня еще было два брата, но родитель мой меня болѣе любилъ, говоря, что это первый даръ отъ Господа и „ея рожденіе мнѣ дало новую жизнь и новое чувство, и другія дѣти—дары Господа моего на старости лѣтъ моихъ, данные мнѣ, но дочь мнѣ любезнѣе, и я на нее призываю милосердіе Отца Небеснаго, чтобъ Онъ устроялъ ея благо и утверждалъ въ добродѣтеляхъ и далъ бы ей кроткое и смиренное сердце и любовь къ ближнимъ, а паче—къ бѣднымъ".

Недолго я пользовалась счастіемъ и любовію родителя моего... Лишь только минуло мнѣ 5 лѣтъ—смерть похитила сего благодѣтельнаго отца и друга бѣдныхъ. Братъ мой остался одинъ 2-хъ лѣтъ, а другой—10-ти мѣсяцевъ. Мать моя потеряла съ нимъ все свое счастіе и спокойствіе. Она осталась отъ него 31-го году, а отецъ мой скончался на 73-мъ году, бывши боленъ только 8 дней. До сей болѣзни онъ не зналъ никакихъ болѣзней и вкусу въ лѣкарствахъ не зналъ, и мать моя тоже была крѣпкаго и здороваго сложенія и болѣзни ея были только, когда она была беременна и родила. Жизнь ихъ была самая счастливая, и Богъ ихъ во всемъ благословлялъ. Любимы они были всѣми, имѣли друзей вѣрныхъ, родственниковъ добрыхъ, въ домѣ—видимое благословеніе было Божіе. Не было ни одного человѣка ни вора ни пьяницы и не было распутныхъ женщинъ, и всѣ рабы любили своихъ господъ, какъ дѣти отца, и были вѣрны. И смерть такого добраго и благодѣтельнаго друга, отца и мужа, оставила горесть несказанную какъ въ друзьяхъ его, а въ семействѣ—отчаяніе. При смерти своей, чувствуя ея приближеніе, позвалъ мою няню, которую сердечно любилъ, да она и стоила того. „Послушай, мой другъ: я близокъ къ концу и чувствую, что умираю. Съ женой моей говорить не могу, видя ее въ скорбномъ состояніи, но тебя прошу, какъ друга: скажи послѣ оставшейся моей женѣ и другу: воспитаніе моихъ дѣтей чтобъ было таково чтобъ они познавали Бога и научались съ самаго младенчества любить Его всѣмъ сердцемъ; мать свою чтобъ любили и почитали и повиновались, къ старшимъ чтобъ имѣли почтеніе и уваженіе, не только къ равнымъ, но и къ рабамъ добрымъ. Не допускайте ихъ, чтобъ они были въ худыхъ обществахъ,а показывайте имъ примѣры добрые и христіанскіе. Болѣе всего—пріучайте ихь любить бѣдныхъ и несчастныхъ и заставляйте ихъ все съ ними дѣлить пополамъ. Бога ради къ роскоши не пріучайте ихъ и къ нѣжной пищѣ, а пріучайте къ суровой пищѣ и погодѣ и къ небогатому платью. Особливо прошу тебя, моего друга, о питомицѣ твоей, которая мнѣ столь была драгоцѣнна и которая при самомъ ея рожденіи поручена тебѣ. Обѣщай мнѣ при послѣднихъ минутахъ..".

чтобъ она ни подъ какимъ видомъ изъ деревни не выѣзжала и никого къ себѣ не пускала, даже и дѣтей, а иначе онъ къ ней ходить перестанетъ. Она все ему обѣщала и лежала въ комнатѣ съ закрытыми окошками и все разговаривала съ нимъ и была въ удовольствіи, забыла совсѣмъ о насъ и не думала, есть ли у нея дѣти. И мы тогда были у тетки на рукахъ, которая за нами смотрѣла; и долго не примѣчали ужаснаго состоянія матери моей и считали, что она въ бреду. Наконецъ, стала примѣчать моя няня и подозрѣвать, что она никого къ себѣ не впускаетъ и проситъ всѣхъ, чтобъ ее оставили одну: „а что мнѣ будетъ надо, то я позову“. Наконецъ она стала прислушиваться у дверей и услышала разговоръ, даже имя отца моего услышала, какъ мать моя его кликала и садила подлѣ себя и говорила: „Ты меня никогда не оставишь? Я для тебя все оставила, даже и дѣтей“, но его отвѣту не было слышно. Узнавши моя няня и въ ужасѣ пришла къ теткѣ моей и разсказала. Она, не повѣря ей, сама пошла и увѣрилась въ правдѣ. Не знали, что начать. Сколько ее ни уговаривали, чтобъ она позволила кому-нибудь съ собой быть, но не могли сдѣлать. Наконецъ, явно сама стала говорить и сказывать, что она не одна: „Я съ мужемъ“. Ей стали говорить, что этому быть нельзя,—мертвые не ходятъ, и симъ самымъ ее привели въ бѣшенство. Родныхъ не было никого, всѣ были въ отдаленности. И продолжалось сіе около трехъ лѣтъ; всѣ люди за нее молились; насъ заставляли, но мы не знали, за кого молились, потому что ее не видали. Она насъ возненавидѣла и имени нашего слышать не могла, только и говорила: „Они больше всѣхъ мнѣ мѣшаютъ“. Наконецъ, къ счастію нашему и ея, возвратился изъ Петербурга дядя и тотчасъ пріѣхалъ въ деревню и увидѣлъ мать мою въ семъ страшномъ положеніи, сталъ ее звать, велѣлъ открыть окна и не хотѣлъ ее оставить. Она, видя все сіе, въ такое пришла бѣшенство и силу, что, бросясь на дядю и браня его, хотѣла царапать и кусать, но дядя велѣлъ приготовить лошадей и людей, сказалъ ей, что онъ непремѣнно ее увезетъ. И она пробовала его умолять, чтобъ онъ не разлучалъ ее съ другомъ. Однако, дядя мой, взявши ее на руки, вынесъ и положилъ въ коляску, самъ сѣлъ на облучекъ, на другую сторону посадилъ людей. Она такъ крычала, что страшно было слышать. Привезши

въ городъ,—прямо къ себѣ въ домъ; тутъ шесть недѣль не отлучались отъ нея дядя и тетка и протопопъ; говорить съ ней было нельзя: она не слушала и не отвѣчала, то безпрестанно читали Евангеліе и между собой разговаривали. Четыре недѣли она ничего не говорила и глазами не смотрѣла, но вдругъ въ одну ночь вскочила и начала молиться и просить протопопа, чтобъ онъ ее поскорѣй причастилъ, что и исполнили съ радостью. Послѣ сего она стала плакать и просить, чтобъ насъ привезли и дали бы видѣть. Это такъ обрадовало всѣхъ, ее окружающихъ, что тотчасъ послали за нами. Между тѣмъ, она разсказывала, что ей во снѣ привидѣлся старичекъ и сталъ ей выговаривать, какое она страшное дѣлаетъ преступленіе противъ Бога, и какъ она могла думать, чтобъ мужъ ея къ ней ходилъ. „Ежели бы ты знала, съ какимъ ты духомъ бесѣдовала, то ты бы сама себя ужаснулась. Я тебѣ его покажу“,—и я увидѣла страшное чудовище. „Вотъ твой собесѣдникъ, для котораго ты забыла Бога и первый твой долгъ—дѣтей“. Она упала ему въ ноги и закрычала: „Помоги мнѣ, грѣшной, и исходатайствуй прощеніе моему преступленію. Я обѣщаюсь съ сей минуты служить Господу моему, стану нищихъ, больныхъ, страждущихъ утѣшать и имъ помогать“. Онъ отвѣчалъ: „Смотри же:—исполни, и тѣмъ загладишь свое преступленіе. Сейчасъ проси добраго пастыря, чтобъ онъ тебя пріобщилъ святыхъ тайнъ. Помнишь ли ты, сколько времени ты себя лишала сего драгоцѣннаго дара? Знай, что еще были такія добрыя дѣла твои, которыя вспомянулись предъ престоломъ Отца Небеснаго, и молитвы ближнихъ твоихъ и невинныхъ, оставленныхъ сиротъ твоихъ взошли къ престолу Его, и ты еще возвращаешься для покаянія и для услугъ несчастныхъ“. И наконецъ она увидѣла въ семъ старцѣ своего отца, закрычала и проснулась. Насъ привезли, и мы тутъ увидѣли нѣжную мать, которая насъ слезами обливала и подвела насъ къ дядѣ и сказала: „Вотъ вашъ отецъ и благодѣтель: онъ вамъ мать возвращаетъ, и вы теперь не сироты. И такъ переѣхала она въ свой домъ и не нашла въ немъ никакого безпорядку, потому что люди тѣ, на которыхъ возложена была какая должность, точно исполняли такъ же, какъ бы и при ней. Въ деревнѣ тоже, по доброму и усердному смотрѣнію приказчика, мать моя нашла столько

всякаго запасу, скота и птицъ, чего никакъ не ожидала. И такъ, распорядя дѣла свои въ городѣ, поѣхала съ нами въ деревню, и тутъ началось наше воспитаніе. Мнѣ ужъ было семь лѣтъ и грамотѣ ужъ была выучена, и сама мать моя учила писать, и начала образо(вы)вать сердце мое, сколько словами, а вдвое примѣрами. Она посвятила себя для содѣланія счастливыми своихъ крестьянъ, которые ее боготворили. У насъ въ деревнѣ, когда бывали больные, то мать моя, не требуя лѣкарской помощи, всѣ болѣзни лѣчила сама, и Богъ ей помогалъ. У отчаянныхъ больныхъ просиживала по цѣлымъ днямъ, гдѣ и я съ ней бывала и служила по ея приказанію больнымъ, сколько могла по лѣтамъ моимъ; на ночь отправляла мою няню, которая съ охотою дѣлала все то, что ей приказывали. У умирающихъ всегда бывала и я съ ней, и все это время страданія умирающаго она, стоя на колѣняхъ передъ распятіемъ, съ рыданіемъ молилась, и ежели умирающій въ памяти, то подкрѣпляла его и утѣшала надеждой на Спасителя нашего,—и такъ больной дѣлался покоенъ, что не съ такимъ ужасомъ ожидалъ конца своего. Часто въ такихъ случаяхъ заставляла меня читать о страданіяхъ Христа Спасителя, что больныхъ чрезвычайно услаждало. И куды она приходила—вездѣ приносила съ собой миръ и благословеніе Божіе. И какъ сосѣди узнали, что мать моя лѣчитъ, то приваживали къ ней больныхъ, и она никакъ не отказывала и съ радостію принимала всѣхъ къ себѣ, и очень рѣдко случалось, чтобъ умирали. Между тѣмъ, меня учила разнымъ рукодѣліямъ и тѣло мое укрѣпляла суровой пищей и держала на воздухѣ, не глядя ни на какую погоду; шубы зимой у меня не было; на ногахъ, кромѣ нитныхъ чулокъ и башмаковъ, ничего не имѣла; въ самые жестокіе морозы посылывала гулять пѣшкомъ, а тепло мое все было въ байковомъ капотѣ. Ежели отъ снѣгу промокнутъ ноги, то не приказывала снимать и перемѣнять чулки: на ногахъ и высохнутъ. Лѣтомъ будили меня тогда, когда чуть начинаетъ показываться солнце и водили купать на рѣку. Пришедши домой, давали мнѣ завтракъ, состоящій изъ горячаго молока и чернаго хлѣба; чаю мы не знали. Послѣ этого я должна была читать Священное Писаніе, а потомъ приниматься за работу. Послѣ купанья тотчасъ начиналась молитва, оборотясь къ востоку и ставши на колѣни; и няня со

мной,—и прочитаю утреннія молитвы; и какъ сладостно было тогда молиться съ невиннымъ сердцемъ! И я тогда больше Создателя моего любила, хоть и меньше знала просвѣщенія; но мнѣ было всегда твержено, что Богъ вездѣ присутствуетъ и Онъ видитъ, знаетъ и слышитъ, и никакое тайное дѣло сдѣланное не останется, чтобъ не было обнаружено; то я очень боялась сдѣлать что-либо дурное. Да и присмотръ моей благодѣтельной и доброй няни много меня удерживалъ отъ шалостей. Мать моя давала намъ довольно времени для игры лѣтомъ и пріучала насъ къ бѣганью; и я въ десять лѣтъ была такъ сильна и проворна, что нонче и въ пятнадцать лѣтъ не вижу, чтобъ была такая крѣпость и въ мальчикѣ. Только рѣзвость моя много огорчала мою почтенную мать. У меня любимое занятіе было бѣганье и лазить по деревьямъ, и какъ бы высоко дерево ни было,—то непремѣнно влѣзу. А какъ меня за это наказывали, то я уходила тихонько въ лѣсъ и тамъ дѣлала свое удовольствіе: и братьевъ съ собой уведу и ихъ учу также лазить; и учительницѣ много за это доставалось! Пища моя была: щи, каша, и иногда кусокъ солонины, а лѣтомъ—зелень и молошное. Въ постъ особливо въ Великій, и рыбы не было. И самая грубая была для насъ пища; а вмѣсто чаю поутру—горячее сусло, или сбитень. Говаривали многіе моей матери, для чего она меня такъ грубо воспитываетъ, то она всегда отвѣчала: „Я не знаю, въ какомъ она положеніи будетъ; можетъ быть и въ бѣдномъ, или выйдетъ замужъ за такого, съ которымъ должна будетъ по дорогамъ ѣздить: то не наскучитъ мужу и не будетъ знать, что такое прихоть, а всѣмъ будетъ довольна и все вытерпитъ: и холодъ, и грязь, и простуды не будетъ знать. А ежели будетъ богата, то легко привыкнетъ къ хорошему“. Она какъ будто предвидѣла мою участь, что мнѣ надо будетъ все это испытать! Важивала меня верстъ по двадцати въ крестьянской телѣгѣ и заставляла и верхомъ ѣздить, и на поле пѣшкомъ ходить—тоже верстъ десять. И пришедши, гдѣ жнутъ,—захочется ѣсть: то прикажетъ дать крестьянскаго чернаго хлѣба и воды, и я съ такимъ вкусомъ наѣмся, какъ будто за хорошимъ столомъ. Она и сама мнѣ покажетъ примѣръ: со мной кушаетъ, и назадъ пойдемъ пѣшкомъ.

Бывали у насъ въ деревнѣ праздники для крестьянъ: столы посреди двора, и она сама ихъ потчивала и насъ за-

ставляла имъ подносить пиво и вина; и когда пойдутъ по домамъ, то я ихъ провожаю за ворота и желаю имъ доброй ночи, а они меня благословляютъ. Часто очень сама мать моя ходила со мной на купанье и смотрѣла съ благоговѣніемъ на восходъ солнца и изображала мнѣ величество Божіе, сколько можно было по тогдашнимъ моимъ понятіямъ. Даже учила меня плавать въ глубинѣ рѣки и не хотѣла, чтобъ я чего-нибудь боялась, — и я одиннадцати лѣтъ могла переплывать большую и глыбокую рѣку безо всякой помощи; плавала по озерамъ въ лодкѣ и сама весломъ управляла; въ саду работала и гряды сама дѣлывала, полола, садила, поливала. И мать моя со мной раздѣляла труды мои, облегчала тягости тѣ, которыя были не по силамъ моимъ; она ничего того меня не заставляла дѣлать, чего сама не дѣлала.

Зимой мы ѣзжали въ городъ. Тамъ была другая наука: всякую недѣлю ѣзжала или хаживала въ тюрьмы, и я съ ней относила деньги, рубашки, чулки, колпаки, халаты, нашими руками съ ней сработаны. Ежели находила больныхъ, то лѣчила, принашивала чай, сама ихъ поила, а болѣе меня заставляла. Раны мы съ ней вмѣстѣ промывали и обвязывали пластырями. И какъ скоро мы показывались въ тюрьму, то всѣ крычали и протягивали руки къ намъ, а особливо больные. Пища въ тюрьмы всякій день отъ насъ шла, а больнымъ — особо легкая пища. Всякую недѣлю нищихъ кормили дома, и она сама съ нами имъ служила у стола; и какъ расходятся, то одѣляла всѣхъ деньгами, рубашками, чулками, башмаками, или—лучше сказать—кто въ чемъ нужду имѣлъ. И ни одинъ бѣдный не остался безъ ея помощи. У насъ былъ человѣкъ, на котораго возложена была должность отыскивать бѣдныхъ и страждущихъ, который вѣрно исполнялъ свою должность. Мать моя часто бывала больна, то въ это время бѣдныхъ и тюрьмы посѣщала я съ нянькой и отправляла должность ея и въ лѣченіи по предписанію ея. Когда умирали въ тюрьмахъ, то наши люди посыланы были тѣло обмывать, и похороны были отъ насъ. Къ труднымъ больнымъ въ тюрьму ѣздила съ тѣмъ пастыремъ, который ее спасъ; и дѣлали долгъ христіанскій. Она часто съ пастыремъ просиживала въ тюрьмѣ до глубокой ночи, — и читали, и разговаривали съ больными; и часто

случалось, что несчастные исповѣдывали при всѣхъ грѣхи свои и успокоивали совѣсть свою, и тогда-то у ней радость сіяла на лицѣ ея, и она меня обнимала и говорила: „Ежели ты будешь въ состояніи дѣлать добро для бѣдныхъ и несчастныхъ, то ты исполнишь законъ Христовъ, и миръ въ сердцѣ твоемъ обитать будетъ, и Божіе благословеніе сойдетъ на главу твою, и умножится и богатство твое, и ты будешь счастлива. А ежели ты будешь въ бѣдности, что и нечего тебѣ дать будетъ, то и отказывай съ любовію, чтобъ и отказъ твой не огорчилъ несчастнаго; и за отказъ будутъ тебя благословлять; но и въ бѣдности твоей ты можешь дѣлать добро, — посѣщать больныхъ, утѣшать страждущихъ и огорченныхъ; и помни всегда, что они есть ближніе твои и братья, и ты за нихъ будешь награждена отъ Царя небеснаго. Помни и не забывай, мой другъ, наставленія матери твоей".

Случается тамъ часто, что на канатѣ приводятъ несчастныхъ, въ желѣзахъ на рукахъ и на ногахъ,—то матери моей всегда дадутъ знать изъ тюрьмы, что пришли несчастные, и она тотчасъ идетъ, насъ съ собой [беретъ], несетъ для нихъ все нужное и обшиваетъ холстомъ желѣза, которыя имъ перетираютъ ноги и руки до костей. А ежели увидитъ, что очень въ дурномъ положеніи несчастные и слабы, то проситъ начальниковъ на поруки къ себѣ и залѣчиваетъ раны. Начальники ей никогда не отказывали, потому что всѣ ее любили и почитали. И сколько бѣдныхъ домовъ у ней было на содержаніи, сколько бѣдныхъ сиротъ выдавала замужъ! Словомъ сказать — она всю свою жизнь посвятила на дѣла христіанскія. Братьевъ отдала въ ученье къ одному своему искреннему пріятелю; но большого брата упрямый ндравъ ее очень огорчалъ и она его жестоко наказывала. И онъ былъ девяти лѣтъ, какъ пріѣхалъ въ городъ одинъ нашъ благодѣтель, генералъ Ирманъ [2]), который ѣхалъ главнымъ

[1]) Андрей Абрамовичъ Ирманъ, состоявшій въ военной службѣ съ 1742 г., участвовалъ, въ чинѣ подполковника Вологодскаго пѣхотнаго полка, въ Семилѣтней войнѣ; 19-го марта 1764 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Гороблагодатскихъ и Камскихъ заводовъ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, а съ 13-го января 1769 г. до 7-го марта 1779 г. состоялъ начальникомъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, будучи 21-го апрѣля 1773 г. произведенъ въ генералъ-поручики. О немъ см. статью С. Н. Кулибина въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ", С.-Пб. 1897, стр. 137.

начальникомъ въ Барнаулъ. Онъ, любя мою мать много, уговорилъ ее отдать ему брата моего, и она тотчасъ согласилась и ввѣрила ему, какъ другу, и не ошиблась: ему они замѣняли отца и мать и любили его какъ сына и сдѣлали его человѣкомъ; но ндравъ его, все оставался жесткъ, хотя и меньше противъ прежняго. А меньшой былъ самаго кроткаго и тихаго ндраву и былъ всѣми любимъ, особливо мной. Мнѣ казалось, что у меня съ нимъ одна душа и одно сердце. Когда онъ былъ чѣмъ недоволенъ или урокъ свой не выучитъ и тѣмъ огорчитъ мать мою и учителя, то я такое мученіе чувствовала въ сердцѣ моемъ, что и сама за себя, кажется, столько не страдала. Вся моя радость была въ его радости, и онъ мнѣ тѣмъ же платилъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза и узнавалъ, чего я хотѣла. Я же о себѣ скажу, что моей собственной воли ни мало не было: даже желанія мои были только тѣ, которыя угодны были моей милой и почтенной матери. Я не помню, чтобъ я когда не исполнила ея приказанія съ радостью. За то я была ею любима, хотя она и не показывала часто большихъ ласкъ; но ужъ за то сколько я цѣнила ея ласки, когда она меня ласкала за сдѣланное какое-нибудь доброе дѣло: у меня отъ радости слезы текли, и я цѣловала руки моей матери и обнимала колѣни ея; а она благословляла и говорила: „Будь, мое дитя, всегда такова“.

Я не меньше и почтенную мою няню любила, такъ какъ я съ ней чаще бывала: потому, что управленіе деревней зависѣло отъ одной моей матери, то и занятія ея требовали много времени и отнимали часто ее у меня; но ее замѣняла нянька. Своими добрыми примѣрами и неусыпнымъ смотрѣніемъ не только что замѣчала мои дневныя дѣйствія, даже и сонъ мой, какъ я сплю; и на другой день спрашивала меня: „Почему вы сегодня спали безпокойно? Видно, вчерась душа ваша не въ порядкѣ была, или вы не исполнили изъ должностей вашихъ чего-нибудь? Подумайте, моя милая, и скажите мнѣ; то вмѣстѣ помолимся и попросимъ Отца Небеснаго, чтобъ Онъ спасъ ото всего того, что бъ могло васъ довести къ пагубѣ!“ И я тотчасъ ей со слезами во всемъ признавалась и просила ее скорѣе за меня вмѣстѣ со мной молиться и просить Создателя нашего о прощеніи меня. По окончаніи молитвы я обнимала ее и говорила, что мнѣ очень

теперь весело и легко, а она мнѣ давала наставленія остерегаться отъ всего того, что можетъ совѣсть мою тягчить, и показывала многіе примѣры несчастные, которые много на меня дѣйствовали. И она умѣла изъ меня сдѣлать то, что не было ни одной мысли, которая бъ не была ей открыта. На многое она давала мнѣ рѣшенія, а съ нѣкоторыми мыслями отсылала, чтобъ я сказала матери моей; и для меня не было тяжело и сіе сдѣлать. Сія неоцѣненная моя благодѣтельница и своихъ имѣла дѣтей, но она не оставляла возложеннаго на нее долгу воспитывать меня. У дѣтей ея были даны женщины, которыя смотрѣли за ними, и сама моя мать за ними присматривала и держала ихъ возлѣ своей комнаты.

Хаживала я съ ней въ рощи съ работой, и она у меня часто спрашивала: „Удивляетесь ли премудрости Божіей и съ почтеніемъ ли смотрите на все Его твореніе? Видите, какъ Онъ любитъ человѣка, что все сіе сотворено для него: и въ пищу, и для удовольствія. Да и самъ человѣкъ сотворенъ по образу Его и по подобію; то можно ли же намъ жить такъ, чтобъ не стараться во всемъ Ему быть подобными? И можно ли Его не любить болѣе всего и не благодарить за всѣ тѣ милости, которыя Онъ намъ оказываетъ? А особливо тебѣ надо благодарить за Его неизреченныя къ тебѣ милости, что Онъ тебѣ далъ такую мать, которая тебя любитъ и добрыми примѣрами и наставленіями хочетъ сдѣлать тебя счастливой. Только повинуйся ей и исполняй ея волю, а я—ея помощница въ твоемъ воспитаніи и хочу тебѣ всякаго добра. И сколько силъ моихъ есть — съ помощію Божіею, даю тебѣ наставленія, сколько разумѣю. И слава Богу, что ты меня слушаешь и любишь: а это одна моя награда, которую я отъ васъ ожидаю. Нѣтъ блага для меня болѣе, какъ видѣть васъ подобной вашей матушкѣ. Ты не помнишь родителя своего; и онъ былъ рѣдкій въ добродѣтеляхъ и, умирая, говорилъ: „Воспитаніе моихъ дѣтей чтобъ было то, чтобъ они познавали Бога и научались съ самаго младенчества любить Его всѣмъ сердцемъ, мать свою чтобъ любили и почитали; къ старшимъ чтобъ они имѣли почтеніе и уваженіе, не только къ равнымъ,—и къ рабамъ добрымъ. Пріучайте ихъ любить бѣдныхъ и несчастныхъ; къ роскоши ихъ не пріучайте, а болѣе—къ нуждѣ“, и, повернувшись ко

мнѣ, сказалъ: „Другъ мой, Костентиновна, обѣщай мнѣ при концѣ жизни моей, что ты будешь все это выполнять и дай мнѣ спокойно умереть; дочь моя ввѣрена тебѣ съ самаго ея рожденія, то, конечно, ты ея не оставишь и заплатишь намъ за любовь нашу къ тебѣ". Я упала къ нему на колѣни и цѣловала руки его, ужъ половину охладѣвшія, и поклялась, что все сіе исполню. А матери вашей тутъ не было; она ужъ лежала въ другой комнатѣ. Онъ силился привстать и чтобъ меня обнять, и сказалъ: „Благодарю тебя, мой другъ, что ты успокоила послѣднія мои минуты. Еще тебя прошу о дочери моей; ей предстоятъ великія трудности въ жизни ея; молись за нее. Жену побереги; я въ васъ во всѣхъ увѣренъ, что вы успокоите ее. Теперь выйдите и дайте мнѣ поуспокоиться; принесите дѣтей, чтобъ я ихъ благословилъ". Я пошла и, погодя немного, привела васъ; и онъ благословилъ и, испрашивая отъ Отца Небеснаго на васъ благословенія, сказалъ: „Господи мой! Ежели они будутъ жить въ добродѣтеляхъ, то не оставь ихъ своею помощію. Но ежели не будутъ хороши, — то возьми ихъ въ то время, когда они еще невинны". И, окончивши сіе, сказалъ: „Я все исполнилъ; теперь самому надо приготовиться въ путь: оставьте меня". И такъ мы съ рыданіемъ вышли. И онъ послѣ этого жилъ сутки и ужъ больше ни о чемъ не думалъ, какъ о приготовленіи себя; и до послѣдней минуты жизни своей былъ въ совершенной памяти; и на лицѣ его было спокойствіе: ни страху, ни ужасу не было въ немъ видно. И послѣднее его слово было: „Повергаюсь въ Твое неизреченное милосердіе, Спаситель мой! прими духъ мой и помилуй меня; и подкрѣпи оставшихъ моихъ и дай имъ силы, по потерѣ моей, чтобъ они не скорбѣли и не прогнѣвляли Тебя!" — перекрестился и что-то еще говорилъ, но такъ тихо, что мы не слыхали,— и скончался [1]). Потеря сія для насъ для всѣхъ была велика: онъ былъ намъ отецъ и другъ, и съ нимъ, казалось, умерли всѣ наши надежды и радости".

Кончивши сіе, она горько заплакала и прижала меня къ себѣ и сказала: „Будь, мое дитя, такъ добродѣтельна, какъ родители твои, и поддержи труды мои, чтобы я могла тебя представить и сама съ тобой предстать предъ Отца небеснаго

---

[1]) 1764 г.

безъ трепета и съ радостію сказать: „Вотъ мнѣ ввѣренный залогъ родителями ея“.—Когда она учила меня вышивать, то говорила: „Учись, матушка, можетъ быть, труды твои будутъ въ жизни твоей нужны. Ежели угодно будетъ Богу тебя испытать бѣдностью, то ты, зная разныя рукодѣлія, не будешь терпѣть нужды и будешь доставать хлѣбъ честнымъ образомъ и еше будешь веселиться. Ежели сердце твое будетъ невинно и совѣсть будетъ ничѣмъ не отягчена, то и труды будутъ казаться легки, и за все будешь благодарить Господа твоего“.

И такъ протекала моя счастливая жизнь до тринадцати лѣтъ, и я всѣми родными была чрезвычайно любима. Я въ тринадцать лѣтъ была,—и никто не вѣрилъ, а всѣ говорили, что мнѣ ужъ шестнадцать лѣтъ.

Мать моя жила чрезвычайно спокойно. Одно было ее потревожило: татары противъ ея возстали и хотѣли землю отнять, будто ей не принадлежащую. Жилъ возлѣ насъ въ пяти верстахъ одинъ помѣщикъ Клеопинъ [1]), который пріѣхавши и сказалъ матери моей, чтобъ она поспѣшала въ городъ уѣхать. Она сказала: „Что мнѣ отъ Бога опредѣлено, отъ того не уйду никуды; имѣніе мое и земля по всѣмъ правамъ мнѣ принадлежитъ и дѣтямъ, и меня не обидятъ и татары, когда Богъ—мой защитникъ: я давно ему предалась“. Итакъ, онъ не могъ ее уговорить ѣхать, и она осталась въ деревнѣ. Между тѣмъ, стала приготовляться къ принятію гостей, хотя и непріятныхъ: велѣла варить пива какъ можно больше; вино у насъ было свое, наливки разныхъ родовъ. И такъ, недѣли черезъ двѣ, точно, пріѣхали башкирцы человѣкъ двѣсти, всѣ верхами, и старшина ихъ съ пятидесятью человѣками взъѣхали прямо на дворъ. Мать моя призвала въ помощь Бога, взяла насъ за руки и вышла ихъ встрѣтить на крыльцо; привѣтствовала ихъ какъ наивозможно ласково. Это было лѣтомъ, то они въ комнаты идти

---

[1]) Съ какимъ-то коллежскимъ совѣтникомъ Клеопинымъ, находившимся въ 1760 году при Нерчинскихъ заводахъ, у Е. Я. Яковлева были недоразумѣнія передъ выходомъ его въ отставку (Арх. Мин. Юст., Дѣла Герольдмейстерской Конторы, кн. № 494, л. 302). Не былъ ли это оберъ-бергмейстеръ Григорій Никифоровичъ Клеопинъ (род. въ 1720 г., ум. послѣ 1790 г.), женатый на Натальѣ Александровнѣ Мордвиновой и въ 1774 г. находившійся уже въ отставкѣ?

не хотѣли; то мать моя и усадила всѣхъ на ковры во дворѣ и приказала выкатить бочки съ пивомъ, виномъ и наливками и приказала готовить обѣдъ. Мѣжду тѣмъ, стала съ старшиною говорить, за что они ее, вдову, хотятъ обидѣть съ малыми дѣтьми. „У меня нѣтъ другого защитника, кромѣ Бога, котораго и вы знаете; Онъ одинъ нашъ отецъ, Онъ какъ меня сотворилъ, такъ и васъ, то не страшитесь ли вы Его правосудія? Куды жъ вы меня сгоните съ земли? Я у васъ же буду жить и посвящу вамъ же себя на услуги. Есть и между вами любящіе Бога, и я вездѣ буду спокойно жить. Меня не могутъ устрашить человѣки, мнѣ равные, я всѣхъ считаю ближними моими". И взяла насъ за руки и сказала: „Судьба сихъ сиротъ у васъ въ рукахъ: хотите ихъ сдѣлать несчастными или счастливыми?" Они начали между собой говорить, чего мать моя не разумѣла. Между тѣмъ, обѣдъ приготовили; мать моя начала сама ихъ потчивать и сказала: „Я васъ потчиваю, какъ друзей моихъ и ближнихъ сосѣдей; покушайте хлѣба-соли вдовы, которая всегда готова быть вамъ другомъ". И при концѣ обѣда старшина и со всѣми подчиненными встали и подошли къ матери моей и со слезами сказали: „Будь спокойна, наша добрая сосѣдка и другъ: мы теперь не враги твои, а защитники; вся наша волость къ твоимъ услугамъ, требуй отъ насъ за причиненный тебѣ страхъ и безпокойство, что хочешь". Мать моя подошла къ старшинѣ, обняла его, заплакала и сказала: „Мнѣ ничего не надо, кромѣ дружбы вашей и вашихъ добрыхъ сердецъ". Они всѣ въ голосъ закрычали и открыли свои груди: „Вотъ они здѣсь!" И такъ, пировавши цѣлый день, уѣхали ужъ ночью. И съ тѣхъ поръ мать моя жила съ ними въ добромъ согласіи, и они со своей стороны дѣлали всевозможныя ей ласки. Всякій праздникъ пріѣзжали къ ней въ гости, привозили къ ней гостинцы и ее къ себѣ звали, особливо на свадьбы. И мать моя никогда не отказывала имъ.

Еще въ то же лѣто былъ случай. Приходитъ вечеромъ приказчикъ и сказываетъ, что пришелъ въ деревню какой-то человѣкъ и просится ночевать, и что-то ему онъ показался подозрителенъ. А въ самое это время кругомъ насъ ходили славные два атамана съ партіями и грабили деревни и сжигали. Послѣднюю выжгли деревню отъ насъ въ двѣнадцати верстахъ. Но мать моя ничего не страшилась и была очень

спокойна. По репортѣ приказчика, она приказала мужика позвать къ себѣ, и онъ пришелъ. Мать моя спросила: „Откуда ты, мой другъ, и куда идешь?“ Онъ отвѣчалъ: что „въ городъ, съ Демидова заводу, а теперь-де идти поздно, то я и прошу позволить у васъ ночевать“. Мать моя сказала: „Ночуй, мой другъ, у меня: избы крестьянскія всѣ пусты, хозяева на работѣ, то прохожаго человѣка не накормятъ такъ, какъ должно“,—и призвавши мою няню, сказала: „Вотъ тебѣ, Костентиновна, гость; накорми его и напой, чѣмъ Богъ послалъ, и постель ему дай; да пьешь ли ты водку мой другъ?“ И онъ сказалъ: „Пью“. И мать моя встала и поднесла ему водки. И такъ онъ отправился съ няней въ ея комнату. Накормили его и постель постлали, и няня ему предложила ложиться спать. Онъ сказалъ: „Я на часъ схожу и скоро приду“. Какъ онъ ушелъ, няня пришла и говоритъ: „Матушка, полно, добрый ли человѣкъ, котораго пустили ночевать? Онъ куды-то ушелъ“. Мать моя сказала: „Мнѣ и самой онъ подозрителенъ, да что жъ дѣлать? Ежели бы я его не пустила, то могло бъ быть хуже. Молись, мой другъ: Онъ насъ защититъ; когда Онъ спасъ отъ двухсотъ человѣкъ, то отъ одного вѣрно спасетъ“. Между тѣмъ, гость нашъ пришелъ и легъ спать; а мать моя по ночамъ мало очень спала, однако легла, чтобъ намъ не дать знать о своемъ подозрѣніи. Поутру рано приходитъ мужикъ благодарить за хлѣбъ-за соль и за покой и проситъ, чтобъ при случаѣ его не оставить. Мать моя отвѣчала: „Да управитъ Господь путь твой, а я никогда не отрекусь служить, чѣмъ могу“. И такъ онъ отправился. И на дорогу ему дали, что ему было нужно.

Зимой мы пріѣхали въ городъ и услышали, что атаманы оба пойманы, и, такъ какъ мать моя хаживала въ тюрьмы, то, по пріѣздѣ изъ деревни, тотчасъ пошла навѣстить друзей своихъ—такъ она ихъ называла—и за нами понесли нужное для несчастныхъ. Входимъ въ тюрьму и видимъ человѣка, который кланяется и благодаритъ за хлѣбъ-за соль: мать моя узнаетъ въ немъ того, который у насъ ночевалъ, и съ удивленіемъ спрашиваетъ, какимъ манеромъ онъ сюды попалъ. Онъ отвѣчаетъ: „По дѣламъ моимъ: я атаманъ; а что я къ тебѣ зашелъ, то я тебя спасалъ,—боялся, чтобъ другая партія къ тебѣ не пришла, и чтобъ ты не была разорена: безъ тебя не будетъ утѣшителя несчастнымъ, и я выходилъ

въ то время на дорогу, которою я зналъ, что партія другого товарища будетъ проходить,—и не ошибся. Я ихъ отправилъ въ другое мѣсто, чтобъ тебя только сохранить. Да и впредь не бойся, добрая питательница бѣдныхъ: пока жива, — тебя будутъ и самые разбойники и злодѣи щадить и хранить". Мать моя, пришедши домой, принесла Богу благодареніе за Его къ ней милосердіе и сказала мнѣ: „Не забывай, мой другъ, сего случая никогда и знай, что сдѣланное добро наградится не только что въ будущей жизни, но еще и въ здѣшней. Будь, моя дочь, добродѣтельна и люби дѣлать добро; избѣгай всѣхъ пороковъ, береги свое сердце отъ непозволенной любви. А когда тебя Богъ благословитъ супружествомъ, то чти своего супруга, какъ главу, повинуйся ему, люби его всѣмъ сердцемъ, хотя бъ онъ и дуренъ былъ противъ тебя. И знай, что онъ тебѣ данъ будетъ отъ Господа: добрый—для содѣланія тебя счастливой, а дурной—для испытанія терпѣнія твоего. Ежели ты все снесешь съ кротостью, то ты покоряться будешь волѣ Божіей, а не человѣческой; и не осмѣливайся никогда дѣлать упреки мужу твоему: изъ этого можетъ выйти раздоръ между вами. На всякаго злодѣя кротость можетъ подѣйствовать больше, нежели строптивость".

И мать моя начала чувствовать разныя болѣзни и частые припадки, такъ что видимо приближалась ко гробу. И наконецъ ужъ и ходить съ нуждою могла, что меня чрезвычайно страшило, — и потеря сія для меня была ужасна. Въ самое это время пріѣзжаетъ Александръ Матвѣевичъ[1]), и такъ какъ онъ воспитанъ былъ у моего отца, то за долгъ счелъ къ первой моей матери пріѣхать въ первый день своего пріѣзда. И мать моя очень была ему рада, увидя его, черезъ шестнадцать лѣтъ. И онъ просилъ познакомить его и съ нами, и я съ маленькимъ братомъ была позвана и представлены были. И я, увидя его, очень оробѣла и такъ, что ноги подо мной дрожали. И я очень была довольна, что мнѣ позволено было идти къ себѣ въ комнату. Онъ, посидя немного, ушелъ, испрося позволенія бывать чаще. Его же почтенная мать была совершенный другъ моей матери, и ей всегда хотѣлось меня имѣть за сыномъ. Онъ, пришедши домой, сказалъ своей матери, что онъ бы былъ счастливъ

---

[1]) Карамышевъ, будущій мужъ Анны Евдокимовны Лабзиной.

ежели бы меня за него отдали. Она, услыша сіе, чрезвычайно обрадовалась и сказала, что она ничего такъ не хочетъ, какъ имѣть меня дочерью. Между тѣмъ, онъ далъ препорученіе своей племянницѣ-дѣвушкѣ, чтобъ она у меня спросила, съ удовольствіемъ ли я бы пошла за него и не противенъ ли онъ мнѣ. Она пріѣхала къ намъ на третій день его пріѣзду и, выбравши время, когда мы остались однѣ, мнѣ начала объ этомъ говорить и его хвалить. Я ей отвѣчала, что я удивляюсь, какъ она взялась за сіе посольство, бывши сама дѣвушка молодая. „И какъ вы могли думать, чтобъ я вамъ отвѣчала безъ вѣдома моей матери, безъ которой я ничего въ мірѣ не предприму. А ежели бы у меня и отнялъ Господь ее, то у меня еще останется другъ—моя няня, то я и безъ нея бы не могла ничего сдѣлать. Или вы хотѣли воспользоваться моей молодостью, и неопытностью? То вы знайте, что мнѣ даны правила, какъ мнѣ поступать, и я отъ нихъ никогда не отступлю. А что вы его достоинства превозносите,— я не знаю, можно ли человѣка узнать въ три дни. Стало, вамъ только такъ угодно говорить и меня такъ, какъ ребенка, обманывать. Впрочемъ, скажу вамъ, что еще и лѣты мои таковы, что объ этомъ мнѣ и думать нельзя. А болѣе всего, что мать моя лежитъ больна,—и это скорбь сердца моего. И въ совершенныя лѣты не позволила бы думать о замужствѣ. И такъ, прошу васъ покорно мнѣ ничего не говорить, а теперешній нашъ разговоръ будетъ извѣстенъ моей нянѣ: матери моей потому не скажу, что это ее потревожитъ и увеличитъ болѣзнь ея“. Наконецъ, она меня стала упрашивать, чтобъ я никому не говорила, но я твердо ей сказала, что я не привыкла ничего таить отъ тѣхъ, которыя меня воспитали. И такъ она уѣхала отъ меня. Я, послѣ ея, сказала весь разговоръ моей нянѣ, которая, меня обнявши, сказала: „Будь всегда, моя милая, такъ искренна и не скрывай въ сердцѣ твоемъ ничего. А когда она къ тебѣ опять пріѣдетъ, то старайся не быть съ ней наединѣ, чтобъ она не имѣла случая тебѣ говорить какихъ-нибудь вздоровъ. Вы теперь видите причину, для чего вамъ было запрещено выбирать знакомство по своему вкусу, и для чего васъ рѣдко матушка вывозила въ гости и жила съ вами въ деревнѣ: чтобъ усовершенствовать ваше сердце и предохранить отъ всего непріятнаго. Научайтесь и будьте осторожны въ выборѣ друзей

вашихъ и тогда, когда вы и замужемъ будете. Никогда не думайте, чтобъ женщина была ужъ избавлена тѣхъ правилъ, которыя она имѣла въ дѣвушкахъ: они во всякое время хороши и отъ многаго сохранятъ". Я, послѣ этого, обнявши мою няню, пошла къ матери и сѣла возлѣ ея кровати и, смотря на нее, почувствовала въ сердцѣ моемъ сильное трепетаніе и горько заплакала, думая, что мать моя спитъ. Но она увидѣла мои слезы и, протянувши руку, которую я цаловала и обмывала слезами, сказала мнѣ: „Я чувствую, мой другъ, твою любовь ко мнѣ и знаю, какъ горько тебѣ со мной разставаться; но сей предѣлъ необходимъ для всѣхъ. Я не буду тебя обманывать, что чувствую: силы мои истощеваются, и я приближаюсь ко гробу". Я зарыдала и упала къ ней на грудь. Она меня обняла и дала мнѣ успокоиться, но сама такъ была тверда, что я и горести не примѣтила на ея лицѣ. Она опять стала говорить: „Развѣ ты не надѣешься на Того, Который тебя сотворилъ и хранилъ тебя до сихъ поръ? Онъ твой отецъ, мать, покровитель и другъ; Онъ тебя не оставитъ, только ты Его не забывай и прибѣгай къ Нему во всѣхъ нуждахъ. У тебя остается еще другъ истинный—твоя почтенная нянька, которая тебя любитъ, и ни ты, ни я въ этомъ не сумнѣваемся. Только будь къ ней откровенна и безъ нея ничего не предпринимай. Остаются у тебя дяди и гетки, которыхъ ты должна любить и почитать, но не жить у нихъ, хотя бъ они тебя и звали. Не оставляй своихъ упражненій и не нарушай того порядку, къ которому ты пріучена. Помни мать твою, которая тебя любила и наставляла быть доброй христіанкой. Не забывай тюрьмы и бѣдныхъ и замѣни меня собой, чтобъ они не чувствовали потери. Да снидетъ на тебя Божіе благословеніе". Помолчавши немного, сказала: „Ноньче наступаетъ Страшная недѣля: поди съ няней въ кладовую и приготовьте, что должно, для несчастныхъ". Я пошла и сказала нянѣ матери моей приказаніе; пошли въ кладовую и цѣлый день занимались приготовленіемъ вещей. Приготовивши все, я опять пришла къ ней и нашла у ней Александра Матвѣевича и съ матерью его, которая подошла ко мнѣ и обняла меня и спросила: „Здоровы ли вы, и что у васъ красны глаза?" Я не могла ей ничего выговорить, а только показала на мать мою. Она сама заплакала и сказала: „Богъ милосливъ, мое любезное дитя, успокойся: у тебя остаются

друзья, которые тебя любятъ". Я сказала: „Но матери не будетъ, и могутъ ли мнѣ замѣнить ее друзья?" И такъ разговоръ сдѣлался общій; и они у насъ обѣдали и цѣлый день сидѣли.

Мнѣ очень захотѣлось уйти въ свою комнату: какую-то я чувствовала непріятность, смѣшанную со страхомъ. Но нельзя было оставить мать мою, которой я давала лѣкарство и питье. Братъ мой пришелъ изъ школы, и Александръ Матвѣевичъ очень его ласкалъ; и онъ былъ самъ ласковаго характера, а моя любовь къ нему была безпредѣльна, то мнѣ чрезвычайно было пріятно видѣть, какъ его ласкали. И послѣ этого всякій день былъ у насъ Александръ Матвѣевичъ; но мнѣ его посѣщенія были непріятны, а отчего—я и сама не знала.

Пришла Страшная недѣля,—и я съ няней отправилась въ пятницу вечеромъ въ тюрьмы, и за нами на лошади повезли все то, что приказано было раздать. Но пропорція была во всемъ двойная. Какъ будто предчувствовала мать моя, что это ужъ послѣдній разъ было дѣлано. Какъ скоро мы вошли въ тюрьму, то несчастные всѣ въ голосъ зарыдали и спрашивали, жива ли ихъ мать, и есть ли надежда къ выздоровленію. Я, зарыдавши, имъ сказала, что моя мать опасна. „Молитесь, друзья мои, чтобъ Богъ ее спасъ!" Они всѣ замолкли и головы свои внизъ повѣсили. Одинъ со стономъ сказалъ: „Боже и Господи нашъ, неужто Ты захочешь ее отъ насъ отнять и оставишь насъ, сирыхъ, и безъ призрѣнія?" И, повернувшись ко мнѣ, спросилъ: „Будешь ли ты, милое дитя, подобна твоей матери и не оставишь ли насъ безъ нея?" Я со слезами сказала, что приказаніе ея и волю буду за законъ почитать и буду такъ же ихъ посѣщать съ моимъ другомъ, какъ и мать моя. Они всѣ сказали: „Богъ тебя благословитъ и дастъ тебѣ временное и вѣчное счастіе". Наступило и Воскресеніе Спасителя нашего,—и мать моя, казалось, была этотъ день покрѣпче. Родные всѣ у насъ обѣдали, и Александръ Матвѣевичъ сказалъ: „Примите и меня въ ваши родные и позвольте съ вами провести день".

Всю Святую недѣлю мы провели не весело въ разсужденіи болѣзни матери моей; я не отходила отъ нея, читала ей Священное Писаніе; ночь спала возлѣ ея кровати, но и сонъ отъ меня убѣгалъ. А когда засыпала, то сны страшные

меня безпокоили, и я опять просыпалась. На Ѳоминой недѣли пріѣзжаетъ его сестра къ намъ и проситъ матушку, чтобъ позволила съ ней одной поговорить. И какъ я вышла отъ нея, она сдѣлала предложеніе отъ Александра Матвѣевича, что онъ желаетъ быть принятъ сыномъ. Мать моя отговаривалась моей молодостью, но сестра говорила, что ея молодость будетъ сохранена ото всего: у нея будетъ другая мать, которая ее любитъ и удержитъ въ тѣхъ правилахъ, которыя ей даны. Но страшила ее еще разлука со мной, знавши, что ему нельзя долго жить; и тотъ день она ничего рѣшительнаго не сказала. Оставшись одна, она позвала мою няню и бывши съ ней долго, которая вышла отъ матери моей вся въ слезахъ. Я, увидя ее въ такомъ положеніи, бросилась къ ней и спрашивала ее: „Видно, мы лишаемся ея; и ты вѣрно видишь, что она близка ко гробу?“ Няня моя сказала: „Молись, матушка, Богу и испрашивай Его милости“. Я вошла опять къ матери моей, которая показалась мнѣ встревоженной. И она велѣла послать за дядей, чтобъ онъ и съ теткой пріѣхалъ. И по пріѣздѣ ихъ очень долго съ ними говорила. А мое сердце словно билось, не знаю отъ чего, и тосковало, видя ихъ тайные переговоры. Я понять не могла, что это значило. Кончивши разговоръ, вышли дядя и тетка расплаканы. И все сіе меня удивляло и страшило, но изъ почтенія я у нихъ не смѣла спрашивать.

И такъ дѣло было рѣшено безъ меня, и черезъ три дни дано было и Александру Матвѣевичу слово, но мнѣ не сказывали. И положено было ѣхать въ деревню, а ему, между тѣмъ, объѣзжать было надо рудники, и, объѣхавши,—быть къ намъ въ деревню и тамъ все совершить. Черезъ недѣлю повезли мою мать въ деревню въ такой слабости, что, я думала, мы ее не довеземъ. Сколько я ни упрашивала ее, чтобъ не ѣздить и остаться въ городѣ для лѣченія, но никакъ не успѣла. Пріѣхавши въ деревню, пошли разныя пріуготоленія, и на вопросъ мой: для чего это все дѣлается, отвѣчали, что будутъ гости изъ Челябы. И такъ мы прожили половину апрѣля.

Насталъ май [1]), и 13-го числа пріѣхалъ Александръ Матвѣевичъ съ матерью и съ родными и остановился у дяди и

[1]) 1772 г.

тотъ день у насъ обѣдалъ. На другой день, поутру мать моя позвала меня къ себѣ и начала говорить: „Другъ мой! Выслушай отъ меня все спокойно, что я буду тебѣ говорить. Ты видишь, что я такъ больна, что нѣтъ надежды къ моему выздоровленію, да и лѣкарь самъ мнѣ сіе объявилъ. Я не страшусь смерти и надѣюсь на милосердіе Спасителя моего, но горько мнѣ было тебя оставить въ такихъ лѣтахъ; но теперь есть у тебя другая мать и покровитель, только не откажи ихъ признать за таковыхъ. Согласіе твое мнѣ можетъ продолжить нѣсколько жизнь мою, и ты дашь мнѣ спокойно умереть". Я, никакъ не подозрѣвая, чтобъ это было мнѣ замужество, со слезами ей отвѣчала, что я никогда ея воли не противилась и всегда ставила закономъ ей повиноваться,— то можетъ ли она во мнѣ сумнѣваться? „Ну, дакъ знай, что я тебя помолвила за Александра Матвѣевича и ты будешь скоро его женой". Я такъ одеревенѣла, что выговорить ничего не могла, и мать моя опасалась худыхъ слѣдствій. Наконецъ, я сказала: „Кто будетъ за вами ходить?" Она мнѣ отвѣчала: „Тебя со мной не разлучаютъ, и ты будешь жить со мной".—„Ежели это такъ, то пусть ваша воля исполнится. Я повинуюсь вамъ во всѣмъ, но я—молода, не буду умѣть угождать имъ".—„Конечно, молодость твоя меня страшитъ; и ежели бы я не видѣла приближенія смерти моей,—я никакъ бы и не помыслила тебя отдать. Но ты будешь счастлива за повиновеніе твое, и ты своимъ ндравомъ найдешь къ себѣ ихъ любовь. Мать же его ты знаешь: она тебя любитъ, а тебѣ только остается ей повиноваться и ничего безъ ея совѣтовъ не дѣлать. И я увѣрена въ тебѣ, что ты съ охотою сіе и безъ тягости исполнишь". Слушая мою мать,—у меня духъ спирался; и она, примѣтивши мою тягость, перестала со мной говорить, обняла меня, заплакала и сказала: „Необходимость меня заставляетъ сіе сдѣлать. Будь же спокойна и знай, что безъ воли Божіей ничего не дѣлается".

И я пошла отъ нея съ стѣсненнымъ сердцемъ; слезъ у меня не было, а только въ груди было тяжело, и сія тягость продолжалась до самаго того дни, въ который моя участь совершилась. Впрочемъ, могла ли я и знать еще сей великій шагъ къ моей новой жизни?—Мнѣ было тринадцать лѣтъ. Меня одно только и страшило—разлука съ моей почтенной матерью, а прочаго я ничего не видѣла и ни объ

чемъ не думала. И такъ, положена была свадьба 21-го мая. Въ это время я видѣла всѣхъ моихъ родныхъ унылыми, а друга моего—няню—всякій день въ скорби и слезахъ; и меня это чрезвычайно огорчало, но я думала, что она не будетъ отъ меня отлучена. И такъ, ласки моего назначеннаго мужа стали ко мнѣ открытѣе. Но онѣ меня не веселили, и я очень холодно ихъ принимала, а была больше съ матерью моей; и сердце мое не чувствовало ни привязанности, ни отвращенія, а больше страхъ въ немъ дѣйствовалъ. И онъ, видя это, нѣсколько разъ спрашивалъ, по волѣ ли я иду за него, и не противенъ ли онъ мнѣ? Мой отвѣтъ былъ: „я исполняю волю моей матери",—и убѣгала, чтобъ не быть съ нимъ безъ свидѣтелей.

Наконецъ, насталъ тотъ день, въ который была назначена наша свадьба. И поутру рано мать моя посадила меня возлѣ себя и начала говорить: „Теперь, мой другъ, тотъ день, въ который ты начнешь новую совсѣмъ и для тебя неизвѣстную жизнь. И ты ужъ не отъ меня будешь зависѣть, а отъ мужа и отъ свекрови, которымъ ты должна безпредѣльнымъ повиновеніемъ и истинною любовью. Ужъ ты не отъ меня будешь принимать приказанія, а отъ нихъ. Моя власть надъ тобою кончилась, а осталась одна любовь и дружескіе совѣты. Люби мужа твоего чистой и горячей любовію, повинуйся ему во всемъ: ты не ему будешь повиноваться, а Богу,—онъ тебѣ отъ Него данъ и поставленъ господиномъ надъ тобою. Ежели бы онъ и дуренъ бы былъ противъ тебя, но ты все сноси терпѣливо и угождай ему, и не жалуйся никому: люди тебѣ не помогутъ, а только ты откроешь его пороки и черезъ это его и себя въ стыдъ приведешь. Веди себя всегда такъ, чтобъ совѣсть твоя была всегда чиста. Не предпочитай ему другого мужчину, хоть бы онъ въ коронѣ былъ; не слушай ласкательствъ мужчинъ: они никогда истинны не бываютъ. Кто прямо тебя любитъ—тотъ не станетъ въ глаза хвалить. Веди себя такъ, чтобъ никакой мужчина не могъ и не смѣлъ тебѣ сказать никакой неблагопристойности, и не имѣй въ молодости твоей тѣснаго обхожденія съ мужчиной тѣмъ, котораго тебѣ мужъ не одобритъ; но и тутъ будь осторожна. Въ выборѣ друзей не надѣйся на себя, а предоставляй выбирать новой твоей матери, которая, изъ любви къ сыну и тебѣ, дастъ тебѣ друзей добрыхъ и опытныхъ, отъ кото-

рыхъ ты будешь научаться. Не скрывай отъ нея ничего, что будетъ происходить въ сердцѣ твоемъ,—чрезъ что ты избавишься отъ многихъ бѣдъ, могущихъ случиться съ тобой. Даже и того не скрывай, кто съ тобой что говорить будетъ: она будетъ изъ этого познавать людей и показывать тебѣ, съ кѣмъ ты можешь быть въ связи и съ кѣмъ не можешь. Сія твоя искренность отъ многаго тебя избавитъ. Ежели ты, по молодости твоей, и проступокъ какой сдѣлаешь—не стыдись его открыть: черезъ открытіе въ другіе не впадешь. Люби мать мужа твоего—она есть и твоя: она—другая я. Обѣщаешь ли ты мнѣ, другу твоему, все сіе дѣлать?" Я бросилась къ ней на колѣни и зарыдала. „Все исполню, хотя бы они и врагами и мучителями моими сдѣлались!"—„О братѣ твоемъ я ничего не говорю; любовь твоя его не оставитъ, и ты ему будешь мать и нѣжный другъ, а онъ тоже тебя любитъ и будетъ тебя слушать. Ежели ты будешь жить въ большомъ свѣтѣ, то во всѣхъ своихъ удовольствіяхъ не забывай дѣлать помощи бѣднымъ и несчастнымъ; не будь въ праздности: праздность—есть мать пороковъ. Гордости избѣгай, будь ко всѣмъ ласкова и снисходительна. Избѣгай случаевъ, чтобъ съ кѣмъ ссориться; я во весь мой вѣкъ не имѣла враговъ и ни съ кѣмъ не была въ ссорѣ". Послѣ сего она обняла меня и благословила, призывая въ помощь Отца Небеснаго, чтобъ меня укрѣпилъ и утвердилъ въ терпѣніи и въ добродѣтели: она предвидѣла, что мнѣ должно много вытерпѣть. И такъ, день сей совершилъ мою участь мая 21-го числа [1]).

И жили мы въ деревнѣ недѣлю послѣ свадьбы, но болѣзнь увеличивалась моей матери и принудила ее везти въ городъ: разстояніе не велико—90 верстъ. Но она была такъ слаба, что всякое малое движеніе причиняло ей жестокое мученіе. И тутъ началась первая моя горесть, что мнѣ мужъ мой не позволилъ съ ней сѣсть въ карету, и я съ горестными слезами повиновалась ему, ни слова не говоря. И сія дорога была для меня мучительна: умерли во мнѣ всѣ радости, и я, кромѣ скорби душевной, ничего не чувствовала, и мысли мои безпрестанно были при больной. Кто ее теперь успокаиваетъ? Она привыкла быть со мной, и я облегчала ея болѣзнь. Этотъ жестокій человѣкъ лишаетъ ее сего послѣдняго

---

[1]) 1772 года.

утѣшенія при концѣ дней ея. Я такъ тогда мыслила. Однѣ слезы облегчали мою тягость; мужъ мой и за слезы на меня сердился и говорилъ: „Теперь твоя любовь должна быть вся ко мнѣ и ни о чемъ ты не должна больше думать, какъ о угожденіи мнѣ; ты теперь для меня живешь, а не для другихъ“. Я спросила: „Развѣ можно кончиться моей любви къ той, которая мнѣ дороже всего въ мірѣ? Меньше ли ты любишь мать свою съ тѣхъ поръ, какъ женился? Все въ свѣтѣ для тебя сдѣлаю, кромѣ сего!“ Онъ мнѣ отвѣчалъ, что: „Ты еще не знаешь тѣхъ великихъ обязанностей, которыя ты должна имѣть къ мужу, то я тебя научу!“ И сказалъ такимъ голосомъ, что у меня сердце замерло отъ страха. И я замолчала, но слезъ остановить не могла. Съ нами сидѣла его любимая племянница, которая смѣялась моей горести и ему говорила: „Я удивляюсь, что вы не уймете ее: мнѣ ужъ скушно смотрѣть на ея пустыя слезы!“ Онъ сказалъ: „Погоди, мой другъ, будетъ еще время. Я въ дорогѣ не хочу начинать ничего“. Что жъ я должна была ожидать послѣ сихъ разговоровъ? Но положила въ сердцѣ моемъ никому не сказывать и не жаловаться; а болѣе,—чтобъ не примѣтила мать моя моей горестной участи. Наконецъ, пріѣхали мы на первую станцію. Я выскочила изъ кареты, побѣжала смотрѣть, жива ли моя мать—и нашла ее въ такой слабости, что она не только говорить—и руки не могла мнѣ подать. Я дала ей выпить вина и вытерла ее уксусомъ, послѣ чего она сдѣлалась покрѣпче и спросила меня: „Здорова ли ты, мой другъ? У тебя блѣдность въ лицѣ необыкновенная?“ — „Я здорова, но пугаетъ меня ваша болѣзнь“. — „Чего жъ пугаться? Конечно, я чувствую сама, что скорымъ шагомъ приближаюсь къ вѣчности“. Я видѣла, что нельзя ее везти, не давши отдохнуть, просила, чтобъ ночевать на станціи, но мужъ мой сказалъ мнѣ: „Ты не ночуешь здѣсь, а поѣдешь со мной“, сколько я ни упрашивала, чтобъ онъ не отнималъ у меня удовольствія быть при матери: „По крайней мѣрѣ, я увижу, какова она будетъ, и можно ли ее будетъ везти“. Онъ отвѣчалъ: „И безъ тебя все сдѣлаютъ“. Я пошла къ свекрови моей. Она, увидя мою блѣдность и опухшіе глаза, обняла меня и спросила: „Что тебѣ сдѣлалось?“ Я отвѣчала, что мы сейчасъ ѣдемъ, а больная останется, то я боюсь, чтобъ она не кончила жизнь,—и упала къ ней на колѣни.

„Сдѣлайте первую мнѣ милость: останьтесь при ней—я спокойнѣе буду!“ Она заплакала и сказала, что ежели бы я и не просила ее, то она не оставитъ ее безъ себя и будетъ сохранять покой ея, сколько возможно. Няни моей съ нами не было: она отправлена была напередъ въ городъ для пріуготовленія тамъ нужнаго. И такъ мы, оставя нашу мать, поѣхали въ городъ. Мнѣ казалось, что я ее ужъ не увижу, и я почти не помнила, какъ эта дорога кончилась. Пріѣхали мы въ городъ къ ужину. Няня насъ встрѣтила и приготовила ужинъ. Я ничего не могла ѣсть, только что плакала. И мои горькія слезы болѣе дѣлали смѣха въ его племянницѣ, нежели участія, которое бы она должна принять: мать моя была ея благодѣтельница.

Послѣ ужина мы пошли спать. Она стала съ дядей прощаться и заплакала. Онъ встревожился и сказалъ ей: „Отчего ты, моя милая, огорчаешься? Я знаю: твоя любовь ко мнѣ такъ велика, что тягостно для тебя и ночь проводить, не видавши меня. А жена моя съ радостію бы осталась бы при матери своей: вотъ какая розница между вами,—то я не допущу, чтобъ ты гдѣ-нибудь спала, кромѣ нашей спальны“. Я молчала, а няня моя зарыдала и вышла вонъ, сказавши: „Вотъ участь моего ангела!“ Мужъ мой чрезвычайно разсердился и сказалъ мнѣ: „Ты съ ней навсегда разстанешься и запрещаю тебѣ съ ней говорить, и чтобъ она при тебѣ никогда не была!“ А племянница ему сказала: „Я боюсь, чтобъ она не сказала вашей матушкѣ, то не лучше ли будетъ ее отправить въ деревню тотчасъ?“ Я сказала, что сего сдѣлать нельзя—она одна остается, которая можетъ быть около больной: я вижу, что мнѣ быть—только тогда, когда позволятъ, то нельзя отнять послѣдняго спокойствія отъ умирающей.—„А въ разсужденіи того, что вы опасаетесь, чтобъ она не сказала, то, я васъ увѣряю,—будьте спокойны: она никогда и никому не будетъ говорить; но для меня мудрено, чего тутъ бояться, когда вы любите вашего дядю? Я и сама моихъ дядей люблю и не боюсь, ежели весь свѣтъ узнаетъ о моей привязанности“. И я сіе истинно и отъ добраго сердца говорила, не зная порочной любви. И такъ мы пошли спать. Няня моя хотѣла войти меня раздѣть, но ей сказали, что ни услугъ ея, ни совѣтовъ больше для меня не надо, и чтобъ она не осмѣливалась входить туды, куды ей было запрещено. Вотъ другая горесть для моего ужъ угнетеннаго сердца! Я спро-

сила: „Скажите, Бога ради, чѣмъ она васъ прогнѣвала, что вы такъ жестоко съ ней поступаете? Я льстила себя надеждою, что вы за меня будете ей благодарны, что она меня воспитала. Видно, я во всемъ обманута! Мнѣ сказали, что мужъ меня будетъ любить не меньше, какъ мать меня любила, и будетъ меня беречь, но я не знаю, что это за любовь мудреная? Скажите мнѣ, любите ли вы меня?“ Онъ спросилъ у меня то-жъ. Я ему отвѣчала: „Я бы васъ любила, ежели бы вы не отнимали у меня того, что мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе, и не разлучали меня съ тѣми, кто мнѣ любезенъ. Я у васъ у самихъ спрашиваю: что-бъ вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, если бы съ вами было поступлено такъ жестоко, какъ со мной?“ Говоривши, я горько плакала и бросилась обнимать его: „Не мучьте меня, вы мнѣ для того даны, чтобъ услаждали мою горесть и любили меня, а отъ меня вы увидите любовь, почтеніе и повиновеніе“. Онъ самъ тронулся и сказалъ: „Я тебя люблю“.— „Ежели вы меня любите, то дайте мнѣ слово не запрещать мнѣ быть съ матерью и няней. Я ничего не буду съ ними говорить такого, которое вамъ не угодно. Вы сами мнѣ предпишете, что говорить и что не говорить. Я вамъ обѣщаюсь никогда съ ними не быть наединѣ, а буду въ присутствіи вашей матери, которая будетъ слышать мои разговоры и видѣть мои поступки. Я теперь скорѣе откроюсь ей, нежели моей матери: мнѣ такъ сказано, что она заступила мѣсто моихъ друзей“. Онъ посмотрѣлъ на меня пристально и сказалъ: „Вы не должны говорить и моей матери все. Я не хочу, чтобъ она знала все то, что происходитъ въ твоемъ сердцѣ и между нами“. Я сдѣлалась точно деревянная и молчала нѣсколько времени; даже и слезы мои остановились, духъ у меня заняло и дыханіе становилось очень тяжело. Онъ испугался, побѣжалъ за водой, и няня его увидѣла встревоженнаго, спросила, что съ нимъ сдѣлалось; онъ только крычалъ: „Воды!“ Она налила воды и сама побѣжала ко мнѣ, сказавши: „Теперь меня никто не удержитъ!“ Пришедши ко мнѣ и увидя меня блѣдную и расплаканную, затряслась и дала пить воды. У меня и вода не проходила: я глотать не могла. Она бросилась на колѣни передъ мужа моего и просила, чтобъ онъ не отсылалъ ее отъ меня: „Вы еще не знаете ея, каковы у ней чувства: она умретъ!“ Нечего ему было дѣлать! Онъ сказалъ: „Смотри за ней и помогай: я не могу быть съ ней—

я и самъ не въ лучшемъ положеніи",—и ушелъ съ племянницей въ другую спальну, которая была приготовлена для матери моей. Она сѣла возлѣ меня и спрашивала, что со мной сдѣлалось? Я посмотрѣла на нее и сказала: „Вы меня учили быть искренней и ничего въ сердцѣ моемъ не скрывать. Вы же мнѣ сказали, чтобы мужа любить и повиноваться во всемъ и исполнять его волю,—то я спрошу у тебя теперь: точно ли это есть мой долгъ?" Она мнѣ сказала: „Безъ любви и повиновенія не можетъ быть человѣкъ счастливъ, а особливо къ мужу".—„Но о искренности что ты мнѣ скажешь?"—„И это необходимо, но надо дѣлать съ разсмотрѣніемъ, къ кому быть искренной,—а не ко всякому".—„Кого жъ вы мнѣ назначаете и съ кѣмъ я должна быть откровенна?"—„Къ мужу и болѣе и ни къ кому, къ его матери, которая истинно васъ любитъ, и она вамъ подастъ совѣтъ добрый и полезный".—„Видно, я теперь совсѣмъ въ другой школѣ: первое мое ученіе приносило сердцу моему радость и спокойствіе, а нонѣшнее—дѣлаетъ скорбь и унынie. Еще вы меня научали терпѣть и молчать, то сіе послѣднее ученіе мнѣ полезнѣе теперь будетъ. Ты—мой другъ, и я тебя много люблю и почитаю, и болѣе у меня ничего не спрашивай". Она заплакала и просила меня лечь, но я сказала: „Я спать не хочу и не могу". Пошла я посмотрѣть, спокоенъ ли мой мужъ, и нашла его покойно спящаго на одной кровати съ племянницей, обнявшись. Моя невинность и незнаніе такъ были велики, что меня это не тронуло, да я и не секретничала. Пришедши къ нянѣ, она у меня спросила: „Что, матушка, каковъ онъ?" Я сказала: „Слава Богу, онъ спитъ очень спокойно съ Вѣрой Алек., и она его дружески обняла". Няня посмотря на меня очень пристально и, видя совершенное мое спокойствіе, замолчала, только очень тяжело вздохнула. Я, посидѣвши у окна и мыслила, что—сама не знала: думала и о матери моей, жива ли она, но утѣшалась тѣмъ, что она не одна.

Въ это время начинало восходить солнце, и я вспомнила мое спокойное время, въ которое я сиживала на берегу съ матерью моей или съ няней, и какое я чувствовала тогда спокойствіе, и сравнила съ теперешнимъ мучительнымъ моимъ состояніемъ. Слезы невольно полились, и я сказала: „Не знаю, лучше ли вы сдѣлали, давши мнѣ мужа, и вывели меня

изъ самаго счастливаго состоянія и дали мнѣ очень рано чувствовать горесть". Она, смотря на меня, сказала: „Успокойся, моя неоцѣненная, и вспомни: развѣ нѣтъ Бога, Который внимаетъ моленіямъ сердца чистаго и невиннаго? Поручай Ему всѣ твои скорби—Онъ утѣшитель твой; Онъ дастъ силы и крѣпость къ снесенію всего непріятнаго, только вѣрь и надѣйся и люби Его: Онъ любящихъ Его никогда не оставляетъ. Кажется, довольно утѣшенія для сердца твоего,—не жалуйся на насъ: мы никогда тебѣ не желали несчастія; а ежели бы возможно, то жизнію бы своей купили для тебя счастіе. Сегодня къ вечеру будетъ ваша матушка; старайтесь себя, сколько можно, успокоить, чтобъ она не замѣтила горести вашей: вы ей можете ускорить и приближить смерть". Въ это самое время вошелъ мой мужъ. Я подошла съ нимъ поздороваться и спросила, здоровъ ли онъ и какъ спалъ. Онъ у меня спросилъ: „А ты какова? Здорова? Пила ты чай?"—„Я не пью чаю, а мнѣ дадутъ молока". Няня пошла приготовлять чай, а онъ сѣлъ подлѣ меня. Я хотѣла ему показать, что я имъ интересовалась, и съ веселымъ лицомъ сказала: „Я ходила тебя смотрѣть, покойно-ль вы почиваете, и нашла васъ въ пріятномъ снѣ съ Вѣрой Алек.; и такъ я, чтобъ васъ не разбудить, ушла въ спальну". И вдругъ на него взглянула: онъ весь поблѣднѣлъ. Я спросила, что ему сдѣлалось? Онъ долго молчалъ и, наконецъ, спросилъ, одна я была у него или съ нянькой? Я сказала: „Одна",—и онъ меня сталъ чрезвычайно ласкать и смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза. Я такъ стыдилась, что и глазъ моихъ на него не поднимала. И сказалъ: „Я не знаю, хитрость-ли это, или точно невинность". Я посмотрѣла на него и заплакала. „Почему жъ вы думаете обо мнѣ такъ? Какую я сдѣлала противъ васъ хитрость? Я, право, сему не учена, а что думаю, то и говорю". Я совсѣмъ не поняла, къ чему онъ говорилъ. Между тѣмъ, подали чай; я стала разливать и послала звать и племянницу. Она пришла, и я съ ней ласково поздоровалась. Напоивши ихъ, пошла одѣться. Няня мнѣ сказала: „Не сказывайте вашему мужу, что вы были ночью у нихъ". Я съ удивленіемъ спросила: „Для чего? Я не могу отъ него ничего скрыть. Я ужъ и сказала ему".—„Да не сказали ли вы, что я знаю?"—„Нѣтъ!"—„Дакъ я васъ прошу—не говорите, ежели вы меня любите". Я взглянула на нее и сказала: „Боже

мой, какъ вы всѣ меня мучите! И я сама не знаю теперь, что мнѣ дѣлать; чему-нибудь надо быть такому, котораго вы мнѣ не хотите сказать, а я сама ничего не понимаю, да и вѣчно не пойму! Изволь,—я тебѣ обѣщаю и не скажу, что ты знаешь, а тебя прошу, какъ друга: научай меня теперешней мудреной и скучной для меня жизни. Вамъ бы должно прежде меня научить, какъ жить съ мужемъ, да потомъ выдавать. Вы до того меня довели въ короткое время, что я не знаю, что я и что дѣлать!" Она заплакала и сказала: „На кого вы жалуетесь? На мать? Ту, которая васъ много любитъ и которая ничего не щадила для васъ? Можетъ-ли человѣкъ предвидѣть, что съ нимъ будетъ? О, ежели бы была извѣстна впередъ участь всякаго человѣка, то не было бы несчастныхъ! А всякій человѣкъ долженъ быть готовъ на всякіе кресты и все надо съ покорностью сносить. Нельзя пользоваться все сладкимъ,—надо вкусить и горькаго. Будьте тверды—васъ Богъ не оставитъ".

И такъ день прошелъ. Насталъ вечеръ, и мать мою привезли въ жестокой слабости, принесли въ комнату и положили на приготовленую для нея постель. Лѣкарь ужъ у меня ее дожидался, и, давши ей лѣкарства, она поободрилась нѣсколько, а мое сердце успокоилось, что я съ ней. И съ тѣхъ поръ время мое было въ заботахъ о больной. Я просила мою добрую свекровь, чтобъ она упросила моего мужа, чтобъ онъ позволилъ мнѣ быть при матери моей и не сердился бы на меня за мою любовь къ ней. Она спросила меня: „Развѣ онъ тебѣ запрещаетъ, мой другъ?" Я слезами отвѣчала. Она обняла меня и сказала: „Будь спокойна и люби меня, и будь со мной чистосердечна. Я тебѣ буду доставлять всевозможныя радости, какія я только могу".

Мать моя день ото-дня становилась хуже и видимо приближалась къ смерти. Послѣднюю недѣлю ея жизни я не отходила отъ нея: и день, и ночь была возлѣ ея. Наканунѣ ея смерти, поутру рано, она посмотрѣла на меня и сказала: „Какъ ты, мой другъ, переменилась. Непростительно тебѣ такъ себя убивать. Ты давно была приготовлена со мной къ вѣчной разлукѣ; я отъ тебя не скрывала, что жизнь моя не долга, и самое это и понудило меня, чтобъ отдать тебя замужъ. Я не знаю, какова твоя будетъ жизнь, но какова бъ она ни была—не сѣтуй, моя любезная, на меня!" Я броси-

лась ея руки цѣловать и только рыдала. „Мнѣ кажется, мужъ твой горячаго ндраву, да можетъ быть и еще есть что-нибудь въ немъ, котораго я прежде не замѣтила. Но дѣло сдѣлано. Одна моя надежда на моего друга—на мать его; и я ее просила и увѣрена, что она одна можетъ тебя поддержать и слабую твою юность. Будь только добродѣтельна, кротка и терпѣлива, сноси все безъ роптанія на милосерднаго Отца нашего. Моя любовь къ тебѣ велика, а Его и сравниться не можетъ. Когда я, по любви своей, тебѣ ни въ чемъ не отказывала, то можетъ ли Онъ тебѣ отказать въ своемъ милосердіи,—только люби Его и будь во всемъ послушна. Ахъ, мой милый другъ! И мужа надо любить и сносить его слабости... Не могу больше говорить,—духъ занимается...“ Я ей сказала: „Будьте спокойны,—я буду счастлива“. Она, помолчавши, сказала: „Костентиновна съ тобой не поѣдетъ, потому что мужъ твой не хочетъ ея имѣть, то ты волѣ его не противься“. Я со вздохомъ сказала: „Боже мой! И послѣдняго друга отъ меня отнимаютъ! И такъ я буду во всемъ мірѣ одна: безъ помощи, безъ совѣтовъ! О, мать моя! думали ли вы когда-нибудь, что я, будучи молода и неопытна, и буду оставлена сама себѣ? Но успокойся, милая матушка, я буду жить и одна по твоимъ наставленіямъ и не забуду тѣхъ правилъ, которыя вы мнѣ давали“. Она такъ была слаба и горька, что и слезъ у нея ужъ не было. Входитъ моя свекровь, и мать моя, меня взявши за руку, отдала ей и только сказала: „Вручаю Богу и тебѣ. Будь ея другомъ и наставникомъ юности ея!“ Мужъ мой входилъ рѣдко, отговариваясь дѣлами. Вечеромъ она сказала нянѣ, чтобъ послать пораньше къ духовнику, чтобъ послѣ ранней обѣдни ее исповѣдать и пріобщить. Она спросила: „Развѣ вы чувствуете что-нибудь?“ Она отвѣчала: „Конечно, мой другъ; я очень скоро съ вами разстанусь“. Няня заплакала. Мать моя посмотрѣла и сказала: „Не плачь! Ты будешь покойна за всѣ твои услуги, любовь и дружбу“. Она отвѣчала: „Можно ли мнѣ быть покойной, потерявши ту, которая была мнѣ не госпожа, а мать, и цѣнила мои малыя услуги и почтила именемъ друга? Гдѣ жъ я найду это благо, которое у меня отнимается на-вѣки? И не будетъ душа моя покойна до гроба: хоть бы я этимъ была утѣшена, чтобъ могла быть еще полезна оставшейся дочери твоей! на край бы свѣта за ней пошла, оставила бы мужа

и дѣтей; но и этого лишаютъ меня!“ Она отвѣчала: „Сего ужъ сдѣлать нельзя. Я бы сама этого хотѣла. Теперь поздно поправлять испорченное, а предоставить Богу: Онъ одинъ можетъ все поправить“. Въ это самое время вошелъ мужъ мой и сказалъ нянѣ, чтобъ она вышла со своими глупыми слезами. Мать моя сказала: „Не тронь ея, мой другъ, и прости: она разстается съ двумя друзьями: съ одной вѣчно, а съ другой— хоть и временно, но надолго. Въ ея горесть никто не можетъ войти, кромѣ меня. Эти слезы не льстивыя—я ее знаю и очень цѣню ея дружбу и услугу. Оставьте ее при мнѣ, пока я жива. Прошу васъ и послѣ меня ей сдѣлать всевозможное успокоеніе и заклинаю васъ не огорчать ее и дать ей хоть сколько-нибудь пожить съ оставшейся юностью. Это самое ее облегчитъ, и мой прахъ успокоите!“ Мужъ мой очень былъ недоволенъ симъ, но обѣщалъ исполнить ея волю и вышелъ вонъ. Вечеромъ меня позвали ужинать именемъ мужа. Я пошла и сѣла за столъ, но ѣсть я ничего не могла. Отужинавши, подошла проститься съ мужемъ, который мнѣ сказалъ: „Скоро ты потеряешь мать: она худа, но ужъ кончатся скорѣе слезы твои, которыя мнѣ становятся несносны“. Я пришла къ больной и сѣла. Свекровь моя не отходила отъ нея. И цѣлую ночь она мало очень говорила и какъ будто спала, только по временамъ читала молитвы. Настало утро, и въ шесть часовъ пришелъ духовникъ, исповѣдалъ и пріобщилъ, и особоровалъ. Послѣ сего мать моя была покойна, но просила, чтобъ духовникъ къ ней поскорѣе пришелъ. И какъ онъ вошелъ, то она просила, чтобъ ей прочиталъ отходную, и велѣла себя посадить и поставить передъ себя Распятіе и просила свекровь мою, чтобъ она меня отвела и поставила такъ, чтобъ меня ей было не видно. Кончивши все, подозвала меня и брата, поцѣловала насъ и благословила; свекровь мою поцѣловала и няню, и всѣхъ людей призвала, и всѣхъ благодарила за вѣрность и послушаніе. Послѣ всего сего она легла и начала молиться и ужъ болѣе никуды не смотрѣла, какъ на Распятіе. Тогда было іюля 21-е число [1772 г.], десять часовъ утра. Перекрестилась три раза и что-то сказала невнятно, вздохнула,—и этотъ вздохъ былъ послѣдній; но на лицѣ не было никакого прискорбія. Я, смотря на нее, и не воображала, чтобъ я такъ скоро ее потеряла, но свекровь моя подошла ко мнѣ, обняла, взяла за руку и

сказала: „Ну, мой другъ, все кончилось: ея ужъ нѣтъ!“ Я вырвалась и бросилась на тѣло, обливала лицо и руки ея слезами, кликала ее... И меня насилу оторвали отъ тѣла и унесли въ другую комнату. Я не знала, что я, и гдѣ я. Слезы остановились, лихорадка жестокая сдѣлалась, а къ ночи жаръ и бредъ. Поутру, на другой день, опомнилась, и первое слово было: „Гдѣ мой оставшійся другъ?“ Свекровь моя сказала, что она тотчасъ будетъ. И въ самомъ дѣлѣ, она пришла. Такая у ней на лицѣ горесть была, что я смотрѣть на нее не могла. И, подавши ей руку, только сказала: „Она насъ оставила, все кончилось!“ И тутъ пошли у меня слезы и облегчили стѣсненное мое сердце, и я просила свекровь мою, чтобъ позволили мнѣ сходить къ тѣлу. Мужъ мой вошелъ и сказалъ, чтобъ меня не пускать, но мать его сказала ему: „Это невозможно, чтобъ она не была у тѣла своей матери! Войди въ ея горесть: она въ ней все потеряла; у ней рѣдкая была мать,—пусть она у тѣла облегчитъ горесть свою; оставь, мой другъ, ее на мое попеченіе,—я, конешно, ее сохраню; и будь увѣренъ, что она мнѣ очень дорога: это залогъ, ввѣренный мнѣ дружбой, и теперь моя жизнь соединена съ ея жизнію, и ея спокойствіе—собственное мое спокойствіе; и покойная—мой другъ и благодѣтельница — для меня еще живетъ въ дочери ея и сынѣ, который мнѣ также дорогъ“. Тутъ привели и брата ко мнѣ; онъ бросился меня обнимать и съ горькими слезами сказалъ: „Ты больна? И ты также меня оставишь, какъ маменька?“ Я встала для него, хотя и насилу на ногахъ держалась, и сказала: „Не плачь, мой другъ, я здорова; это не болѣзнь, но горесть принудила меня лечь въ постель“. Мужъ мой смотрѣлъ на все это очень непріятно и, пошедши, сказалъ своей матери: „Дѣлайте, что вамъ угодно, а я займусъ пріуготовленіемъ лошадей и всего нужнаго—везти тѣло въ деревню“. Вторая моя мать не отходила отъ меня. Принудя меня выпить чашку чаю, пошла со мной къ тѣлу и съ братомъ. Вошедши, я зарыдала, увидя ее бездыханну, цѣловала руки ея и сѣла подлѣ стола, на которомъ она лежала. И вся моя будущая жизнь представилась въ самомъ непріятномъ видѣ, и я себя видѣла съ сиротой братомъ моимъ—однихъ въ цѣломъ мірѣ безпомощныхъ. Кто насъ утѣшитъ, кто дастъ совѣты, къ кому я прибѣгну? И съ этими горестными мыслями цѣлый день

сидѣла на одномъ мѣстѣ, сколько меня ни уговаривали отойти.

Къ вечеру собрались нищіе и бѣдные, ею облагодѣтельствованные, и такое было стеченіе, что въ комнатѣ мѣста не было; и такой былъ стонъ, что ужасъ наводило. Подъ окнами всѣ ночевали, узная [sic], что поутру повезутъ тѣло. Поутру, на другой день, приносятъ мнѣ записку изъ тюрьмы, въ которой просятъ, чтобъ я испросила у начальника послѣдней милости для нихъ: чтобъ позволено было тѣлу ихъ матери поклониться. Я поѣхала сама къ начальнику, человѣку доброму и любящему насъ. Какъ скоро я вошла къ нему въ комнату, онъ горько заплакалъ и удивился моему пріѣзду въ такое время и, какъ скоро узналъ причину, сказалъ: „Я сдѣлаю вывозъ тѣла общей матери и благодѣтельницы великолѣпнымъ: я самъ буду съ несчастными у васъ, которые неутѣшны по потерѣ своей благодѣтельницы“. Какъ скоро я пріѣхала домой, то ужъ начали приготовлять лошадей, и черезъ два часа было все готово. Отпѣли мою мать и стали выносить, ставить на роспуски. И только-что отворили ворота, то сдѣлался страшный шумъ и стонъ и брякъ цѣпей, и всѣ бросились къ гробу и упали на землю и закрычали: „Прости, наша питательница и мать! Оставила ты насъ, осиротѣвшихъ бѣдныхъ! Боже! прими наше сердечное моленіе и успокой душу ея!“ Во дворѣ не было и мѣста отъ бѣдныхъ и нищихъ, и насилу могли вывезти тѣло за тѣснотой. И сія церемонія и брякъ цѣпей продолжались пять верстъ. И какъ начальникъ остановилъ гробъ и велѣлъ имъ послѣдній разъ проститься,—то я не могу изобразить этого ужаснаго стону и крику, который они произнесли въ одинъ голосъ; и многіе не могли стоять—и упали. Самъ начальникъ не въ силахъ былъ ничего выговорить. Мужъ мой выскочилъ изъ кареты и, подошедши къ начальнику, просилъ его, чтобъ кончить поскорѣе. Онъ ему сказалъ: „Не удивляйтесь сему и не спѣшите ихъ, несчастныхъ, оторвать отъ гроба той, которая ихъ называла друзьями: они все потеряли, что ихъ несчастную жизнь услаждало! Дайте имъ опомниться, я уведу ихъ и дамъ вамъ покой. Вы его найдете, а они—нѣтъ!“ Я сидѣла или, лучше сказать, лежала въ коляскѣ. Они бросились ко мнѣ, цѣловали мои руки и ноги и крычали: „Дочь нашей благодѣтельницы, не оставь насъ, несчастныхъ, пока здѣсь! Но и

тебя отъ насъ отнимаютъ, и не останется никого, кто бъ облегчилъ нашей участи!" Я насилу могла приподняться и сказала: „Вы, мои друзья, не будете оставлены. Это будетъ приказано приказчику, и мать моя, умиравши, объ васъ пеклась. Костентиновна будетъ все то дѣлать, что для васъ надо". Мать моя за два дни своей смерти дала мнѣ 500 рублей на собственные мои расходы. И они были со мной. Я выняла 300 и отдала имъ. Они отдали начальнику и сказали: „Береги ты, нашъ отецъ, на наши нужды".— „Дайте же намъ послѣдній разъ проститься!" Свекровь моя имъ сказала: „Поберегите, друзья, оставшую дочь ея, которая послѣднія силы потеряла!" И такъ мы поѣхали, и они вслѣдъ крычали: „Поберегите оставшуюся дочь матери нашей! Да будетъ съ нею благословеніе Божіе!"

За сорокъ верстъ встрѣтили тѣло крестьяне, которые остановили лошадей и несли гробъ на рукахъ до самой деревни. Съ какимъ унынiемъ и горестію я смотрѣла на всю эту церемонію! Что за отчаяніе на лицахъ крестьянъ я видѣла: кто рыдалъ, кто и плакать не могъ, а глухіе стоны слышны только были! Наконецъ погребли тѣло, и весь этотъ день вся деревня была какъ точно пустая: никто не показывался на улицѣ, только ходили въ церкву на гробъ дѣлать поминовеніе. На третій день пришелъ приказчикъ къ мужу моему съ кресьянами, гдѣ мать его и я были. Онъ бросился въ ноги, зарыдалъ и сказалъ: „Тебѣ вручаемъ нашей матери право надъ собой! Сдѣлай распоряженіе и наставь насъ, что намъ дѣлать? У насъ остались господа, но малолѣтные; одного здѣсь нѣтъ, а другой тебѣ врученъ, котораго будетъ воспит[ыв]ать наша добрая барышня,—и она, конешно, намъ дастъ добраго господина: какъ ее воспитали, такъ и она его будетъ воспитывать". Мужъ мой сказалъ, что все останется на томъ основаніи, какъ и прежде было. „Я оставлю послѣ себя опекуна, къ которому вы должны относиться обо всемъ". И пошли вонъ.

Мы жили въ деревнѣ двѣ недѣли, и мнѣ хотѣлось прожить шесть недѣль, но мужъ мой сказалъ, что: „и безъ тебя отправятъ поминовеніе дядя и тетка" (которые тутъ жили). И такъ, велѣли приготовлять лошадей, чтобъ на другой день выѣхать [1]). Я пошла проститься съ дядей. Они, увидя меня

[1]) Въ августѣ 1772 г.

всю въ слезахъ, узнали, что завтра мы рано ѣдемъ. Тетка горько заплакала и сказала: „Ну, мой милый другъ, поѣзжай, Господь съ тобою! Это для тебя еще первый разъ, что ты прекрасное время не будешь жить въ тихомъ нашемъ убѣжищѣ, а будешь пользоваться городскими весельями, къ которымъ ты еще не привыкла. Но надо, моя милая, ко всему привыкать и не надо огорчаться. Мужъ твой самъ больше любитъ общество, нежели уединеніе, то и тебѣ тоже надо любить и такъ жить, какъ ему угодно. Не привыкай дѣлать частые отказы мужу, а скорѣе—соглашайся съ нимъ: никакой мужъ не будетъ требовать того, чего бъ ты сдѣлать не могла. Еще тебѣ скажу: мужъ твой приходилъ вчерась ко мнѣ и просилъ, чтобъ подъ какимъ-нибудь видомъ оставить здѣсь твоего друга—Костентиновну. Я ей ужъ и сказала; она, хотя и съ горестью, но согласилась. И тебя прошу—будь благоразумна и не проси, чтобъ она ѣхала съ тобой. Надо непремѣнно съ покорностію подвергнуть себя всѣмъ опытамъ, которые на тебя налагаетъ мужъ. Самымъ твоимъ послушаніемъ и повиновеніемъ ты выиграешь любовь его къ себѣ. Лучше тебѣ скажу: онъ и намъ далъ знать, чтобъ мы остались лучше здѣсь. Это видно, что онъ хочетъ тебя ото всего отдалить, что можетъ надпомнить о матери твоей. Вижу, что тебѣ горько, и участвую въ твоей горести, но, другъ мой, ты ужъ должна жить подъ его законами. Мы сами такъ дѣлали для мужей; ты ужъ знаешь, сколь долгъ твой великъ и священъ къ мужу, то ты, исполняя его, будешь исполнять и законъ Божій. Главная твоя должность будетъ состоять въ томъ, чтобъ безъ воли его ничего не предпринимать. Вторая твоя должность—любить и почитать мать его и во всемъ требовать отъ нея совѣтовъ и быть къ ней искренною; она добра и умна и будетъ тебѣ давать правила тѣ, которыя и мать твоя, покойница, давала. Старайся, какъ можно, время свое не убивать и не быть въ праздности. Ежели тебѣ будутъ предлагать книги какія-нибудь для прочтенія, то не читай, пока не просмотритъ мать твоя. И когда ужъ она тебѣ посовѣтуетъ, тогда безопасно можешь пользоваться. Не будь дружна съ племянницей его и не открывай своего сердца ей; и что она будетъ съ тобой говорить, и ежели тебѣ покажется сумнительно или непріятно, то сказывай тихонько матери. Ко всѣмъ его роднымъ старайся быть ласкова и учтива хотя

бъ они къ тебѣ и не таковы были хороши. Не требуй отъ мужа насильно любви къ твоимъ роднымъ: довольно для насъ твоей любви; и не огорчайся, ежели ты увидишь или услышишь, что онъ будетъ отзываться объ насъ при тебѣ невыгодно: оставь это и не защищай; повѣрь, мой другъ, что я это опытомъ все знаю, что теперь тебѣ говорю. Поступай по симъ правиламъ и веди себя такъ, чтобъ совѣсть твоя ничѣмъ тебя не укоряла,—то ты будешь Богу любезна, который тебя во всемъ защититъ и не оставитъ. Ежели захочешь узнать объ насъ, то спросись у мужа, велитъ ли онъ тебѣ къ намъ писать, и, написавши письмо, показывай ему или свекрови, чтобъ и въ этомъ ты себя оправдала. Но ежели, по какимъ-нибудь причинамъ, нельзя тебѣ будетъ писать, то не тревожься: мы всегда будемъ увѣрены въ твоей любви къ намъ, и мы о тебѣ всегда будемъ знать; но ты не предпринимай тихонько къ намъ писать, не дѣлай никакой отъ мужа тайны, а лучше проси свекровь твою,— она можетъ лучше придумать, какъ сдѣлать".

Я все слушала и, наконецъ, сказала: „Какую вы мнѣ сказываете тяжкую должность! Для чего вы прежде моего замужества все это не сказывали? Что за законъ, вышедши замужъ,—и лишиться всего любезнаго? И какъ будто я и не должна ужъ удѣлять любви моей къ моимъ роднымъ! Для чего жъ я ему не запрещаю любить? Ежели бъ онъ не любилъ своихъ ближнихъ, я бъ худыхъ объ немъ была мыслей. Вотъ что вы со мной сдѣлали: сами меня съ собой раздѣлили! Ужъ мнѣ бы гораздо было легче уѣхать скорѣе отъ васъ: пусть бы насъ раздѣляла отдаленность и необходимость [не] видѣться съ вами! Но я всѣ ваши наставленія исполню; но тягость съ сердца моего вы снять не можете,— это не въ моей и не въ вашей власти!" Тетка моя встала, обняла меня и сказала: „Теперь пора ужъ намъ съ тобой проститься, мой кроткій ангелъ! Да благословитъ тебя Господь своею милостію и терпѣніемъ!" Дядя ничего не могъ говорить и сидѣлъ все это время, опустя голову. Я поглядѣла на него и увидѣла текущія слезы по щекамъ, бросилась къ нему: „Не плачьте обо мнѣ: я буду счастлива, только молитесь за меня!" Онъ только что прижималъ меня къ себѣ и обливалъ слезами. Тетка меня насилу оторвала отъ него и сказала: „Лучше благословляй ее, а не дѣлай ей горькой разлуку". И такъ я ушла домой.

Вмѣсто того, что положено было ѣхать поутру, мы поѣхали въ ночь, какъ всѣ спали, и никто нашего отъѣзда не видалъ, кромѣ моей бѣдной и горькой няни, которая, прощавшись со мной, была больше мертва, нежели жива, на лицѣ страшная была блѣдность. Она и плакать не могла, и я видѣла, что она шаталась и насилу держалась на ногахъ; глаза были мутные и дикіе, и я жестоко боялась самыхъ дурныхъ послѣдствій. Мужъ ея подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Прости, наша милая и кроткая душа! Дай Богъ, чтобъ ты была столько счастлива, сколько мы тебѣ желаемъ! Пойдемъ, жена, и не будемъ ее больше тревожить!“ Прибѣжалъ мальчикъ-пастухъ съ крыкомъ: „Дайте мнѣ съ ней проститься! Ежели не дадите, то я умру!“ Мужъ мой не хотѣлъ-было, но свекровь сказала: „Это стыдно отнимать отъ нея послѣднее удовольствіе. Мнѣ больно видѣть твою нечувствительность къ ея страданію!“ Я въ это время огляну-лась и увидѣла мою бѣдную няню, лежащую безъ памяти середь двора. Я закрычала: „Пустите меня, Бога ради, послѣдній разъ ее обнять! Я самымъ этимъ возвращу ей жизнь!“ Свекровь моя подошла со мной къ ней и привели ее въ чувство, но она говорить не могла. Я ее поцѣловала и сказала: „Береги себя для меня“ и подкликала пастуха и просила его, чтобъ онъ пошелъ къ дядѣ и дожидалъ, какъ проснется тетка, и сказалъ бы ей, чтобъ она взяла больную къ себѣ и утѣшила бъ ее, и сохранила бъ: это сдѣлаютъ не ей, а мнѣ и тѣмъ докажутъ мнѣ свою любовь; и чтобъ непремѣнно увѣдомили меня черезъ нарочнаго, въ какомъ она будетъ состояніи.

И такъ отправилась я изъ мирнаго моего убѣжища съ полнымъ сердцемъ горести и больше ужъ не была.

Пріѣхали въ городъ, начались веселья у насъ въ домѣ, въ которыхъ я не могла участвовать. Племянницу свою взялъ къ себѣ жить. День всѣ вмѣстѣ, а когда расходились спать, то ночью приходила къ намъ его племянница и ложилась съ нами спать. А ежели ей покажется тѣсно, или для другихъ какихъ причинъ, которыхъ я тогда не понимала, меня отправляли спать на канапе. Я же, такъ какъ не могла еще и опомниться отъ потери моей, рада была, что я одна и могу на свободѣ мыслить и рано вставать по привычкѣ моей, чего мнѣ мужъ не позволялъ и велѣлъ не ранѣе съ

постели вставать, какъ въ одиннадцатомъ часу. И для меня это была пытка и тоска смертельная — не видѣть восходу солнца и лежать, хотя бъ я и не спала. И эта жизнь меня довела до такого разслабленія, что я точно потеряла сонъ и аппетитъ, и ни въ чемъ вкусу не имѣла, сдѣлалась худа, желта; и въ такомъ положеніи была недѣли четыре. Свекровь моя сокрушалась обо мнѣ и сама сонъ потеряла, и въ одну ночь захотѣлось ей посмотрѣть, сплю ли я. Вошедши очень тихо, нашла меня лежащую на канапе, а мужа моего съ племянницей; она, увидя. задрожала и вышла вонъ. На другой день пришла ко мнѣ, потому что я ужъ и встать не могла отъ боли головной. И какъ осталась со мной наединѣ, то спросила у меня, почему я сплю на канапе. Я отвѣчала: „Мнѣ сказано, что тѣсно Вѣрѣ Алек. и безпокойно, то я и оставляю ей быть покойной, не думая о себѣ". Она заплакала и укоряла меня неискренностію моею, что я ей до сихъ поръ ничего не говорила. Я ей отвѣчала, что я сочла сіе лишнимъ.—„Да я бы васъ просила, какъ мать и благодѣтельницу мою, чтобъ вы оставили меня здѣсь, когда поѣдете въ Петербургъ. Я ни на что вамъ не надобна, а для другихъ я могу еще быть полезна; и увѣряю васъ, что не буду и жаловаться на вашего сына, а буду винить себя, что я не умѣю ни любить, ни угождать мужу. Какая вамъ будетъ радость видѣть въ мученьѣ ту, которую вы любите и которая никакого худа вамъ не сдѣлала и могла бы любить сына вашего, ежели бы онъ захотѣлъ? Сдѣлайте милость,—отвезите меня въ деревню, чтобъ я тамъ умерла въ глазахъ друзей моихъ! И вы, конешно, не откажете въ послѣдней милости побыть со мной; мнѣ очень пріятно васъ всегда видѣть, и я васъ не меньше люблю моей матери. Вспомните, что при смерти матери моей я вамъ вручена, и, кромѣ васъ, въ мірѣ никого у меня нѣтъ: родные мои и друзья всѣ отъ меня отдалены и разлучены со мной!" Она горько плакала и сказала: „Что жъ ты, мой другъ, такъ себя убиваешь? Богъ милостивъ, все можетъ поправить! Будемъ молиться и надѣяться. Мнѣ кажется, мужъ тебя любитъ; иначе, — на что жъ бы ему и жениться? Его никто не принуждалъ!"—„Мудреная для меня эта любовь! Не всѣ ли такъ любятъ тамъ, куда онъ меня везти хочетъ, и не это ли воспитаніе, которое называютъ лучшимъ и просвѣщеннымъ?

На что вы меня вывели изъ моего блаженнаго состоянія и дали такъ рано чувствовать горести сердечныя? Вы знали меня коротко, и знали, что я жила среди друзей и ихъ любовью возрастала и веселилась. Что жъ теперь со мной будетъ? Ахъ, какъ бы я желала соединиться съ моей почтенной матерью! Одно еще есть, которое заставляетъ биться сердце мое—любовь къ брату, который во мнѣ все видитъ. Посмотрите за нимъ, милая матушка, и не давайте хоть ему чувствовать потерю всего!" Она обняла меня и сказала: „Успокойся же, моя неоцѣненная дочь и другъ! Ты во мнѣ все найдешь: я все буду съ тобой раздѣлять." И тотъ день она отъ меня не отходила.

Къ вечеру сдѣлался у меня жаръ и бредъ и, говорятъ, ничѣмъ больше не бредила, какъ звала мать мою и всѣхъ моихъ друзей, чтобъ они меня взяли къ себѣ. Свекровь моя сидѣла цѣлую ночь въ страхѣ и даже въ отчаяніи возлѣ меня, а мужъ мой уѣхалъ на рудники. Поутру позвали штабълѣкаря, который сказалъ, что у меня жестокая и опасная горячка, и онъ сумнѣвается, перенесу ли я. Свекровь бросилась на колѣни передъ нимъ: „Спасите, Бога ради, и употребите всѣ способы къ выздоровленію ея! Вы—другъ ея матери, и надо вамъ знать причину болѣзни ея: сильное потрясеніе во всей, сдѣланное потерей матери ея, и отлученіе друзей сдѣлали эту болѣзнь". И я была двадцать дней безъ надежды! Свекровь моя послала въ деревню, чтобъ привезли няню и чтобъ дядя съ теткой пріѣхали. И я была окружена моими друзьями и не чувствовала, сколько я имъ дѣлала горести! Исповѣдывали меня и пріобщали Святыхъ Таинъ. Въ двадцать первый день я пришла въ память, и первое, что представилось мнѣ,—это была няня и я подумала, что это сонъ, вздохнула и закрыла глаза. На другой день я и слышать стала и понимать, что говорятъ. Лѣкарь сказалъ, что теперь есть надежда къ жизни. И, признаться, мнѣ очень непріятно было сіе слышать: я съ радостію бы тогда оставила сей свѣтъ. Увидѣла я и мужа моего, сидящаго въ ногахъ и плачущаго горько. Меня такъ это тронуло, что я силилась поднять руку и подать ему. Онъ примѣтилъ мое движеніе, подошелъ ко мнѣ. Я посмотрѣла на него, взяла его руку и прижала къ сердцу. Онъ упалъ на колѣни и зарыдалъ. Мать моя и родные его уговорили, чтобъ онъ не возобновилъ моей

болѣзни своей скорбью. И такъ ужъ я узнала, что всѣ любезные моему сердцу со мной. Спросила о братѣ [1]), котораго ко мнѣ тотчасъ и привели. Онъ обнялъ меня и спросилъ: „Теперь ужъ ты не умрешь, и Саша твой не будетъ сирота?“

И такъ, выздоровленіе мое было очень медленно: два мѣсяца я не могла сама ходить; худоба была страшная, и желчь по всей разлилась, и кашель былъ сильный. Лѣкарь опасался чахотки, однако, время-отъ-времени становилось лучше, и въ декабрѣ [1772 г.] я была ужъ совсѣмъ здорова. Мужъ мой во все это время очень мало отлучался отъ меня, и меня его заботы обо мнѣ много успокаивали, и я, сколько могла, старалась ему показать мои чувствія: съ какой я радостію принимаю его услуги и сколько я благодарна ему. Свекровь и всѣ мои родные радовались моему спокойствію и совершенному выздоровленію. Дядя съ теткой уѣхали въ деревню, а няню свекровь моя не пустила; и такъ она съ радостью осталась при мнѣ. Въ одинъ день я спросила у свекрови: „Гдѣ Вѣра Але.?“ Она мнѣ сказала: „Не говорите объ ней мнѣ: я не хочу ее видѣть!“

Но не долго продолжалось мое спокойствіе. Вечеромъ я сидѣла въ своей комнатѣ, читала. Мужъ мой пришелъ ко мнѣ и очень ласкалъ меня и спросилъ: „За что ты сердишься на бѣдную Вѣру Але.?“ Я ему сказала: напрасно онъ думаетъ, чтобъ я на нее сердилась. „Я даже [у] вашей матушки спрашивала объ ней: она приказала мнѣ замолчать и не поминать объ ней, сказавши, что я ее видѣть не хочу; то вы спросите у ней причину, чѣмъ ее Вѣра Але. прогнѣвала, а я даже не знаю, давно ли она у насъ не была, и почему“. Мужъ мой сказалъ. „Съ самаго начала твоей болѣзни она была прибита и выгнана ни за что моей матерью“. Меня чрезвычайно удивило сіе. „Зная кротость и добрый ндравъ моей свекрови, удивляетъ меня очень сказанное вами, и безъ причины матушка на поступила бъ съ ней такъ жестоко, а болѣе тѣмъ, что она любимая была ея внука. Вы бъ постарались узнать причину и заставить у матушки просить прощенія“. Онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я это сдѣлала и просила бъ за нее, чтобъ позволено было ей жить у насъ до нашего отъѣзда. Я сказала, что мнѣ запрещено объ ней

---

[1]) Александръ Евдокимовичъ Яковлевъ.

говорить, то я и не смѣю. Онъ посмотрѣлъ на меня очень сердитымъ видомъ и сказалъ: „Я требую, чтобъ это было исполнено, иначе не получишь отъ меня ни любви, ни ласки, и опять все будетъ отъ тебя отнято. Я сейчасъ ѣду къ ней и ночь тамъ проведу пріятнѣе, нежели здѣсь. Ты думаешь, я не знаю, что это твои затѣи?“. Я, заплакавши, отвѣчала, что въ мысляхъ моихъ не было, объ чемъ онъ мнѣ говорилъ: „И вы сами же мнѣ сказываете, что въ мою болѣзнь она выгната, то могла ли я тутъ учавствовать?“ Онъ, ни слова не говоря, уѣхалъ. Свекровь моя дожидалась насъ долго и, не дождавшись, вошла ко мнѣ, и, увидя меня одну и расплакану, стала спрашивать. Я ей все разсказала. Она было разгорячилась, но я сказала: „Что жъ вы со мной сдѣлаете, и опять отнимете спокойствіе. Вѣдь онъ будетъ же къ ней ѣздить; онъ и сегодня хотѣлъ тамъ ночевать,—то я не знаю, лучше ли вы сдѣлаете? Люди могутъ разгласить о его поведеніи, то вамъ же непріятно будетъ. Ахъ, любезная матушка, на что вы торопились меня сдѣлать несчастной, не узнавши прежде его характеру? Къ несчастью моему я вижу, что у него нѣтъ ничего святого. Я боюсь, чтобъ онъ и къ вамъ не потерялъ уваженія; тогда что вы будете дѣлать? Находите теперь средства спасать меня, сколько можно“. И я ужъ не знаю, какъ и что было, но черезъ нѣсколько дней явилась Вѣра Але. и совсѣмъ жить до нашего отъѣзду, а моя жизнь была вся въ страданіяхъ. Мужъ мой приставилъ за мной смотрительницей свою племянницу, чтобъ безъ нея нигдѣ не была и ни съ кѣмъ ничего не говорила, думая, что я буду жаловаться. Но у меня и въ намѣреніи не было сего. Свекровь моя ей велѣла, чтобъ она только день съ нами была, а послѣ ужина тотчасъ приходила бы въ ея комнату. Но и въ день, гдѣ мы сиживали одни, бывали такія мерзости, на которыя невозможно было смотрѣть. Но я принуждена была все выносить, потому, что меня не выпускали. Я отъ стыда, смотря на все это, глаза закрывала и плакала. Наконецъ, и плакать перестала. Я твердое предприняла намѣреніе не жить съ моимъ мужемъ, а остаться въ Сибири, но я молчала до тѣхъ поръ, пока не собирались.

Наступилъ Великій постъ, и я, по обыкновенію моему, велѣла готовить рыбу, а для мужа мясо, но онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я непремѣнно ѣла то же, что и онъ ѣстъ. Я

его упрашивала и говорила, что я никакъ ѣсть не могу, — совѣсть запрещаетъ, и я считаю за грѣхъ. Онъ началъ смѣяться и говорилъ, что глупо думать, чтобъ былъ въ чемъ-нибудь грѣхъ. „И пора тебѣ всѣ глупости оставлять, и я тебѣ приказываю, чтобъ ты ѣла!“ И налилъ супу и подалъ. Я нѣсколько разъ приносила ложку ко рту,—и біеніе сердца и дрожаніе руки не позволяло донести до рту; наконецъ, стала ѣсть, но не супъ ѣла, а слезы, и получила отъ мужа моего за это ласки и одобреніе; но я весь Великій постъ была въ безпокойствѣ и въ мученьѣ совѣсти. Настало время приготовляться къ дорогѣ, и положено было по послѣднему пути доѣхать 600 верстъ, гдѣ жили его сестра и зять, и чтобъ тутъ встрѣтить праздникъ и прожить до просухи. Племянница съ нами же просилась и со слезами его упрашивала, и говорила, что она безъ него умретъ. И онъ ей далъ слово, что съ ней не разстанется. Родные мои съѣхались, узная [sic] скорый нашъ отъѣздъ.

Въ одинъ вечеръ мужа моего не было дома. Я пришла къ свекрови и сказала, чтобъ они ничего моего не укладывали. „Я съ ними не поѣду, хотя мнѣ и не легко сіе сдѣлать. Но божусь вамъ, что силъ моихъ не достанетъ къ перенесенію всѣхъ мерзостей! Я столько молода, что боюсь себя, чтобъ не увѣриться, что нѣтъ ни въ чемъ грѣха и ни въ чемъ себѣ не отказывать. Что жъ тогда со мной будетъ? И каково вамъ будетъ смотрѣть на стыдъ вашей дочери и сына? Это васъ можетъ убить. Я вижу, что онъ будетъ показывать обо мнѣ сожалѣніе, но не вѣрьте. Пусть онъ наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ! Увѣряю васъ, что не буду никому жаловаться, и всѣ будутъ думать больше обо мнѣ и винить меня по молодости моей. Я же знаю, что вы достатку не имѣете и жалованье малое, то я вамъ дамъ вѣрющее письмо къ Демидову, отъ котораго вы получите изъ шестнадцати тысячъ половину. Болѣе я ничего для васъ сдѣлать не могу, а вы мнѣ сдѣлаете вѣчное спокойствіе и докажете, сколько вы милостивы ко мнѣ, что безъ пререкословія и безъ огорченія оставите ту, которая васъ никогда не перестанетъ любить и почитать и называть своей доброй матерью. Теперь онъ можетъ исполнить свое обѣщаніе, данное Вѣрѣ Ал., чтобъ никогда съ ней не разлучаться. За что же вы хотите меня мучить? Я, кромѣ моей любви и почте-

нія вамъ ничего не сдѣлала, но прошу васъ ему за меня не выговаривать, чѣмъ докажете мнѣ послѣднюю вашу любовь. Пусть онъ думаетъ, что я его не люблю, въ чемъ я и признаюсь вамъ. Не вините меня, что я столь чистосердечно съ вами говорю. Вы сами меня оправдаете, что такого мужа любить невозможно. Вы мнѣ скажете, что я могу себя принудить любить? Этого невозможно. Я вамъ и льстить не хочу такимъ манеромъ: никого нельзя заставить любить. Вотъ, моя почтенная мать, я вамъ все сказала, что было въ сердцѣ моемъ и нарочно говорю при моихъ родныхъ, чтобъ рѣшеніе мое и имъ было извѣстно". Они всѣ стояли, какъ деревянные, а свекровь моя сѣла и молчала, только плакала. Первый дядя мой началъ говорить, что онъ не одобряетъ моего поступка, и чтобъ я вспомнила данное матери моей слово при концѣ жизни ея, „что все будешь выносить и терпѣть". „И ты знаешь ли, мой другъ, противъ кого ты идешь?—противъ Бога. И можешь ли ты разорвать тѣ узы священныя, которыми ты соединена на вѣки? И кто тебѣ далъ сіе право располагать твоею участью? Тебя всегда учили предаваться въ волю Спасителя нашего и въ Немъ одномъ искать своего утѣшенія и крѣпости силъ твоихъ. И почему ты знаешь, оставя мужа твоего, будешь ли ты спокойна и счастлива, и не станетъ ли совѣсть твоя тебя укорять? И чему ты подвергаешь свою молодость? — стыду и нареканію. И твои родные будутъ слышать и страдать. И ты обезпокоишь прахъ родителей твоихъ. Думаешь ли ты, что они не будутъ страдать, видя тебя нарушающую всѣ должности брака? Это одно должно быть для тебя ужасно, и правосудіе Божіе постигнетъ тебя. Развѣ ты думаешь, что ты одна въ свѣтѣ терпишь такъ много? Повѣрь, моя любезная, гораздо несчастнѣе и хуже есть супружества, и есть такія жены, которыя оставлены самимъ себѣ, безъ друзей, безъ подпоры, а къ тебѣ еще милосердъ Создатель нашъ— далъ тебѣ друга истиннаго въ свекрови твоей, — и ты еще жалуешься!" Мать моя вдругъ бросилась передъ меня на колѣни: „Умоляю тебя прахомъ матери твоей и моей горестью: не веди старость мою во гробъ съ мученіемъ! Я тебя увѣряю, что не поѣдетъ съ нами Вѣра Але. Ежели онъ будетъ усиливаться и я не буду въ силахъ чего сдѣлать, то обѣщаю тебѣ не ѣхать съ нимъ, и съ тобой остаться здѣсь".

И я сама бросилась къ ней и съ горькими слезами обѣщала ее не оставлять. Дядя и тетка меня обнимали и благословляли за доброе намѣреніе. И такъ, всѣ успокоились, кромѣ меня.

Осталась одна недѣля до нашего отъѣзду, и мужъ мой пришелъ къ матери, поцѣловалъ у ней руку и сказалъ: „Я васъ хочу просить объ одной вещи, въ которой не откажите мнѣ". Она сказала: „Въ возможномъ никогда не откажу". Онъ началъ просить, чтобъ Вѣру Але. взять съ собой, которая столько къ намъ привязана. Она отвѣчала, что этого сдѣлать нельзя, и не годится ее везти отъ матери, которая стара и слаба. „Я думаю, она и сама не согласится оставить мать". Онъ сказалъ: „Только вы позвольте, а у матери ужъ я выпрошу". Свекровь моя сказала, что она не позволяетъ. Онъ сказалъ: „Ежели вы не соглашаетесь, то я самъ рѣшусь взять: она можетъ тамъ найти свое счастье и за хорошаго человѣка выйти замужъ". Мать моя сказала: „Я тебѣ не могу запретить; ежели ужъ ты прямо говоришь, что безъ нея не поѣдешь, то и я тебѣ объявляю, что я остаюсь здѣсь и жену твою съ тобой не пущу: она безъ меня нигдѣ не можетъ жить. Вотъ тебѣ мое рѣшеніе, и знай, что оно твердо!" Мужъ мой вышелъ очень разсердившись, и что-то они говорили съ племянницей очень долго, и она вышла расплакавши. Мать моя послала за ея матерью и спросила у ней, развѣ она соглашается отпустить дочь свою съ дядей? Она отвѣчала, что ни подъ какимъ видомъ не отпуститъ. „И съ какой стати ей ѣздить вездѣ съ дядей, оставя мать въ старости!" Позвали племянницу, и, увидя, что она расплакана, спросили, отчего она такъ горька, и мать ей сказала, чтобъ она и не думала о своихъ пустыхъ затѣяхъ и сейчасъ чтобъ собиралась ѣхать съ ней домой. И такъ ее увезли. Вечеромъ мой мужъ у меня спрашивалъ, знаю ли я рѣшеніе матушки? Я сказала: „Знаю".—„И ты съ ней останешься?"— „Я вамъ не хочу лгать, что я безъ нея никуды не поѣду, иначе какъ развѣ крайность меня заставитъ". Онъ усмѣхнулся и сказалъ: „Я знаю, для чего ты здѣсь съ удовольствіемъ остаешься: у тебя былъ женихъ прежде меня, за котораго тебѣ хотѣлось и тебя не отдали, а ты и до сихъ поръ его любишь; то, конечно, тебѣ и пріятно здѣсь остаться".—„Я васъ увѣряю моей искренностію, что я сего не

знаю жениха, а кто вамъ сказалъ—тотъ солгалъ, и какъ вы могли повѣрить и утвердиться на этой лжи! Вы спросите у матушки вашей обо мнѣ: она лучше меня знаетъ, нежели другая кто. Я знаю, кто вамъ сказалъ: она судитъ и говоритъ по своимъ чувствамъ, но я ничего не боюсь — совѣсть моя чиста предъ Богомъ и передъ вами. Въ томъ только я буду всегда виновата, что не отступлю отъ правилъ вашей матушки и буду поступать такъ, какъ она прикажетъ, бывши увѣрена, что она не пожелаетъ зла сыну и дочери". Онъ, разсердившись, ушелъ со двора.

Какъ бы то ни было, но мы собрались и отправились въ путь [1]), и я не помню, какъ разсталась съ моими друзьями. Бѣдная моя няня и ходить не могла—такъ ее горесть ослабила. Наконецъ, мы пріѣхали къ его зятю и сестрѣ, которые насъ приняли очень хорошо, и я ихъ любви и ласки никогда не забуду, особливо зятя, который, видя мою молодость и простоту, старался всю ласку мнѣ показать и мужу моему говорилъ: „Люби ее и береги: она тебѣ будетъ жена добрая и послушная". И точно, мужъ мой началъ дѣлаться время отъ время лучше и ко мнѣ ласковѣе, и я его начала любить. Въ четыре мѣсяца, которые мы тутъ прожили, я отъ него косого виду не видала, и любовь моя часъ-отъ-часу къ нему умножалась, и онъ это видѣлъ; и добрая моя свекровь радовалась, видя начинающуюся, нашу жизнь счастливую. Я столько радовалась своему спокойствію, что и родныхъ своихъ и друга моего ужъ не съ такой горестью вспоминала, а иногда жалѣла только о томъ, что они не видятъ моего благополучія. Братъ мой [2]) меня чрезвычайно утѣшалъ своей привязанностью, и всѣ его чрезвычайно любили, и мужъ мой столько его любилъ, что болѣе и требовать было нельзя, а о матушкѣ и говорить нечего. И его къ ней привязанность была велика.

Оттуда мы поѣхали въ Олонецъ. Пріѣхавши, мужа моего откомандировали на Медвѣжій островъ [3]), и я отъ него не

---

[1]) Въ мартѣ—апрѣлѣ 1773 года.

[2]) Александръ Евдокимовичъ; онъ имѣлъ въ это время званіе унтеръ-шихтмейстера и, вмѣстѣ съ двумя другими: Андреемъ Дерябинымъ и Григоріемъ Петровымъ, былъ прикомандированъ къ Карамышеву (Архивъ Горнаго Департамента).

[3]) Въ октябрѣ 1773 года.

отстала. Ѣхали моремъ, заѣзжали къ Солове[цкимъ] чудотво[рцамъ]. Пріѣхавши на островъ, я—женщина одна и безъ дѣвки, но любовь моя къ мужу всѣ препятствія и скуки превозмогала. И дорога была очень безпокойна: шли въ одномъ мѣстѣ пѣшкомъ 12 верстъ, лодки люди на себѣ тащили; по мхамъ, называемымъ „тундра“ (сверху мохъ, а внизу вода), то по колѣно ноги уходили въ воду; и я съ радостію всѣ трудности дѣлила съ нимъ! А сей трудный вояжъ былъ по причинѣ большихъ пороговъ, черезъ которые никакъ нельзя было ѣхать въ лодкахъ. И я чрезвычайно утѣшалась, видя мужа моего обо мнѣ заботившагося; и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ ужъ очень было дурно идти, онъ самъ меня на рукахъ несъ. И жили мы на островѣ девять мѣсяцевъ [1]), и я ни разу не поскучала, ѣвши гнилой хлѣбъ, пивши соленую воду, стиравши сама бѣлье, и варила на всѣхъ рыбу. Учитель мой былъ одинъ старикъ изъ работниковъ, который оставался со мной, пока выучилъ меня всему. И какъ я ужъ умѣла сама все дѣлать, то и онъ уходилъ на работу, отъ землянки нашей верстахъ въ полутора. Я и одна была весела, сиживала въ хорошее время на берегу моря съ книжкой или съ работой и дожидалась обѣдать. Увидя ихъ, шедшихъ домой, я съ радостію на встрѣчу бѣжала и обнимала мужа моего, который отвѣчалъ на мои ласки самымъ дружескимъ привѣтствіемъ, что меня болѣе всего занимало и утѣшало. По вечерамъ-то это сѣверное сіяніе; я этакого величества никогда не видала: являются на небѣ розные ландшафты—строенія, колонны, дерева разныхъ цвѣтовъ, и въ тихомъ морѣ все это, какъ въ зеркалѣ, видно. И я часто, смотря, вспоминала: „Ахъ, ежели-бы теперь со мной были друзья мои: какъ бы они представили мнѣ величество Божіе, и я бы больше чувствовала радостей“; иногда эта мысль заставляла меня плакать. Одинъ разъ примѣтилъ мой мужъ, что у меня красные глаза и спросилъ, объ чемъ я плакала? Я тотчасъ ему сказала мои мысли: не были онѣ никогда скрыты во внутренности моей отъ него.

Наконецъ, пришло время намъ ѣхать съ острова. Привели намъ оленей; и иначе нельзя было ѣхать, какъ одинъ человѣкъ въ саняхъ долженъ сидѣть и править оленями. И я

---

[1]) До іюня 1774 г.

одна сѣла, но, не умѣя править, часто опрокидывалась, однако, скоро научилась управлять. И такъ мы пріѣхали въ Петрозаводскъ [1]), нашли матушку и брата [2]) здоровыхъ. По пріѣздѣ нашемъ мужъ мой отъ дороги хотѣлъ отдохнуть, и начальникъ [3]), бывши ему другъ, самъ къ нему пришелъ и вмѣстѣ разсматривали планы, которые сняты были съ рудника, и отчеты, какъ шло дѣло, какія были машины для отливки воды; и не могли ни въ чемъ успѣть, потому что вода натекала изъ моря, и работа была только лѣтомъ, когда солнце не закатывается, а всегда на горизонтѣ, только на четверть часа лучи теряетъ и тогда, значитъ, ночь. Но осенью и зимой не видно солнца, а тьма ужасная, и четверть часа продолжается день, но и то, какъ темныя сумерки. Это время очень скушно, особливо въ землянкѣ, которая почти вся размокла; и спали вмокрѣ, но я была во все это время такъ здорова, какъ лучше желать нельзя. Людей никого не видала, кромѣ тѣхъ, которые были съ нами лѣтомъ. Пріѣзжалъ къ намъ священникъ, живущій за 60 верстъ, а какъ сдѣлались бури, то и тотъ не ѣздилъ; во всю бытность видѣли одного лопаря, и тому я такъ обрадовалась, какъ будто онъ мой ближній былъ.

По пріѣздѣ, сдѣлалась съ начальникомъ ссора, и мужъ мой грубо съ нимъ говорилъ и ослушался,—то и хотѣли его взять и арестовать, но онъ взялъ пистолеты и сказалъ: „Кто притронется—перваго застрѣлю!“ И на другой день онъ былъ въ гостяхъ и оттуда его взяли и свели на гауптвахту. Я за нимъ же пошла и сидѣла съ нимъ недѣлю. Между тѣмъ, рапортовалъ начальникъ въ Петербургъ, и прислано, чтобъ мужа моего отправить самого къ главнымъ начальникамъ и отдать ему шпагу. Стали мужу моему отдавать шпагу и объявили, чтобъ онъ ѣхалъ въ Петербургъ и чтобъ въ 24 часа выѣхалъ и сдалъ бы команду и находящагося при немъ ундеръ-офицера Деря[бина] [4]). Онъ отвѣчалъ: „У меня его нѣтъ,

---

[1]) Въ іюнѣ 1774 года,

[2]) Александра Евдокимовича Яковлева и Авдотью Карамышеву.

[3]) Начальникомъ Олонецкихъ Петровскихъ заводовъ въ это время былъ оберъ-бергмейстеръ Аникита Сергѣевичъ Ярцовъ; онъ умеръ въ 1819 г. въ чинѣ дѣйств. статскаго совѣтника.

[4]) См. выше; не былъ ли это Андрей Ѳедоровичъ Дерябинъ, впослѣдствіи извѣстный горновѣдъ, директоръ Департамента горныхъ и

а онъ отправленъ въ Петербургъ съ планами", а они были увѣрены, что онъ у насъ. И такъ его спрятали въ шкафъ, подъ платье. Пришли обыскивать и искали, гдѣ только можно, и мужъ мой не запрещалъ, но нигдѣ не нашли и поставили караулъ, чтобъ смотрѣть, какъ будемъ укладываться. Это было лѣтомъ; и уложили все въ коляску и въ кибитку. Солдаты тутъ стояли и смотрѣли. Послѣднее осталось нести постель, въ которую и завернули Деря[бина] и благополучно положили въ коляску и уѣхали. Свекровь моя осталась съ братомъ въ заводѣ.

Пріѣхали въ Петербургъ [1]) прямо въ домъ Михаила Матвѣевича [2]), который былъ вице президентомъ Бергъ-Коллегіи. За ссору мужу моему дальняго ничего не было и за увозъ унтеръ-офицера. Начальники обоихъ любили и видѣли, что оба неправы, и унтеръ-офицера опредѣлили при Александрѣ Матвѣевичѣ, который назначенъ былъ [3]) въ Горный Корпусъ по химической части.

И такъ, началась для меня совсѣмъ новая жизнь, и мои благодѣтели, увидя мою молодость, взяли меня, какъ дочь и начали воспитывать. Начались мои упражненія, и мнѣ совѣтовали, чтобъ все мое время было въ занятіи, да и назначили мнѣ, когда вставать и когда приниматься за работу. Ранное вставанье было ужъ для меня сначала тяжело, потому что мужъ мой пріучилъ ужъ поздно вставать и, не умывшись, въ постели пить чай. Даже я отучена была и Богу молиться,— считывали это ненужнымъ; въ церковь мало ходила; данныя мнѣ правила матери моей совершенно стала забывать; о бѣдныхъ и несчастныхъ ниже когда вспомнила, да мнѣ и не представлялись даже и случаи къ тому. Живши у моихъ почтенныхъ благодѣтелей все было возобновлено. Пріучили рано вставать, молиться Богу, утро заниматься хорошей книгой, которыя мнѣ давали, а не сама выбирала. Къ счастью, я

соляныхъ дѣлъ, а потомъ—Горнаго Корпуса, д. с. с.; умеръ 26-го іюня 1820 г. въ г. Гомелѣ, гдѣ управлялъ фабриками канцлера графа Н. П. Румянцова.

[1]) 30-го іюня 1774 г.

[2]) Хераскова (род. 1733, ум. 1807 г.). О частной жизни его см. любопытныя подробности въ „Москвитянинѣ" 1850 г. (перепечатаны въ „Русск. Архивѣ" 1879 г.).

[3]) 26-го іюля 1774 г.

еще не имѣла случая читать романовъ, да и не слыхала имени сего. Случилось, разъ начали говорить о вышедшихъ вновь книгахъ и помянули романъ, и я ужъ нѣсколько разъ слышала. Наконецъ, спросила у Елизаветы Васильевны [1]), о какомъ она все говоритъ Романѣ, а я его у нихъ никогда не вижу. Тутъ мнѣ ужъ было сказано, что не о человѣкѣ говорили, а о книгахъ, которыя такъ называются; „но тебѣ ихъ читать рано и не хорошо". И они, увидя мою дѣтскую невинность и во всемъ большое незнаніе, особливо, что принадлежитъ къ свѣтскому обхожденію, начали меня удалять; когда у нихъ бывало много гостей,—и я сиживала у моего благодѣтеля и отца, хотя мнѣ сначала и грустно было. Въ гости никуды не брали, ни въ театры, ни на гулянья. Мужъ мой тогда никакой власти надо мной не имѣлъ, и онъ былъ цѣлые дни въ Корпусѣ; такъ какъ онъ заводился вновь, то и дѣла было много.

Для меня сіе воспитаніе было совсѣмъ новое: говорили мнѣ, что не все надо говорить, что думаешь; не вѣрить слишкомъ тѣмъ, которые ласкаютъ много; не слушать тѣхъ мужчинъ, которые будутъ хвалить, и ни съ какимъ мужчиной не быть въ тѣсной дружбѣ; не выбирать знакомства по своему вкусу; любить больше тѣхъ, которые будутъ открывать твои пороки, и благодарить. „И эти-то прямые твои друзья. Ты теперь здѣсь, кромѣ насъ, никого не имѣешь—и мы твои друзья. И я, видя тебя, что ты воспитана въ благондравіи,—ндравъ твой, кажется, кроткій и мягкій,—то я увѣренъ, что ты меня будешь любить и открывать мысли свои, намѣренія и даже самыя малѣйшія движенія сердца твоего, разговоры твои съ кѣмъ бы то ни было, особливо съ мужчинами. Не страшись моей строгости: ты найдешь во мнѣ нѣжнаго отца и друга, который что и будетъ тебѣ дѣлать непріятное, то это все для твоего же блага и будущаго счастія. О учтивости и ласкѣ ко всѣмъ я тебѣ не говорю, потому что въ тебѣ это есть". Спросилъ у меня, какъ я воспитана и какія даны мнѣ правила, чѣмъ я занималась и какъ мое время было распредѣлено. Я ему все разсказала. Онъ обнялъ меня и сказалъ: „Благодари твоихъ добрыхъ и почтенныхъ наставницъ

---

[1]) Хераскова, супруга Михаила Матвѣевича, рожд. Неронова (род. 1737 † 1809 г.), извѣстная въ свое время писательница.

и молись за нихъ и не забывай никогда ихъ наставленіевъ; старайся непремѣнно всякое утро молиться, испрашивая Его милосердія; и вечеромъ приноси благодареніе за проведенный день; начинай всякое дѣло, испроси у Создателя своего помощи. Твое шествіе въ мірѣ теперь только начинается, и путь, по которому ты пойдешь, очень скользокъ; безъ путеводителя упадешь, мой другъ. Теперь—я твой пугеводитель данный тебѣ Богомъ. Счастливъ тотъ человѣкъ, который въ молодости не самъ идетъ, а есть проводникъ! Избираешь-ли ты меня въ свои друзья и вѣришь ли этому, что я тебѣ буду нѣжнымъ отцомъ?" Я заплакала и взяла его руку, которую прижала крѣпко къ сердцу моему: „Пока оно будетъ биться, не перестанетъ васъ любить и называть милымъ отцомъ и наставникомъ юности моей!"

Тогда мнѣ былъ пятнадцатый годъ, и съ самаго того дни я была въ полной его власти. И сказано мнѣ было, что отъ меня будутъ требовать непосредственнаго и неограниченнаго повиновенія, покорности, смиренія, кротости и терпѣнія, и чтобъ я не дѣлала никакихъ разсужденій, а только бъ слушала, молчала и повиновалась. Я все обѣщала...

Тогда, какъ мы пріѣхали, они жили на дачѣ; семейство ихъ было превеликое, но согласіе между ими такое, какого я не только видѣть, — не слыхала. Старшій въ семействѣ былъ тотъ, котораго я называла отцомъ [1]). На дачѣ мнѣ было весело; еще со мной работы настоящей не начинали, а знакомили со всѣми родными и друзьями. Сіе продолжалось три мѣсяца, и я всѣмъ сдѣлалась любимицей; меня не могли больше родные любить, и я, кромѣ радостей, ничего не видѣла. Отписала къ моей свекрови, гдѣ я и что со мной происходитъ,—и все подробно было ей описано. Она была чрезвычайно рада и писала къ моимъ благодѣтелямъ самое чувствительное письмо и вручала меня ихъ покровительству. „Я теперь спокойна", говорила она: „обстоятельства мои, можетъ быть, и на долго меня съ ней разлучатъ, но я знаю, что она въ добрыхъ рукахъ". Наконецъ, мы переѣхали въ городъ, гдѣ ужъ прямо началось мое воспитаніе, и было для меня чрезвычайно тяжко, такъ что я—хоть бы и оставить ихъ. Это и видѣлъ мой благодѣтель, но не терялъ надежды

[1]) М. М. Херасковъ.

и не оставлялъ меня исправлять. У нихъ же часто очень бывали гости и было очень весело, но меня тутъ не было никогда, а только я ихъ и видѣла, какъ за обѣдомъ и за ужиномъ. Развѣ, когда были чьи именины или званый балъ, — тогда мнѣ позволялось быть, но не далѣе, какъ до двѣнадцати часовъ. И это ужъ было очень поздно для меня; и какъ я начинала прощаться со всѣми, то они жалѣли обо мнѣ, и я съ огорченіемъ скорѣе уходила. Бывали такія времена и я такъ была зла, что желала смерти моему благодѣтелю. Любить его я долго не могла, а страхъ заставлялъ меня и стыдъ дѣлать ему угодное. Онъ часто меня стыдилъ при всѣхъ, разсказывая мои глупости, но черезъ семь или восемь мѣсяцевъ я начинала чувствовать къ нему любовь,—и день-ото-дня—возрастала моя привязанность и чистосердечіе. Наконецъ, я ужъ и говорить стала, что мнѣ хотѣлось бы выйти туды, гдѣ гости. Онъ съ кротостію мнѣ говорилъ: „Для чего ты, мой другъ, этого хочешь? Ежели бы это было для тебя полезно,—я самъ бы тебѣ предложилъ. Будетъ время, въ которое дадутся тебѣ всѣ удовольствія, которыя ужъ тебя не развлекутъ, и ты будешь ими наслаждаться. Кто рано начинаетъ жить въ вихрѣ, тотъ скоро закружится. Не препятствуй мнѣ дѣлать то, что я лучше знаю и далѣе тебя вижу!“ Я съ удовольствіемъ ужъ соглашалась на все и безъ огорченія, и, наконецъ такъ привыкла, что меня ужъ и не прельщало то, что я видѣла. И очень долго ужъ я была въ этомъ опытѣ, и онъ увѣрился совершенно въ моей любви и искренности, и первый разъ самъ меня вывезъ въ театръ, гдѣ все меня удивляло и веселило. Пріѣхавши домой, у меня все живо было, и наполнена голова моя была тѣмъ, что я видѣла и слышала. Тогда играли „Честнаго преступника“ [1]), а игралъ Дмитрев-

---

[1]) „Честной преступникъ, или дѣтская къ родителямъ любовь, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненная Фальберомъ Фалбриджемъ“, переведена съ французскаго языка И. А. Дмитревскимъ и издана въ Петербургѣ въ 1772 году. „Сколь она почтенна на россійскихъ театрахъ, каждой охотникъ извѣстенъ, паче же славной нашъ придворной россійской актеръ г. Дмитревской, къ пущей красотѣ піесы изобразилъ первой характеръ въ чрезвычайности; представлена была въ первый разъ на Московскомъ театрѣ 1771 г. въ сентябрѣ“ („Драматическій Словарь“, изд. С.-Пб. 1880, стр. 155—156).

ской [1]),—и надолго у меня это веселье осталось. И опять долго очень никуды не возили, однако, ужъ я чаще бывала съ людьми и сиживала съ работой тамъ, гдѣ и всѣ, и пріучалась къ обхожденію, разговаривала съ мужчинами и должна была все пересказать, что̀ съ кѣмъ говорила и при этомъ получала самыя полезныя для меня замѣчанія и наставленія. И такъ время мое протекало въ самыхъ наипріятнѣйшихъ занятіяхъ.

Я ужъ жила около двухъ лѣтъ, какъ сдѣлалось турецкое замиреніе [2]),—и возвратилось много родныхъ изъ походу, которые и жили въ одномъ домѣ съ нами. Благодѣтели мои меня рекомендовали, какъ дочь,—такъ они меня называли, и я была счастлива во всѣхъ. Всѣ меня сердечно полюбили; мужъ мой не меньше былъ любимъ всѣмъ семействомъ. И тогда, могу сказать, что я была слишкомъ счастлива,—и желать мнѣ ничего не оставалось. Я тогда только была печальна, когда кто-нибудь изъ моихъ благодѣтелей нездоровы, а особливо мой отецъ. Тогда, какія бъ веселости ни были, я никакъ не хотѣла ѣхать, чтобъ онъ не одинъ дома былъ. И мнѣ гораздо пріятнѣе было съ нимъ больнымъ быть, нежели въ большой компаніи. И я видѣла его сердечное удовольствіе, какъ онъ радовался и утѣшался моей привязанностію къ себѣ и оказывалъ мнѣ самыя отеческія ласки и любовь. Когда же я бывала больна, то его безпокойство ни съ чѣмъ нельзя сравнить было тогда, и лучше сказать, всего семейства, хотя и никогда не бывала опасно больна, живши у нихъ. Но по любви ко мнѣ имъ ужъ казалось, что всякая болѣзнь моя къ смерти, и я, видя ихъ безпокойство, ужъ часто и не сказывала, когда у меня болитъ голова или желудокъ. Но и тутъ не могла имъ доставить спокойствія: или на лицѣ примѣтятъ блѣдность, или жаръ и томность въ глазахъ, то и начнутъ спрашивать: „Ты вѣрно больна и намъ

---

[1]) Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, извѣстный актеръ, писатель и переводчикъ (род. въ 1736 г., ум. 27-го октября 1821 г.).

[2]) Анна Евдокимовна немного ошибается: не „около двухъ лѣтъ“, а съ небольшимъ годъ прошелъ къ этому времени: она повѣствуетъ про 1775 г., а „турецкое замиреніе“, т.-е. Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ состоялся еще 10-го іюля 1774 г.; такъ какъ это было тотчасъ по пріѣздѣ ея въ Петербургъ, то здѣсь слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть торжества, бывшія въ Москвѣ и Петербургѣ 10-го іюля 1775 года по случаю ратификаціи договора Султаномъ 13-го января 1775 года.

не сказываешь?“ Мужъ мой часто смѣивался ихъ безпокойству и говорилъ: „Вы ее у меня такъ избалуете, что мнѣ послѣ съ ней не сладить“. И благодѣтель мой всегда на него разсердится и скажетъ: „Ты глупъ и не знаешь цѣны этому ангелу!“ И часто у меня спрашивалъ: „Любитъ-ли тебя мужъ?“ Я ему говорила: „За что жъ ему меня не любить? Я сама его очень люблю“—и я говорила правду: тогда онъ себя велъ очень хорошо и меня любилъ. Знакомство его было только съ тѣми, кто къ нимъ ѣздилъ.

Случилось въ одинъ день, поутру, мнѣ сидѣть въ гостиной съ работой. Входитъ одинъ изъ племянниковъ [1]) и, подошедши ко мнѣ, поздоровался и, не помню, что-то сказалъ на ухо, не хотя говорить при лакеѣ. Я ему сказала, чтобъ впередъ этого не дѣлалъ—батюшка не любитъ, чтобъ шептали.—„Да, вѣдь, его здѣсь нѣтъ!“—„Мнѣ все равно, здѣсь ли онъ, или нѣтъ, я и безъ него не хочу дѣлать ему неугоднаго!“

Онъ съ удивленіемъ на меня посмотрѣлъ.

„Ваше повиновеніе и осторожность меня удивляютъ“.—„Кажется, дивиться нечему. Вамъ тому только можно бъ было удивляться, ежели бы я не вела себя такъ, какъ должно, и не поступала по тѣмъ правиламъ, какія я въ здѣшнемъ домѣ получила“. Входитъ Елисавета Васильевна и тутъ же садится. Племянникъ ея что-то съ ней началъ говорить очень тихо, а я, примѣтя, что могу помѣшать, вышла вонъ и черезъ нѣсколько времени опять пришла и сѣла за работу. Елисавета Васильевна подошла ко мнѣ и, ни слова не говоря, начала меня обнимать и цѣловать и называла меня неоцѣненной своей дитятей; и я, отвѣчавши на ея материнскія ласки, со слезами сказала: „И вы—моя неоцѣненная мать и благодѣтельница!“ Наступилъ часъ обѣда, и сѣли за столъ. Я примѣтила, что мой благодѣтель на меня непріятными глазами смотритъ. Я тотчасъ догадалась, что вѣрно онъ какъ-нибудь видѣлъ, какъ мнѣ на ухо говорили. Ото-

---

[1]) Или старшій сынъ его брата Петра Матвѣевича Хераскова—Романъ Петровичъ (род. 18-го октября 1760, ум. 5-го декабря 1826 г., погребенъ въ Черемененцкомъ монастырѣ, въ Лужскомъ уѣздѣ), арміи маіоръ, затѣмъ коллежскій ассессоръ, депутатъ Лужскаго уѣзда (1816 г.), женатый на Авдотьѣ Степановнѣ Рыкачевой; или мужъ одной изъ племянницъ, которыхъ у М. М. Хераскова было нѣсколько.

бѣдавши, я обыкновенно ходила къ нему въ кабинетъ. Вошедши за нимъ, я спросила: „Здоровы ли вы?“—„Я здоровъ. Что вы мнѣ скажете, какъ утро провели: весело ли?“ Я сказала: „По обыкновенію—очень хорошо“. Онъ очень пристально посмотрѣлъ на меня и спросилъ: „Больше вы мнѣ ничего не скажете?“—„Нѣтъ, батюшка, нечего сказать. Мнѣ кажется, вы мной недовольны, то сдѣлайте милость,—скажите мнѣ!“—„А вы сами не знаете ничего?“ И у меня какъ будто какая тягость на языкѣ сдѣлалась, что я, зная свою вину, не хотѣла признаться и повторила прежній отвѣтъ. „Дакъ мнѣ и спрашивать нечего! Извольте идти и приниматься за работу! Намъ съ вами сегодня говорить нечего!“ И такъ, я ушла и сама себя внутренно бранила, для чего я не сказала и рѣшилась вечеромъ сказать. Пришелъ и вечеръ. Я пошла съ нимъ проститься и испросить благословенія, что я и всегда дѣлала. Онъ очень сухо со мной простился и не благословилъ, а мое упорство продолжалось и, опять ничего не сказавши, ушла и легла спать, но цѣлую ночь не могла спать, такъ меня мучила неискренность моя! Вставши, по утру, рано, не заходя ни къ кому, прямо въ кабинетъ пришла и со слезами бросилась къ нему: „Отецъ мой, я васъ огорчила, и знаю—чѣмъ, но я не виновата“—и разсказала все ему и увѣряла, его что всю правду открыла. „Я не выйду отъ васъ! Спросите у него, какъ было, и точно ли такъ, какъ я вамъ сказала!“ Онъ обнялъ меня и сказалъ: „Я вѣрю тебѣ, другъ мой, и хвалю тебя за благоразуміе твое. Но для чего ты не хотѣла мнѣ сказать?“—„Я сама не знаю; простите меня, я довольно наказана мученіемъ, которое мнѣ спать не дало всю ночь“.—„Вотъ, мой другъ, ты и это испытала, какъ дурно скрывать отъ тѣхъ, которыми ты дорожишь. И я не меньше тебя безпокоился, но теперь все кончилось, и я увѣренъ, что это послѣдній разъ“. Я спросила у него: „Кто вамъ это сказалъ?“—„Никто. Я самъ видѣлъ, стоя у дверей. Знай, моя любезная: мои глаза и уши всегда тамъ, гдѣ ты“.

Съ того времени я ничего не скрывала происходящаго въ сердцѣ моемъ и видѣла къ себѣ призязанность племянника моей благодѣтельницы и чѣмъ больше его узнавала, тѣмъ больше его любила. И, наконецъ, онъ сдѣлался моимъ и мужа моего другомъ, что онъ и послѣ во многихъ слу-

чаяхъ намъ показывалъ. Наконецъ, ему было надо на нѣсколько мѣсяцевъ съѣздить видѣться съ матерью, и я очень грустила, съ нимъ разставаясь. Пришелъ тотъ день, въ который ему должно быть ѣхать. Всѣ его жалѣли и всѣ грустили, тетка плакала. Стали прощаться; онъ подошелъ и обнялъ меня, назвавши милой сестрой, и уѣхалъ. Мнѣ такъ сдѣлалось скушно, что невольнымъ образомъ полились слезы, и я ихъ не скрывала. Благодѣтель мой, примѣтя, позвалъ къ себѣ въ кабинетъ, и я съ радостью пошла за нимъ. Онъ спросилъ у меня: „Объ чемъ ты, мой другъ, плачешь?“—„О уѣхавшемъ другѣ, который столько меня любитъ“.—„Для чего же другіе объ немъ не плачутъ?“—„Видно, они не умѣютъ такъ любить и чувствовать“.—„Я знаю, что онъ слишкомъ много всѣми нами любимъ и достоинъ этого. Остались здѣсь другіе племянники, которые также тебя любятъ и могутъ тебѣ быть друзьями“.—„Нѣтъ, отецъ мой, они, конешно, меня любятъ, но я ихъ такъ много не могу любить, и они мнѣ не замѣнятъ его“.—„Вѣдь, онъ уѣхалъ не на долго“—„Знаю; это только меня и утѣшаетъ, и меня будетъ очень веселить то время, въ которое мы его ожидать будемъ“.—„Не можетъ ли, мой милый другъ, выйти изъ этой дружбы что-нибудь непріятнаго (sic) для тебя же самой? Какъ ты думаешь?“—„Я, кромѣ сердечнаго удовольствія, ничего не представляю и не знаю, какимъ тутъ быть непріятностямъ“.—„А я такъ предвижу.—Скажи мнѣ, по любви ли ты шла замужъ и съ удовольствіемъ ли?“—„Я не ненавидѣла и не была привязана, а исполняла волю матери моей и вышла за него“.—„А ежели бы онъ, [не] взявши тебя, куды-нибудь уѣхалъ,—жалѣла ли бъ ты объ немъ и стала ли бы плакать?“—„Нѣтъ, и тосковать бы не стала“.—„Почему жъ такъ?“—„Потому что я привязанности сильной не имѣла, да и онъ со мной не ласково обходился“.—„Стало, ты еще прямо никого не любила и не знаешь, какъ любятъ“.—„Ахъ, знаю и очень; да я васъ люблю,—вы сами это знаете“.—Это другая любовь, мой другъ: ты меня любишь, какъ отца и друга“.—„А какъ же еще надо любить и какая другая есть любовь?“—„Скажи мнѣ: покойно ли ты любишь уѣхавшаго друга? Когда его нѣтъ,—что ты чувствуешь?“—„Скуку“.—„А когда онъ съ тобой?“—„Какое-то пріятное чувство, но, правда, и безпокойствіе мудреное—я вамъ не могу пересказать“.—

„Ты сказала, что ты и меня очень любишь, чему я вѣрю; но, сидя со мной, что ты тогда чувствуешь?“ —„Истинное удовольствіе быть съ вами!“—„Покойна ли ты тогда?“—„Очень!“—„Ежели меня нѣтъ дома,—тогда что?“—„Я тогда сижу съ благодѣтельницей моей“.—„И не грустишь?“—„Нѣтъ, зная, что вы здоровы и покойны!“—„Почему жъ къ другу твоему любовь такъ тебя безпокоитъ? Ты его люби такъ же, какъ и меня любишь. Мнѣ кажется, по твоимъ словамъ—между той и другой любви великая есть разница. Подумай и скажи мнѣ, какъ тебѣ кажется?“ Я долго молчала, наконецъ сказала: „Это правда. Но, что жъ это значитъ? Не то ли, что я недавно слышала, говорили,—а кто, не знаю,—что онъ въ нее влюбленъ и она также, но говорили такъ, что эту любовь какъ будто не одобряли; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось“.—„Я только тебѣ скажу, что ежели бы ты не была замужемъ, то я бъ старался тотчасъ отдать за друга твоего, а какъ ты ужъ имѣешь мужа и мужа достойнаго, то вся твоя любовь должна къ нему быть. А эта любовь, которую ты чувствуешь къ другому, можетъ разорвать союзъ столь священный, какимъ ты ужъ соединена. И сколько бъ она принесла горести и стыда мужу твоему, а тебѣ самой—вѣчный стыдъ и укореніе совѣсти! Я тебя прошу, моя милая, остерегаться допускать въ сердце твое, мягкое и невинное, ничего не позволеннаго. Старайся друга твоего любить любовію тихой и непостыдной; старайся не быть съ нимъ никогда наединѣ“. Я, слушая его, такъ испугалась, что цвѣтъ лица тотчасъ перемѣнился, и я молчала. Онъ спросилъ, что я въ такой горести: „Не больно ли тебѣ, что ты не можешь такъ любить?“—„Нѣтъ, отецъ мой, увѣряю васъ, что теперь очень буду остерегаться, чтобъ не довести себя до посрамленія и не потерять вашей любви. Вы мнѣ открыли глаза, и я, разобравши все это, очень испугалась, увидя, что безъ помощи вашей я бъ этого не увидѣла и была бъ несчастна и мужа бы моего сдѣлала, можетъ быть, несчастнымъ. Для чего вы мнѣ давно не сказали? Вѣдь, вы видѣли; я не скрывала моей привязанности къ другу нашему!“—„Я не воображалъ, мой другъ, чтобъ мои замѣчанія были справедливы, и не смѣлъ тебѣ говорить, чтобъ не оскорбить чувствительность твою, а отъѣздъ его мнѣ больше открылъ въ тебѣ,—что происходитъ въ твоемъ сердцѣ. Не сокрушайся только,

будь тверда и добродѣтельна и убѣгай ото всего того, что можетъ возмутить твое спокойствіе".

Тогда мнѣ былъ ужъ восемнадцатый годъ, и я чувствовала очень милости Божіи посланіемъ мнѣ такого благодѣтеля и наставника, который умѣлъ видѣть во глубину моего сердца и который умѣлъ мнѣ всѣ пороки показать ужасными и утвердить въ добродѣтели. Что бъ я была безъ него? Онъ меня сохранялъ, какъ слабый цвѣтокъ отъ вѣтру. Я даже и отъ того сохранена была, что мнѣ никто никогда не говаривалъ и не льстилъ, какъ обыкновенно водится— говорятъ молодымъ женщинамъ и выхваляютъ хорошее лицо, къ лицу уборку,—а только я и слышала, что всѣ меня называли: „милая наша, кроткая наша", и не было во всемъ ихъ семействѣ человѣка, кто бъ меня истинно не любилъ; и всѣ меня сохраняли и предостерегали.

Наступало время пріѣзда племянника ихъ, но я была спокойна. Наконецъ, онъ пріѣхалъ въ такое время, когда я была больна и лежала въ постели. Мужа моего дома не было: онъ былъ въ посылкѣ не на долго и не далеко [1]). Пришелъ ко мнѣ мой благодѣтель и сказалъ о пріѣздѣ и спросилъ, хочу ли я видѣть? Я сказала: какъ онъ за лучшее найдетъ, такъ и будетъ сдѣлано. „Но не опасайтесь: я истинно говорю, что я очень спокойна!" Однако, я не видала его, пока ужъ стало мнѣ лучше, и я стала въ другую комнату выходить, — тогда онъ пришелъ со мной увидѣться. Радъ очень былъ, что я выздоровѣла, и сказалъ: „Грустно мнѣ очень было слышать, что другъ мой боленъ, и мнѣ нельзя видѣть". Я сказала: „Очень увѣрена, что вы, любя моего мужа и считая его другомъ, конешно и въ женѣ его возьмете участіе, за что я и онъ много вамъ благодарны". И съ тѣхъ поръ я, какъ только можно, съ благопристойностію отдаляла всѣ случаи быть съ нимъ. Онъ очень замѣтилъ сіе, но почтеніе его ко мнѣ никогда не терялось. Пріѣхала и свекровь моя, которая, увидя все семейство, не знала, какъ благодарить. Брата моего отдали въ корпусъ.

Благополучіе мое приходило къ концу; благодѣтели мои

---

[1]) А. М. Карамышевъ, по приказанію Бергъ-Коллегіи, съ января по октябрь 1776 года находился въ командировкѣ въ Москвѣ (Архивъ Горнаго Департамента).

начали собираться въ Москву, но не такъ скоро еще [1]), но у меня упало сердце и куды веселость моя пропала? Тоска и замираніе сердца мучили меня, и я вспомнить не могла, какъ я останусь и что со мной будетъ? Съ приближеніемъ времени разлуки начала я очень увядать, потеряла сонъ и аппетитъ, пропалъ румянецъ, такъ что всѣ обо мнѣ страдали и увѣряли меня, что всѣ ихъ оставшіеся родные меня не оставятъ, въ чемъ и я была увѣрена. Но замѣнятъ ли они мнѣ ихъ? Оставалось ужъ самое короткое время, въ которое я еще съ ними могла быть. Мужъ мой и квартеру нанялъ, но я не хотѣла въѣхать въ нее, пока не уѣдутъ мои благодѣтели. Наканунѣ ихъ отъѣзду я и спать не пошла, и благодѣтель мой далъ мнѣ послѣднее наставленіе, какъ мнѣ жить. Знакомство мое ограничилъ тѣми, съ которыми ужъ я была знакома; мужу моему сказалъ, чтобъ не заводить новаго знакомства, особливо неизвѣстнаго, а мнѣ сказалъ: „Ты, мой другъ, столько благоразумна, что, не спросясь и не посовѣтовавши съ твоей матерью, ничего не будешь дѣлать. Она—добрая, умная и тебя любитъ"; выслалъ всѣхъ вонъ, оставилъ меня одну: „Я съ горестью разстаюсь, дочь моя, съ тобой; успокойся и послушай меня. Ты теперь только начинаешь жить съ мужемъ, и я вижу, что неизвѣстенъ тебѣ его и ндравъ и склонности,—то я тебѣ скажу. Онъ любитъ большія и шумныя общества; карты — его страсть и другой порокъ — не лучше картъ, — то безъ насъ его некому удерживать: онъ тотчасъ найдетъ компанію, которая по его склонностямъ, и ты его отвести отъ сего не можешь, но, какъ наивозможно, удаляйся отъ сихъ обществъ! Часто будутъ собранія и у васъ—я это предвижу, но ты удаляйся въ свой уголокъ и занимайся работой или чтеніемъ. Говори ему дружески и съ кротостью, чтобъ онъ оставлялъ пороки. Но, ежели ты примѣтишь, что ему непріятно—оставь и проси Бога, чтобъ Онъ его спасъ. Нельзя тебѣ и этого не сказать, что еще можетъ быть, хотя я и огорчу твое кроткое и невинное сердце: онъ, можетъ быть, будетъ имѣть любовницъ и тебѣ будутъ сказывать его же сообщники нарошно, чтобъ

---

[1]) Еще 10-го іюля 1775 г. Херасковъ былъ уволенъ отъ должности Вице-Президента Бергъ-Коллегіи, но въ Москву переѣхалъ нѣсколько позже.

разстроить тебя съ нимъ,—не вѣрь, а ежели и увѣришься, то имъ не показывай и мужу никакъ не говори объ этомъ порокѣ, хотя тебѣ и горько будетъ. Оставляй его въ тѣхъ мысляхъ, что будто ты и не подозрѣваешь его. Онъ самъ не будетъ смѣть обнаружить и будетъ таиться отъ тебя и почитать тебя будетъ. Это только и можетъ одно избавить васъ обоихъ отъ явныхъ ссоръ; но какъ скоро ты дашь ему чувствовать, что ты знаешь, то сама поможешь ему снять маску, и онъ будетъ развязанъ и дома имѣть не постыдится эту для тебя непріятность; но тебя прошу, моя неоцѣненная дочь, будь добродѣтельна и веди себя такъ, чтобъ онъ тебя ничѣмъ укорить не могъ и чтобъ ты могла составить его славу и честь. Онъ тебѣ не сдѣлаетъ своимъ поведеніемъ стыдъ и не отниметъ твоей чести, а возвыситъ твою добродѣтель и сдѣлаетъ тебя у всѣхъ почтенной и любезной. Но ежели ты споткнешься и войдешь въ порокъ, то обезчестишь его и себя и у всѣхъ будешь въ презрѣніи. Не жалуйся на него никому: помочь тебѣ никто не можетъ. Защищай его всегда, ежели при тебѣ кто объ немъ будетъ дурно говорить; послѣ сего никто не будетъ смѣть ничего тебѣ говорить. Скуку твою провождай не разсѣяніемъ, но трудами и чтеніемъ полезныхъ книгъ. Опасайся читать романы: они тебѣ не принесутъ пользы, а вредъ сдѣлать могутъ. Книги ты можешь получать у моего брата [1]), который знаетъ, какія тебѣ давать. Свекровь почитай и люби и совѣтуйся съ ней, а чего нельзя съ ней говорить и захочешь ее пощадить въ разсужденіи сына ея, то молчи, ежели можно. Да хотя ты и не будешь ей сказывать, она сама будетъ видѣть. Родныхъ моихъ не оставляй, ѣзди къ нимъ,—они всѣ тебя очень любятъ; у брата моего бывай чаще, который тебя не меньше меня любитъ и который не отречется и совѣтъ тебѣ подать. [На] деньги, которыя за тобой есть, старайся купить домъ; по крайней мѣрѣ, будетъ свой уголокъ. Я боюсь, чтобъ не поставлены были деньги на карту. Теперь же онъ любимъ Потемкинымъ [2]) и будетъ часто съ нимъ и у него, и я увѣренъ, что и тебя

---

[1]) У Хераскова было два брата: Александръ Матвѣевичъ, умершій въ чинѣ генералъ-поручика и бывшій Президентомъ Ревизіонъ-Коллегіи (въ Москвѣ), и Петръ Матвѣевичъ, служившій въ Банковой С.-Петербургской Конторѣ для дворянства.

[2]) Свѣтлѣйшій Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій.

будетъ возить, особливо въ Царское Село, въ Петергофъ и въ увеселительные Потемкина загородные домы; самъ заниматься будетъ, что ему пріятно, а тебя будетъ оставлять самой себѣ. и ты будешь безпрестанно съ мужчинами молодыми придворными, которые тебѣ будутъ льстить и услуживать. Самъ Потемкинъ не оставитъ, чтобъ тебя не ласкать, то смотри, мой другъ, ты будешь на самомъ величайшемъ опытѣ, какой можетъ въ жизни твоей случиться. Скользокъ путь очень для твоей добродѣтели, а въ путеводители тутъ я никого тебѣ не могу представить, кромѣ Бога и твоего благоразумія; не теряй, мой милый другъ, данныхъ тебѣ правилъ: отъ твоего поведенія зависитъ вся твоя будущая жизнь; старайся заслужить себѣ уваженіе и отъ высокихъ особъ. Не будь горда, но и не унижай себя; не слушай отъ мужчинъ того, что благопристойность запрещаетъ, и не давай ни малѣйшаго поводу, чтобъ они смѣли безъ почтенія и уваженія съ тобой обходиться. Не прельщайся ни величествомъ, ни богатствомъ, ни подарками, а будь довольна тѣмъ, что тебѣ Господь далъ и впредь дастъ. Ежели бы у тебя и отнялось бы временное твое богатство, то останется у тебя самое драгоцѣнное—твоя добродѣтель, и не будешь ты оставлена Спасителемъ нашимъ безъ награжденія. Онъ тебѣ дастъ силу и крѣпость, только ты Его не оставляй и всегда проси Его помощи. Вотъ тебѣ даетъ послѣднее наставленіе твой другъ и отецъ, и ты, конешно, ихъ исполнишь! Мнѣ будутъ о тебѣ писать мои родные, и я знаю, что кромѣ радости сердечной я ничего не буду чувствовать, слыша о тебѣ и о твоемъ поведеніи". Я обливала руки его слезами. „Буду все исполнять и помнить ваши наставленія. Молитесь за меня, отецъ мой, чтобъ Богъ меня спасъ!" Онъ самъ обнималъ меня и плакалъ...

Итакъ, настала для меня самая горестная минута. Они поѣхали, и я упросила, чтобъ мнѣ ѣхать за городъ проводить; и мужъ мой поѣхалъ. Проводивши до назначеннаго мѣста, разсталась я, не помню какъ; привезли меня домой, и я думала, что я теперь то осталась одна во всемъ мірѣ сиротой безъ путеводителя. Свекровь меня утѣшала и плакала со мной. „Будемъ вмѣстѣ жить, мой милый другъ, и молиться за твоего благодѣтеля, и будемъ все то исполнять, что онъ предписалъ, и такъ будемъ думать, какъ будто онъ самъ съ нами. Богъ намъ поможетъ!"

Очень долго я была неутѣшна о потерѣ моихъ милыхъ благодѣтелей, и я занемогла. Родные ихъ меня навѣщали, и это меня очень утѣшало. Наконецъ, я стала выѣзжать и болѣе всѣхъ бывала у брата моего благодѣтеля; мы же близко его жили. И я находила въ немъ большую отраду. Мужъ мой началъ заводить свои знакомства. Съ первымъ познакомился съ Нар[товымъ][1]), который началъ вводить его во всѣ пороки, и, не въ долгомъ времени, сдѣлалось у нихъ общество довольно велико. Пошли карточныя игры, пьянствы; распутныя дѣвки были ихъ собесѣдницы... Я съ горестью увидѣла предсказаніе моего благодѣтеля совершившимся, и, кромѣ слезъ, никакой отрады не было. Мать моя видѣла все, но нечего было дѣлать. Она всѣ свои ласки употребляла для услажденія моей горести и дѣлила все со мной; старалась меня занять книгами, работой; упросила одного знакомаго учителя, чтобъ ходилъ ко мнѣ и училъ меня рисовать, я же имѣла склонность; въ хорошее время ходила со мной прогуливаться, и я, видя ея любовь къ себѣ, старалась скрывать отъ нея горесть мою, зная, что и такъ довольно велико было ея страданіе. Брата отдали въ корпусъ. Наконецъ, и у насъ въ домѣ началась карточная игра, и цѣлые дни и ночи просиживали. И можно себѣ представить, что́ я слышала: шумъ, крыкъ, брань, питье, сквернословіе; даже драки бывали!.. Ворота тогда и двери запирали, и, кто бъ ни пришелъ, особливо отъ начальника,—велѣно сказывать, что боленъ и никого не принимаетъ. Я въ это время сиживала въ самой отдаленной комнатѣ съ матушкой и только плакала и вспоминала мою счастливую и спокойную

---

[1]) Андрей Андреевичъ Нартовъ (род. въ 1737, ум. въ 1813 г.), писатель-стихотворецъ, драматургъ и переводчикъ, воспитанникъ Академической Гимназіи и Шляхетнаго Корпуса, съ 1755 г. служилъ въ военной, а съ 1765 г. въ статской службѣ; въ 1772—1774 г. онъ, вмѣстѣ съ княземъ М. М. Щербатовымъ и М. М. Харасковымъ, былъ членомъ учрежденныхъ Екатериною II комитетовъ „для составленія медалической со временъ государя императора Петра Великаго исторіи“. 27-го февраля 1770 г. произведенный въ статскіе совѣтники, онъ служилъ въ Бергъ-Коллегіи, гдѣ въ 1772—1779 г. состоялъ въ „особливомъ департаментѣ по монетнымъ дѣламъ“, съ 1777—1784 г. былъ Вице-Президентомъ и членомъ Монетнаго Департамента, а съ 1796 г.—Президентомъ Коллегіи. Нартовъ умеръ въ чинѣ дѣйств. тайнаго совѣтника и въ званіи Президента Императорской Россійской Академіи и Вольно-Экономическаго Общества.

жизнь. Когда они расходились, то на мужа моего взглянуть было ужасно: весь опухши, волосы дыбомъ, весь въ грязи отъ денегъ, манжеты отъ рукавовъ оторваны; словомъ— самый развратный видъ, какой только можно видѣть! Сердце мое кровью обливалось при взглядѣ на его. Ложился тотчасъ спать, и сія тишина давала и мнѣ нѣкоторое успокоеніе. Когда онъ просыпался отъ этого чаду, тогда входила матушка и говорила ему все то, что могла и чѣмъ думала сколько-нибудь его остановить. И онъ всегда обѣщалъ ей исправиться... Но что она могла сдѣлать? Онъ сталъ передъ ней скрытенъ и лгалъ ей безпрестанно и сказывалъ, что у него частыя пробы, которыя присыланы были отъ Потемкина, для которыхъ и ночи должно быть въ корпусѣ. Только та была выгода, что къ намъ не такъ часто стали ходить. Деньги, которыя были за мной даны, въ два годы были прожиты на карты и на дѣвокъ. Вещи, которыя были, — въ ту же дорогу пошли... Итакъ, мы остались безо всего и бывали въ такомъ положеніи, что за квартеру нечего было заплатить.

Къ счастію нашему, былъ у насъ человѣкъ, собственный мой, который смотрѣлъ за всѣмъ домомъ. Онъ насъ въ нуждахъ не оставлялъ и,—можно сказать,—кормилъ и пекся объ насъ и, сколько можно, старался сохранять и мужа моего. Онъ узнавалъ всѣ тѣ мѣста, въ которыя ѣздилъ мой мужъ, и онъ вѣрно зналъ всякій день, гдѣ онъ. И часто случалось, пріѣзжали отъ Потемкина за моимъ мужемъ, и этотъ человѣкъ рѣдко сказывалъ, что нѣтъ дома, а всегда отвѣчалъ, что будетъ,— и тотчасъ бралъ верховую лошадь и сыскивалъ его и привозилъ домой. И сколько можно было рабу говорить господину,—то онъ со слезами умаливалъ его не погублять себя и несчастныхъ жену и мать. „Вы можете очень скоро потерять честь, здоровье; даже и жизнь ваша подвержена опасности! Что тогда съ нами будетъ? Мнѣ стыдно вамъ говорить, но я принужденъ... Неужто вы не знаете, что у вашей матери и жены нѣтъ ужъ имѣнія, чѣмъ бы они могли содержать домъ и себя? Я пока имѣю, то все отдаю для нихъ, но и у меня скоро ничего не будетъ,—тогда пойду работать, а ихъ не оставлю: хоть хлѣбъ одинъ, да будутъ имѣть!“ И, говоривши, горько плакалъ... Мужъ мой все слушалъ спокойно и сказалъ: „Я тебя никогда не забуду и буду

тебя считать другомъ, только не оставь жену и мать. Я не обѣщаю тебѣ такъ скоро оставить это знакомство — нельзя: въ этомъ обществѣ мой начальникъ, который требуетъ этого. Онъ можетъ мнѣ всякое дурно сдѣлать!“—„Нѣтъ, батюшко, не можетъ тебя начальникъ ни къ чему дурному принудить, и вы не должны опасаться, чтобъ онъ могъ вамъ что сдѣлать, только были бъ вы исправны въ своей должности. Да у васъ есть и другой старшій начальникъ,—для чего вы къ тому рѣдко ходите? Стало, вамъ пріятнѣе быть у перваго, который васъ разоряетъ, а болѣе всего—разлучилъ васъ съ женой, которая день и ночь въ страданіи. Еще милосердъ къ ней Господь, что далъ ей добрую свекровь, которая сколько-нибудь услаждаетъ и облегчаетъ горестное ея сердце. Но иногда она и сама не лучше ея!“ И бросился къ нему въ ноги... „Ахъ, добрый мой господинъ, не сведите старости матери вашей во гробъ и не лишите бѣдную мою юную госпожу послѣдней подпоры! Не прогнѣвайтесь на вашего раба, который васъ любитъ и почитаетъ и осмѣливается вамъ давать совѣты! Отецъ мой, ты самъ себя лишаешь спокойной жизни и счастливой!...“ Мужъ мой поднялъ его, самъ заплакалъ...—„Я знаю, что ты правъ, и я тебя прошу: докажи мнѣ свою любовь и не оставь мать и жену!“—„Чѣмъ, батюшко, я могу ихъ не оставить? У меня скоро не будетъ, чѣмъ имъ помогать,—я вамъ ужъ сказалъ. Вы сегодня выиграли, я знаю,—то дайте мнѣ на содержаніе дому, жены и матери!“ Онъ подалъ ему кошелекъ съ пятью стами, и человѣкъ взялъ четыреста, а сто оставилъ ему. Хотя и очень было ему не хотѣлось разставаться съ такой суммой, но онъ только сказалъ: „Кажется, ты много взялъ“. — „Нѣтъ, батюшко, немного: мы всѣ въ долгу. Платить долгъ и закупить многое надо; еще недостанетъ! Ахъ, бѣдная моя госпожа! Думала ли, мать твоя, отдававши тебя, что твое пропитаніе будетъ зависѣть отъ раба, и что ты будешь мужемъ твоимъ оставлена!“ Мужъ мой торопился очень уѣхать со двора; пришелъ со мной проститься... Я только, заплакавши, спросила: „На долго ли съ тобой прощаюсь?“ Онъ, не говоря ни слова, ушелъ; а я, одѣвшись, поѣхала къ доброму моему сосѣду, который спросилъ у меня: „Что ты, мой другъ, какъ уныла и похудѣла? Неужто ты еще скорбишь о отъѣздѣ моего брата?“ Я только отвѣчала слезами, и онъ вздохнулъ

и пересталъ говорить. Ѣздила я и къ Президенту [1]) нашему, гдѣ меня очень полюбили и, наконецъ, часто за мной присылали. И я цѣлые дни у нихъ просиживала. У него была племянница моихъ лѣтъ, дѣвушка любезная, кроткая, умная, и мы съ ней сдѣлались друзьями. Въ одинъ день я пріѣзжаю къ нимъ и вижу ее очень не веселу; спрашиваю у ней причину. Она мнѣ отвѣчаетъ, что за нее сватается женихъ выгодный, и мать ее принуждаетъ сказать дядѣ, что она согласна. У меня сердце замерло, вспомня мою жизнь и замужство... Я ей совѣтовала дядѣ открыться, но она не рѣшилась по кротости своей, чтобъ не огорчить мать. Я, найдя случай говорить съ ея дядей, сказала ему весь мой разговоръ съ ней. Онъ меня много благодарилъ за довѣренность, которую я ему сдѣлала, и отказалъ жениху, сказавши сестрѣ своей [2]), что ему женихъ не ндравится, и, хотя бы его племянница хотѣла, но онъ такъ, какъ отецъ, ей запрещаетъ,— и тѣмъ кончилось. Послѣ сего болѣе еще меня начали любить, все семейство, особливо дядя и племянница.

Одинъ разъ я у нихъ была: они за мной присылали— нельзя было не ѣхать, да и свекровь меня прислала, видя мое уныніе отъ того, что мужа моего не видала три дни, хотя и знала отъ моего человѣка, что онъ живъ и здоровъ. И такъ, я пріѣхала очень съ грустнымъ и горькимъ лицомъ. Сколько ни старалась себя принуждать, но все было видно мое уныніе. Начальникъ у меня спросилъ: „Гдѣ твой мужъ?“ Я отвѣчала: „Думаю, что у должности“,—и невольный вздохъ вырвался изъ меня. Онъ посмотрѣлъ очень пристально на меня. „Ты, мой другъ, что-нибудь скрываешь отъ друзей твоихъ, и въ сердцѣ твоемъ есть какая-то горесть, которую ты сказать не хочешь. Я съ тобой послѣ наединѣ поговорю. Однако, цѣлый день были гости, и я была рада, что не удалось ему со мной говорить. Я бы не рѣшилась безъ позволенія свекрови ничего сказать. Пріѣхавши домой, я сказала

---

[1]) Михаилъ Ѳедоровичъ Соймоновъ съ 1771 г., послѣ смерти графа А. Е. Мусина-Пушкина, состоялъ до 1779 г. Президентомъ Берггъ-Коллегіи; онъ умеръ въ 1804 г. въ чинѣ дѣйств. тайнаго совѣтника.

[2]) У М. Ѳ. Соймонова была одна замужняя сестра—Марія Ѳедоровна Прокофьева (Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Родословная книга, т. II. С.-Пб. 1895, стр. 237).

весь мой разговоръ. Она подумала и сказала: „Кажется, ты можешь сказать, только прося его, чтобъ онъ не сдѣлалъ мужа твоего несчастнымъ и чтобъ онъ не узналъ, что ты говорила; а то,—можетъ выйти бѣда!“ На другой день я занемогла лихорадкой, и болѣзнь моя продолжалась мѣсяцъ. Мужъ мой всякій день приходилъ домой ночевать и, какъ кажется, заботился обо мнѣ... Въ болѣзнь мою начали меня посѣщать его пріятели, и одинъ, смотря на меня, сказалъ: „Ахъ, какъ мнѣ васъ жаль!“ Я спросила: „Почему вы меня жалѣете? Я, кажется, довольно счастлива и спокойна: мужъ меня любитъ“...—„Того-то и нѣтъ, хотя вы и говорите. Ежели бы онъ васъ любилъ, такъ бы не удалялся отъ васъ на нѣсколько дней; и можетъ ли мужъ оставить жену, которая не заслуживаетъ этого, и развѣ вы не знаете, что онъ расточилъ все имѣніе на дѣвокъ, да и здоровье его подвержено опасности? И вы все это сносите великодушно! Другая бы жена на вашемъ мѣстѣ ему отплатила тѣмъ же и не стала сокрушаться о безпутномъ мужѣ!“—„Меня удивляетъ очень, какъ вы смѣли мнѣ говорить о моемъ мужѣ такія мерзости, о которыхъ я и помыслить стыжусь, не только, что вамъ вѣрить. И какіе вы смѣли мнѣ давать совѣты, постыдные для меня? Али вы думаете, что я молода и не буду видѣть вашего коварства и мерзкой лжи,—то вы ошиблись! И можете ли вы назваться послѣ этого пріятелями мужа моего? Я теперь объ немъ жалѣю, что онъ ошибается въ васъ, считая честными и добрыми!“—„Такъ вы намъ не вѣрите?“—„Стыдно-бъ было мнѣ вамъ повѣрить!“—„Мы васъ увѣряемъ, что все сіе правда, и ежели бы мы васъ не почитали и не любили, то-бъ никогда не сказали“.—„Очень худое ваше почтеніе и любовь, когда вы вздумали меня ссорить съ моимъ мужемъ! Но я васъ увѣряю, что вамъ не удастся сего произвесть, но и это вамъ скажу: ежели бы вы истинно меня любили и почитали, то бы вы меня поберегли и не сказали-бъ мнѣ, ежели бы и правда была, что вы мнѣ разсказываете объ моемъ мужѣ. Но опять-таки вамъ подтверждаю, что я не вѣрю и никогда не повѣрю и знаю, что мужъ меня любитъ, и я его люблю и не требую отъ него, чтобъ онъ безпрестанно былъ со мной. И прошу васъ не имѣть обо мнѣ напраснаго сожалѣнія. Увѣряю васъ, что я скушна никогда не бываю и время мое провождаю очень весело и хорошо. Занятіевъ у меня

довольно, и для меня время всегда кажется коротко. И такъ, прошу васъ, чтобъ вы избавили меня вашихъ посѣщеній; мнѣ нѣтъ времени васъ принимать!“ Одинъ изъ нихъ пожалъ плечами. „Я удивляюсь вамъ, что вы всему сему не вѣрите. Я даже вамъ мѣсто скажу, гдѣ съ дѣвками бываетъ собраніе и тамъ наняты бани на цѣлое лѣто, гдѣ всѣ вмѣстѣ веселятся!“—„Стало, и вы въ этой же компаніи, то что-жъ вы себя не пощадите, ежели не щадите другихъ? Но увѣряю васъ, что вы меня не можете поколебать въ томъ мнѣніи, которое я привыкла имѣть объ моемъ мужѣ. Еще вамъ повторяю мою просьбу оставить меня, и будьте увѣрены, что васъ больше не примутъ здѣсь“. Встала и вышла вонъ, а они отправились и болѣе ко мнѣ не приходили, а хотя и прихаживали, но имъ велѣно было отказывать. Я весь мой разговоръ разсказала моей свекрови. Она одобрила мои отвѣты и сказала: „Надо, мой другъ, терпѣть и молиться за него. А тебя прошу, какъ другъ, какъ мать, веди себя такъ, чтобъ совѣсть твоя тебя не укоряла и мужъ твой ничѣмъ бы не могъ тебя укорить. Будетъ время, что онъ во всемъ раскается и тебя будетъ почитать. Я много виновата передъ тобой, мой милый другъ,—не зная сына моего, заставила тебя очень молоду чувствовать горести. Безъ меня была-бы ты счастлива, но не сѣтуй на меня—довольно я наказана за тебя: сердце мое никогда не бываетъ спокойно и всегда въ мученьѣ за тебя!“ Я заплакала.—„Не безпокойтесь, милая матушка, я никогда на васъ не сѣтую. Вы, конешно, любя меня хотѣли составить мое счастіе, но Богу было угодно, чтобы я не была таковой—я повинуюсь Его опредѣленіямъ и буду терпѣть. Онъ не вовсе меня оставилъ, давши васъ мнѣ. Будто это мало, что я въ васъ имѣю друга и мать, и наставницу!“

Въ самое это время пріѣзжаетъ племянникъ моихъ благодѣтелей и узнаетъ обо всемъ,—отъ кого, не знаю; спрашиваетъ у меня, но я отговариваюсь незнаніемъ; и такъ какъ онъ всякій день у насъ бывалъ, то и утвердился въ слухахъ, не видя мужа моего никогда дома. И это его чрезвычайно огорчило. Онъ сталъ ему говорить и, наконецъ, сказалъ: „Я все разскажу князю Григорію Александровичу [Потемкину] и ничего не утаю. Вы бъ старались больше быть у него и у вашего добраго начальника! И вы ихъ обманываете, скры-

вая, что вы всегда у вашей должности! Я вѣдь вижу несчастное положеніе ваше, которое все разстроено и нѣтъ надежды поправить! Что вы думаете о бѣдной женѣ вашей и матери, которыхъ вы заставляете страдать и всѣ ваши дурныя поведенія вытерпливать? Думаете ли вы, что терпѣнье жены вашей, наконецъ, кончится? Тутъ что будетъ? А кромѣ васъ никто причиною не будетъ. И вы ее можете потерять невозвратно, да и мы всѣ, ее любящіе, потеряемъ. Вы имѣете всѣ случаи ей доставить невинныя удовольствія: она можетъ съ вами, особливо лѣтомъ, вездѣ бывать; князь васъ любитъ, и вы можете вездѣ тамъ быть, гдѣ онъ, и жена ваша тоже. Не осердитесь на меня, ежели я все это выведу: это для вашего блага и спокойствія!“

И съ этого время сталъ получше; начали ѣздить всюды, и намъ всегда были даваны комнаты, куды мы пріѣзжали. Меня очень и князь полюбилъ, и вся его свита старалась мнѣ угождать. И я очень была весела: молодость все веселитъ.

Одинъ разъ были мы въ Сар[скомъ] Се[лѣ], гдѣ я гуляла съ мужемъ поутру, въ саду, и встрѣтили Императрицу, которая остановилась и спросила: „Это, князь, твои гости? Потчивай же ихъ и вели, чтобъ столъ и фрукты имъ были!“ Онъ далъ мнѣ знать, чтобъ я подошла, и она пожаловала руку. И ей было сказано, кто я. Съ тѣхъ поръ я очень часто ее видала. И какъ все сіе питало мою гордость и самолюбіе, видя, что всѣ мнѣ служатъ и смотрятъ въ глаза, — что надо. Но во всѣхъ я видѣла самое благородное обхожденіе и почтительное противъ меня. Тогда я ни въ чемъ не стала терпѣть нужды: мнѣ всего присылали отъ князя.

У него въ домѣ я познакомилась съ однемъ откупщикомъ, котораго мужъ же мой князю рекомендовалъ; и онъ ужъ имѣлъ чинъ капитана и записанъ былъ въ полкъ [1]). Онъ, узная меня короче, сталъ къ намъ ѣздить и, увидя и узная наше состояніе, сталъ мужу моему говорить, чтобъ купилъ онъ домъ. И нашли. И онъ далъ денегъ, но въ тотъ же вечеръ деньги были проиграны... Я, узная объ этомъ,—но дѣлать было нечего. Пріѣхалъ нашъ благодѣтель и спросилъ, купленъ ли домъ. Мать моя сказала: „Не только что не купленъ, но и деньги проиграны. Я надѣюсь на вашу дружбу,

[1]) Вѣроятно Михаилъ Леонтьевичъ Фалѣевъ (ум. 1792 г.).

что это далѣе не пойдетъ". Онъ, не говоря ни слова, поѣхалъ и домъ купилъ на мое имя и началъ отдѣлывать. И намъ онъ ни копѣйки не стоилъ. Мебели, столярная работа и все, что надо было для дома, получили отъ столяровъ, которыхъ дѣти были въ корпусѣ; и вся мебель краснаго дерева и штофомъ обита, зерькала, люстры и прочіе уборы—всѣ получены отъ заводчиковъ въ подарокъ. И такъ мы перешли въ свой домъ, гдѣ даже и запасъ весь нашли и погребъ, наполненъ винами и всѣмъ. И такъ, нашъ благодѣтель насъ въ домѣ принялъ и все показалъ и сдалъ нашему человѣку. Даже не забылъ и корову, и птицъ домашнихъ купить. И знавши, что я охотница до пѣвчихъ птицъ и цвѣтовъ, и того нашли въ домѣ довольно. И такъ, мы начали жить въ своемъ домѣ, и мы съ матушкой очень веселились и успокоились; и мужъ мой былъ очень веселъ. Поживши съ недѣлю, я, сидя подъ окошкомъ, сказала мужу: „Одного только недостаетъ—саду; желала бы я имѣть". Онъ сказалъ: „Будетъ и садъ". И такъ, не прошло еще мѣсяца, какъ въ одно утро меня разбудилъ мой мужъ, и сѣли подъ окошко пить чай. Я взглянула нечаянно и, увидя, что подъ окошкомъ садъ большой, съ деревьями и цвѣтами и дорожки подѣланы,—я не знала, что подумать. И какимъ волшебствомъ въ одну ночь явился садъ и въ такомъ порядкѣ? Люди, которые шли мимо, всѣ останавливались и съ удивленіемъ смотрѣли. Я стала благодарить моего мужа и такъ была обрадована сею нечаянностью, что сама себѣ не вѣрила: не сплю ли еще я? Мужъ мой очень веселился моимъ изумленіемъ, наконецъ, разсказалъ мнѣ, что давно было все заготовлено и, такъ какъ садовники были всѣ ему пріятели, то всѣ деревья, цвѣты и работники были привезены изъ Петергофа, и самъ садовникъ съ ними былъ, котораго сынъ былъ въ командѣ у моего мужа. И такъ, садъ намъ ничего не стоилъ.

Устроившись въ своемъ новомъ жилищѣ, начали жить спокойнѣе. Я говорила моему мужу: „Теперь главное мое желаніе, чтобъ ты былъ почаще дома и мы бъ вмѣстѣ веселились, а то, какъ ни весело, но одной непріятно. Все одна: не съ кѣмъ дѣлить мнѣ моихъ радостей. Я не прошу тебя, чтобъ ты дѣлилъ со мной скорби мои: я одна ихъ перенесу. Ты знаешь, что у меня теперь и брата нѣтъ (который былъ уже отданъ въ полкъ или записанъ и оставался пока еще

въ Корпусѣ)!“ Онъ обнялъ меня и сказалъ: „Ты увидишь, что я буду съ тобой чаще. Я все знаю, сколько ты терпишь, за то я тебѣ доставляю всѣ удовольствія, какія могу. Веселись и утѣшайся: ты всѣми любима, и кто только тебя узнаетъ— всякій полюбитъ“.—„Но могу ли я имѣть совершенное удовольствіе? Безъ тебя же не называются удовольствія радостями, когда раздѣлять не могу съ милымъ человѣкомъ. Ты давно отъ меня отнятъ злодѣемъ твоимъ Нарто[вымъ], и не знаю, будешь ли когда мнѣ возвращенъ!“ Слезы мои мѣшали мнѣ говорить. „Я бы охотно промѣняла теперешнія радости на возвращеніе тебя. Я не знаю, любишь ли ты меня?“—„А какъ ты думаешь?“—„Я думаю, что нѣтъ: ежели бы ты меня любилъ, могъ ли бы ты не видать меня по три и по четыре дни? Стало, ты ни мало не печешься о моемъ спокойствіи. Что жъ я должна думать? Ежелибъ не мать твоя и данныя мнѣ правила моимъ благодѣтелемъ, то я не знаю, чтобъ изъ меня вышло“.—„А что жъ бы изъ тебя вышло? Только то, что бъ ты себѣ нашла по сердцу друга, съ которымъ бы ты могла дѣлить время. Я самъ тебѣ позволяю, а ежели хочешь, то я самъ тебѣ выберу. Выкинь, мой милый другъ, изъ головы предразсудки глупые, которые тебѣ вкоренены глупыми твоими наставниками въ дѣтствѣ твоемъ! Нѣтъ грѣха и стыда въ томъ, чтобъ въ жизни нашей веселиться! Ты все будешь— моя милая жена, и я увѣренъ, что ты вѣчно меня любить будешь. А это временное удовольствіе!“

Я, слушая, окаменѣла и даже перебить его предложенія не могла. И долго я не могла говорить; наконецъ, сказала: „Только этого и недоставало къ моимъ горестямъ, чтобъ выслушать предложенія самыя мерзкія и постыдныя отъ того, который бы долженъ меня утверждать въ тѣхъ правилахъ, которыя мнѣ даны! А ты самъ хочешь, чтобъ я потеряла все то почтеніе, которое теперь ко мнѣ имѣютъ! И съ какими я глазами покажусь тѣмъ людямъ, которые меня и любятъ за мое поведеніе? Ахъ, какъ ты безсовѣстенъ: хочешь послѣднее у меня отнять! Но знай, что я твоимъ совѣтамъ не послѣдую и добродѣтели моей ни за что въ мірѣ не потеряю! Ты ошибаешься, говоря, что, выбравши себѣ друга, я все тебѣ буду любезна и ты мнѣ также. Я для тебя буду такъ же любезна, какъ теперь,—это правда, я очень этому вѣрю, потому что ты ко мнѣ истинной любви никогда не имѣлъ,—

но я, ежели бы рѣшилась на твое безбожное предложеніе, то знай, что бъ я тебя перестала навсегда любить! Я не знаю скотской любви, и Боже меня спаси и знать ее!—а я хочу любить чистой и непостыдной любовію. Вотъ одно благо для меня! Или ты хочешь для того меня видѣть безпутной, чтобъ я тебя не укоряла,—то и безъ этого я ни слова тебѣ не говорю и обѣщаюсь тебѣ никогда не говорить. Ежели бы я и захотѣла говорить,—то пользы не будетъ, пока знакомство твое не прервется съ начальникомъ зла. Объ одной милости тебя прошу,—чтобъ не учащала эта постыдная компанія моего дому, отъ которой, кромѣ наглости и буянства, ожидать нечего, и предупреди предводителя вашего во всѣхъ распутствахъ, чтобъ онъ не осмѣливался мнѣ виду какого-нибудь неблагопристойнаго сдѣлать. Я напередъ вамъ сказываю, что я не вытерплю отъ него ничего и не посмотрю, что онъ твой командиръ! Я знаю, что есть у тебя начальникъ добрый и честный, къ которому ты не ходишь иначе, какъ по должности, а меня они любятъ,—то не заставьте меня все ему высказать; сами себя сохраняйте отъ стыда, а обо мнѣ не пекитесь: у меня есть Попечитель, которому я отъ рожденія моего препоручена и который меня до сихъ поръ хранитъ. Мнѣ и это прискорбно—видѣть тебя безо всякаго закону и безъ правилъ. Я за тобой девятый годъ и не видала, когда бъ ты хоть перекрестился; въ церькву не ходишь, не исповѣдываешься и не пріобщаешься. Чего жъ я могу ожидать лучшаго? Нѣтъ мнѣ, несчастной, никакой надежды къ возвращенію моего потеряннаго спокойствія! Не сердись на меня: ты самъ меня заставилъ вести съ тобой такой непріятный для тебя разговоръ!“ Кончилось тѣмъ же, что онъ, отобѣдавши, ушелъ и два дни я его не видала. Да я и не грустила, потому что спокойнѣе и пріятнѣе время проводила безъ него съ моей милой и почтенной матерью, которой любовь ко мнѣ была безпредѣльна.

Въ одинъ день онъ сказалъ, что не пойдетъ со двора, а хочетъ со мной провести время и велѣлъ всѣмъ отказывать. И онъ отмѣнно былъ спокоенъ и веселъ. Послѣ обѣда мы сѣли въ спальню, и я занялась работой, а онъ сѣлъ читать. Приходятъ отъ Нар[това] за нимъ, и сказано, что нѣтъ дома. Наконецъ, онъ самъ пришелъ съ Дмитре[вскимъ?] и прямо къ спальной, отодвинулъ задвижки и растворилъ спальню. Я

такъ разсердилась, что забыла всю благопристойность и, сидя на моемъ мѣстѣ,спросила: „Не забыли-ль вы, куды пришли, по вашей привычкѣ, ходя по спальнымъ, гдѣ вамъ не запрещаютъ. И какъ вы смѣли это сдѣлать—войти туды, куды кромѣ меня и мужа моего, никто не ходитъ! Я чрезвычайно жалѣю, что у мужа моего пріятели такъ дерзки и наглы! Я ни отъ кого въ свѣтѣ ни малѣйшей наглости не перенесу, и я буду жаловаться тамъ, гдѣ должно; и не думайте, чтобъ за меня не вступились! Вы довольно сдѣлали, что отняли у меня мужа и ввели его во всякія распутства! А со мной вы не можете безъ уваженія обходиться!“ Онъ такъ былъ сраженъ, что не помѣшалъ мнѣ все высказать. Послѣ сказалъ мужу моему: „Что вы ея не уймете? И какъ она можетъ съ начальникомъ мужа своего такъ говорить!“ Я отвѣчала: „Мужъ мой не можетъ мнѣ запретить говорить. Я сама знаю, съ кѣмъ я говорю. У насъ есть еще главный начальникъ, къ которому я могу отнестись, который и вамъ начальникъ! У меня домъ — не трактиръ, ко мнѣ лучше васъ ѣздятъ съ почтеніемъ и въ гостиную не смѣютъ войти, ежели она затворена. Я прошу васъ меня избавить такихъ дерзкихъ посѣщеній; я къ нимъ не привыкла, и ни отъ кого еще въ жизни моей не видала такой обиды, какъ отъ васъ!“ Онъ такъ озлился, что сказалъ: „Я брата вашего теперь не выпущу и не аттестую въ офицеры! Вы не знаете, съ кѣмъ говорите,—который можетъ сдѣлать добро и худо вамъ!“ — „Ошибаетесь вы, ежели думаете, что я угрозъ вашихъ испугаюсь. Братъ мой будетъ и безъ васъ офицеромъ. Добра отъ васъ ожидать нельзя, а худа вы мнѣ ужъ успѣли много сдѣлать. Пожалуйте, не безпокойте себя, а меня ничто не устрашитъ. Я знаю себя, кто я, и знаю васъ, кто вы, и болѣе съ вами и говорить не стану, а только скажу: ежели вы осмѣлитесь еще сдѣлать эдакую наглость и какъ разбойникъ вломиться въ спальну, то, будьте увѣрены, я далѣе буду просить, нежели у своего начальства, и увѣрена, что получу полную сатисфакцію. Я съ собой не дамъ никому шутить!“ Свекровь моя весь этотъ разговоръ слышала. Я пришла къ ней и молча сѣла. Мужъ мой пришелъ ко мнѣ и сказалъ: „Что ты сдѣлала! Пойди помирись и извинись!“— „Стыдись мнѣ сіе говорить, чтобъ я была такъ подла и пошла у этого подлаго человѣка просить прощенія? Онъ дол-

женъ у меня просить! Я вамъ сказываю, что я буду искать защищенія и жаловаться буду за эти наглости князю Григорію Александровичу [Потемкину] и скажу, что это сдѣлано въ присутствіи мужа моего, который за меня не вступился то не стыдно ли тебѣ будетъ? И что ты его трусишь, эдакого подлеца и безбожника!" И такъ, они ушли, и мужъ мой пришелъ рано вечеромъ домой. Я удивилась, и онъ очень ласкался ко мнѣ. На другой день онъ сталъ мнѣ говорить, что я очень обидѣла Нар[това]. „Опять за то же! Да онъ-то что жъ, развѣ не обидѣлъ меня? И съ какой онъ гордостью со мной говорилъ, думая, что я такъ же струшу, какъ и ты¡ Онъ очень ошибся!" — „Онъ теперь не хочетъ брата твоего аттестовать—вотъ, что ты сдѣлала!"—„Я и не прошу его".— „Онъ можетъ по должности моей много мнѣ худа сдѣлать!"— „И это вздоръ: ничего не можетъ; зная нашу связь съ Пот[емкинымъ], онъ, трусъ, не осмѣлится. Да, пожалуй, не безпокойся о братѣ: я безъ него и безъ тебя сдѣлаю". Мужъ мой сказалъ: „Надо позвать его отобѣдать и ласковѣе его принять!"—„Дѣлай обѣдъ, ежели тебѣ угодно, но я дома не буду. Что тебѣ угодно со мной дѣлать? Черезъ недѣлю ты можешь его позвать, а не ранѣе. Тогда и я своихъ пріятелей попрошу".

На другой день я послала за двумя пріятелями, которые были близки къ князю Григорію Александровичу, и просила ихъ, чтобъ они сдѣлали мнѣ милость и довели князю, чтобъ онъ потребовалъ моего брата и далъ бы ему офицерскій чинъ. И причину сказала ту, что я не хочу просить Нар[това], онъ по гордости своей можетъ быть не такъ скоро сдѣлаетъ. Они меня увѣрили, что это будетъ на сей же недѣлѣ сдѣлано. И точно, такъ и было: на третій день его потребовали въ канцелярію и велѣли выключить изъ Корпусу, не спрашивая и аттестату. И самъ князь поздравилъ его поручикомъ и опредѣлилъ въ пикинерный полкъ. Братъ мой пришелъ съ радостію. Мужъ мой, узнавъ, очень былъ радъ и на другой день поѣхалъ благодарить князя; и, какъ пріѣхалъ домой, я ему сказала, (что) теперь, ежели онъ хочетъ звать своего пріятеля, то пусть зоветъ, да и тѣхъ непремѣнно позвать, которые старались о братѣ. И такъ, черезъ нѣсколько дней, всѣ у насъ обѣдали, и я благодарила друзей моихъ за стараніе ихъ. Нар[товъ] такъ былъ учтивъ и тихъ, что я его

никогда таковымъ не видала. Черезъ недѣлю отправился братъ мой въ Полтаву, съ которымъ я прощалась съ великою горестью. И онъ, зная мою жизнь, больше грустилъ обо мнѣ.

Вскорѣ послѣ его отъѣзду пріѣхали два племянника моего благодѣтеля [1]), которые меня любили, какъ сестру, и были у меня всякій день, видя, что я всегда одна. И часто заставали меня въ слезахъ, брали великое участіе въ моей горестной жизни. Одинъ изъ нихъ больше былъ къ намъ привязанъ, который всегда меня уговаривалъ, чтобъ я терпѣла и не сѣтовала на свою участь. „Есть еще тебя несчастнѣе. У тебя есть мать, въ которой ты друга имѣешь и которая съ тобой дѣлитъ все и утѣшаетъ тебя. Есть и другіе друзья, которые тебя не меньше любятъ и желаютъ тебѣ всякаго добра. Увѣрена ли ты, мой другъ, во мнѣ, что я тебя искренно люблю и почитаю и не могъ бы больше любить, какъ сестру милую,—то прими совѣтъ отъ твоего друга, не принимай много къ себѣ мужчинъ, не наведи на себя нареканія, хотя съ твоей стороны и невиннаго. Бога ради не потеряй своего добраго имени! Ѣзди чаще къ нашимъ роднымъ, которые тебя много любятъ. Помни наставленіе дяди моего [1]): люби всегда добродѣтель. Ты ноньче часто бываешь у князя, то берегись ласкательство и не довѣряй многимъ; будь всегда осторожна. Я слышалъ о тебѣ великія похвалы отъ самаго князя и ото всѣхъ окружающихъ его. Сердце мое радовалось, слыша, какъ выхваляли твое поведеніе, осторожность и добродѣтельную скромность. Даже князь любопытствовалъ у меня, зная нашу дружескую связь, какъ ты съ мужемъ живешь и любитъ ли онъ тебя. Я отвѣчалъ, что жизнь твоя очень хороша и ты счастлива,—то и ты берегись открывать участь твою для многихъ причинъ: главная причина — узная ваше разстройство и видя тебя въ такой цвѣтущей молодости, будутъ многіе разставлять сѣти для твоей добродѣтели. Послушайся друга твоего, который тебя привыкъ любить и который, кромѣ добра, ничего тебѣ не желаетъ. Всѣ наши родные гордятся твоимъ поведеніемъ и скромностію, то не потеряй и поддержи ихъ мысли о тебѣ. Не перемѣняя своего поведенія, ты будешь всѣми уважаема. Жизнь твоя не-

---

[1]) Хераскова.

счастная всѣмъ нашимъ роднымъ извѣстна, и они тебя уважаютъ за то, что ты не жалуешься; и я тебя увѣряю, что твое терпѣніе и добродѣтель все, наконецъ, превозможетъ— и нельзя [иначе]. Долго или коротко это продолжится, но ты, наконецъ, будешь счастлива и восторжествуешь надъ мужемъ, который ничѣмъ тебя укорить не можетъ. Вотъ въ чемъ ты должна полагать все свое счастье и славу! А намъ какую ты принесешь радость, всѣмъ любящимъ тебя, а болѣе всего дядѣ моему, который и до сихъ поръ о тебѣ сокрушается и молится за тебя, чтобъ спасъ тебя Господь ото всѣхъ преткновеній. Ежели ты такъ себя всегда будешь вести, то самый дерзкій мужчина не будетъ смѣть безъ уваженія смотрѣть на тебя! Добродѣтель далеко отгоняетъ порокъ!“

Какъ живо я чувствовала цѣну его дружескихъ совѣтовъ и видѣла великую его любовь къ себѣ и съ чувствомъ сердца наполненнымъ благодарила его и обѣщала слѣдовать его совѣтамъ. Вы молитесь, мои милые друзья, за меня, чтобъ Богъ утвердилъ сердце мое въ добродѣтеляхъ! Послѣ сего разговора я стала гораздо осторожнѣе и съ неизвѣстными мужчинами остерегалась короткаго обхожденія. Въ это лѣто я жила въ Са[рскомъ] Се[лѣ] три недѣли, гдѣ и другъ мой былъ по своимъ дѣламъ. И онъ всякій день былъ съ нами вмѣстѣ и радовался, смотря на почтительное обхожденіе со мной всѣхъ и даже самого князя. Бывала тамъ часто и княгиня Вяземская, которая всякій день меня видѣла, даже въ мою квартиру хаживала ко мнѣ. И, видя всѣ ея со мной обхожденіе и любовь ко мнѣ, болѣе стали еще меня уважать; и я гордилась симъ преимуществомъ противъ прочихъ. И одинъ разъ она сказала мужу моему: „Чувствуешь ли свое счастіе, имѣя такую жену, и знаешь ли ты ей цѣну?“ Онъ очень смѣшался и не зналъ, что отвѣчать, и она тотчасъ сама прервала разговоръ сей, для него непріятный. Онъ очень скучалъ жизнью въ Са[рскомъ] Се[лѣ], и ему очень хотѣлось въ городъ, но я просила окружающихъ князя, чтобъ они сдѣлали мнѣ милость,—ежели можно, чтобъ князь удержалъ его подолѣ. Я просила подъ видомъ тѣмъ, что мнѣ здѣсь очень весело, и для воздуху, а въ самомъ то дѣлѣ, чтобъ отвести его отъ ненавистной мнѣ и вредной для него компаніи.

Наконецъ, должно было ѣхать въ городъ, и тотчасъ, какъ скоро пріѣхали, то онъ и ушелъ къ Нар[тову] и побывалъ въ Корпусѣ. И опять началась точно такая же жизнь, какова и прежде была... И къ себѣ сталъ водить; и очень часто игра карточная продолжалась сутки по трои, и я ужъ рѣшилась ничего не говорить. Онъ же ужъ и сердиться на меня начиналъ. И я иной разъ съ игроками принуждена была сидѣть цѣлую ночь, видѣла и драки, слышала и всякую мерзость отъ пьяныхъ, но выйти не смѣла,—развѣ кто изъ игроковъ сжалится и упроситъ мужа, чтобъ меня отпустилъ. Вышедши, бросалась въ постелю и слезами обмывала подушку: вотъ вся моя отрада была!

Въ одинъ день я узнала, что они съ дѣвками поѣхали на Ка[менный?] [1]) въ бани, гдѣ и президента племянникъ былъ. Я поѣхала къ нимъ обѣдать и рѣшилась сказать президенту, который, отобѣдавши, поѣхалъ гулять и намъ предложилъ. Только-что мы переѣхали черезъ мостъ по берегу,— и увидѣли всю компанію, послѣ бани прогуливающихся, и съ дѣвками. Онъ велѣлъ тотчасъ остановиться и подозвалъ своего племянника и моего мужа и велѣлъ имъ къ намъ сѣсть въ карету. И поѣхали назадъ. Онъ первое спросилъ, что за дамы съ ними были? Они ничего не отвѣчали, но, пріѣхавши домой, племянника посадилъ подъ караулъ и не велѣлъ со двора больше ходить, а мужа моего въ Корпусъ на двѣ недѣли—дѣлать разныя пробы, куды самъ ѣздилъ всякій день, но не въ назначенное время—иногда по утру, иногда вечеромъ, — то мужъ мой и не смѣлъ отлучиться. И послѣ этого немного сдѣлался получше и больше сталъ опасаться, а на меня очень долго сердился: двѣ недѣли не говорилъ со мной ни слова; но я терпѣла, видя, что онъ подозрѣвалъ меня и поставлялъ причиной ѣзды президента на рѣчку къ банямъ.

Пришелъ Петровъ день и въ Пете[ргофѣ[былъ обыкновенный праздникъ. Я сколько съ нимъ ни просилась, но онъ меня не взялъ и уѣхалъ одинъ, поутру, рано. Я осталась вся въ слезахъ и въ горести большой. Послѣ обѣда пріѣзжаетъ къ намъ старикъ шамбелянъ Голынской [2]) и удив-

---

[1]) На Каменный Островъ?

[2]) Въ 1780 году шамбеланъ Иванъ Осиповичъ Голынскій жилъ около Могилева, гдѣ у него было имѣніе на рѣкѣ Пронѣ („Сборникъ ста-

ляется, что я до сихъ поръ не одѣта. Я ему сказала, что мнѣ съ мужемъ ѣхать было нельзя: онъ очень рано поѣхалъ къ князю [Потемкину], а мнѣ велѣлъ кого-нибудь искать знакомыхъ, съ кѣмъ бы я могла ѣхать, но всѣ мои знакомые разъѣхались прежде, нежели я успѣла къ нимъ послать. Онъ предложилъ мнѣ съ нимъ ѣхать. Я очень обрадовалась, побѣжала къ матушкѣ и сказала ей. Она, прежде посмотря на меня, сказала: „Что ты хочешь дѣлать? Вѣдь ты его разсердишь,—онъ и такъ на тебя сердитъ!“ Я стала у ней цаловать руки. Она сказала: „Поѣзжай и скажи, что я тебя прислала!“ Я тотчасъ одѣлась и поѣхала и всю дорогу была весела и спокойна, но, какъ скоро стала подъѣзжать къ Пете[ргофу], то сердце замерло: какъ я покажусь,—а не показаться—нельзя. Наконецъ, я сказала: „Я очень боюсь, господинъ Голынской!“—„А чего вы боитесь? Неужто меня, старика, будутъ подозрѣвать?“—„Нѣтъ, я не того боюсь!“—„Такъ чего жъ?“—„Меня мужъ оставилъ дома и не хотѣлъ, чтобъ я ѣхала; я, вѣдь, васъ обманула“.—„А на что же вы ѣхали? Мужъ вашъ будетъ имѣть все право еще больше сердиться за непослушаніе ваше къ нему, и меня, старика, вы ввели въ хлопоты. Ежели бы я узналъ сіе хоть на половинѣ дороги, то бъ вернулся и отвезъ васъ домой. Что теперь дѣлать?“—„Вы скажите, что я не хотѣла ѣхать съ вами, но меня сильно прослала свекровь!“—“Ну, добре; я на старости и лгать стану по вашей милости, панья! Быть такъ! Не пугайся; не дѣлать бы того, отъ чего совѣсть бываетъ нечиста и безпокойна!“ Пріѣхали и пошли въ садъ, но я упрашивала, чтобъ скорѣе идти во дворецъ и показаться моему мужу, а то, чтобъ кто не сказалъ прежде, нежели онъ самъ увидитъ. И такъ, мы пошли и нашли мужа моего, играющаго

ринныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина“, ч. IX, М. 1901, стр. 4, 6, 32—33). Въ 1781 году, 25-го іюля, Голынскій, съ двумя депутатами, представлялся Императрицѣ Екатеринѣ II въ качествѣ губернскаго предводителя дворянства Могилевской губерніи и говорилъ ей привѣтственную рѣчь на польскомъ языкѣ (Камеръ-Фурьерскій Журналъ 1781 г., стр. 447); въ этомъ званіи онъ состоялъ до 1788 года, при чемъ неоднократно представлялся Императрицѣ и даже былъ приглашаемъ къ ея столу (см. Камеръ-Фурьерскіе Журналы 1784, 1787, 1789, 1791 гг.); съ 1790 г. Могилевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства значится уже полковникъ войскъ польскихъ Михаилъ Осиповичъ Голынскій.

въ карты. Онъ, увидя меня, чрезвычайно удивился и только сказалъ: „А, и вы здѣсь? Съ кѣмъ изволили пріѣхать?“ Я отвѣчала, что съ паномъ Голынскимъ. Онъ и съ нимъ покло нился очень сухо и сказалъ: „Извольте идти гулять! Чего здѣсь душиться?“ Но лицо его было такъ сердито, что у меня сердце замерло, и я не рада была, что и поѣхала. Пошли мы въ садъ, и кто со мной изъ знакомыхъ ни повстрѣчается, всякій спроситъ: „Здоровы ли? Лицо ваше доказываетъ, что вы очень нездоровы“. И самъ мой сопутникъ сказалъ: „Вы такъ блѣдны, что иначе и счесть нельзя, какъ, что вы очень больны. Вотъ вашъ обманъ и самое непріятное гулянье! Вы сами себя наказали, но надо думать, какъ дѣло поправить“. Я ему сказала: „Сдѣлайте милость,—какъ отсюды поѣдемъ, упросите его, чтобъ онъ сѣлъ въ вашу карету, и вы поѣдемте къ намъ ночевать и упросите его, чтобъ онъ не сердился. Онъ васъ любитъ и послушаетъ!“ Въ третьемъ часу мы увидѣли его идущаго и пошли къ нему на встрѣчу. Онъ, не смотря на меня, сказалъ, что „То я сейчасъ ѣду. Ежели вамъ угодно остаться, то можете“. Я сказала, что я не хочу оставаться, а ѣду съ нимъ. И такъ, пошли изъ саду, а людямъ велѣли искать экипажи. Голынской сталъ просить его сѣсть лучше въ его карету, чтобъ веселѣе ѣхать. Мужъ мой посмотрѣлъ на него и сказалъ: „Я знаю, что это значитъ она тебя просила“. И онъ насилу могъ его упросить; и такъ мы сѣли въ его карету, и тутъ-то мужъ мой далъ волю сердцу своему. И мы оба молчали; наконецъ, Голынской сказалъ: «Ужъ довольно вы наговорили колкаго и жесткаго вашей женѣ, позвольте же и мнѣ, старику, теперь сказать. Конешно, она неправа, что поѣхала сверхъ воли вашей, но увѣряю васъ, что она съ воли вашей матери ѣхала, и она, подъѣзжая сюды, была ужъ очень безпокойна. И какъ можно молодую женщину наказывать тѣмъ, что ее лишаешь удовольствія такого, которое бываетъ только въ годъ разъ! Прошу васъ, какъ другъ, сказать мнѣ: какъ велика ея вина чтобъ я могъ знать,—можно ли за нее ходатайствовать, или нѣтъ, и всегда ли она вамъ не повинуется?“ Мужъ мой долго молчалъ, наконецъ сказалъ: „Вины ея нѣтъ, а я хотѣлъ только попробовать, будетъ ли она послушна и въ этомъ мнѣ, какъ во всемъ; и это непослушаніе еще первый разъ ею сдѣлано, тѣмъ-то мнѣ и болѣе!“—„А вы

ея слушаетесь ли? Вѣдь, это должно быть взаимно? Но я по дружбѣ вашей у васъ бываю очень часто, то я еще не видалъ, чтобъ вы ее въ чемъ-нибудь послушались. А она во всемъ вамъ покорна и послушна. За что жъ вы ее безъ вины хотѣли наказать? Теперь вамъ самимъ отдаю на судъ: правы ли вы? Конешно, ей бы надо выдержать и этотъ опытъ, но молодость ея не устояла и живой ея характеръ,—то я васъ прошу ее простить. Уважьте лѣта мои!" И сталъ на колѣни. Мужъ мой его поднялъ; старикъ заплакалъ. „Ежели бы я къ ней не пріѣхалъ, то она, конешно бы, не была виновата, а съ другимъ, я увѣренъ, она бъ не поѣхала. Но она повѣрила себя моимъ лѣтамъ и дружеству, которое я къ вамъ имѣю!" И такъ, мой мужъ простилъ меня и обнялъ. И я, видя, что онъ пересталъ сердиться и спросилъ у меня: „Ты впредь этого не сдѣлаешь?"—я отвѣчала: „Нѣтъ, потому что ты меня впредь не станешь оставлять и уѣзжать одинъ на праздникъ?" Онъ засмѣялся и сказалъ: „Видишь ли, Голынской? Давно ли плакала и боялась моего гнѣва, а теперь что говоритъ?" Однако, сіе было сказано безо всякаго сердца. "Ты знаешь, что я искренна и не даю тебѣ въ томъ слова, чего сдержать не могу, а ты меня можешь предостеречь самъ отъ того, что тебѣ непріятно". И такъ, мы пріѣхали домой, и Голынской у насъ ночевалъ. Матушка вышла насъ встрѣтить и выговорила Александру Матвѣевичу [Карамышеву] за то, что онъ не взялъ меня. „А я ее послала, чтобъ она ѣхала,—и знай, что и впредь сіе будетъ: я и сама съ ней поѣду: она и такъ довольно видитъ непріятностей, а еще и это невинное удовольствіе отнять отъ нея хочешь!"

Наконецъ, онъ, по дѣламъ, препорученнымъ отъ начальника, принужденъ былъ чаще быть дома; но всегда былъ скушенъ. Сколько я ему ни говорила, что неужто я не могу усладить его жизни, и развѣ ему пріятнѣе быть съ чужими,—онъ отвѣчалъ: „Развѣ ты думаешь, что я могу тебя промѣнять на тѣхъ дѣвокъ, о которыхъ ты говоришь? Ты всегда моя жена и другъ, а это—только для препровожденія времени и для удовольствія".—„Да что жъ это такое? Я не могу понять, какъ безъ любви можно имѣть любовницъ? Ежели бы со мной сіе случилось, то я бы перестала тебя любить, но это выходитъ—скотство и грѣхъ передъ Богомъ и нарушеніе тѣхъ клятвъ, которыя ты давалъ мнѣ передъ

Евангеліемъ! Остерегайся, мой другъ, чтобъ правосудіе Божіе не постигло тебя!“ Онъ засмѣялся и сказалъ: „Какъ ты мила тогда, когда начнешь филозофствовать! Я тебя увѣряю, что ты называешъ грѣхомъ то, что только есть наслажденіе натуральное, и я не подверженъ никакому отвѣту.“ Я заплакала и замолчала, внутренно прося у Бога ему прощенія. И онъ нѣсколько разъ меня уговаривалъ, чтобъ я согласилась имѣть любовника и выкинула бы изъ головы глупые предразсудки. Я просила его, чтобъ онъ оставилъ меня въ глупыхъ моихъ мнѣніяхъ и не говорилъ мнѣ больше о такъ постыдномъ дѣлѣ для меня. „Ты властенъ былъ отнять у меня имѣніе и спокойствіе, но совѣсти моей и добраго имени отнять не можешь. Меня сохранитъ тотъ Богъ, который сохраняетъ отъ чрева матери моей до сихъ поръ. Тебѣ какъ угодно, такъ и мысли, а меня оставь въ моихъ правилахъ. И я тебя увѣряю: пока хранитъ меня рука Божія, то я не сойду съ пути добродѣтели и не приму твоихъ совѣтовъ: они вредны душѣ моей и тѣлу! Боже милосердый! Тотъ, въ которомъ я думала найти путеводителя и наставника,—тотъ хочетъ меня свести съ истиннаго пути и поставить на распутьѣ! Но Ты меня не оставишь и будешь моимъ хранителемъ! На Тебя единаго моя надежда и упованіе, и я увѣрена твердо, что пока не отступлю отъ тебя,—не буду Тобой оставлена!“ Я весь разговоръ сказала матушкѣ, которая горько заплакала и просила меня не говорить съ нимъ больше на этотъ счетъ и какъ можно избѣгать сего разговора.

Итакъ, жизнь моя вся текла въ горести, но молодость и веселый характеръ дѣлали то, что я забывала часто о своемъ горестномъ положеніи. Меня всякая бездѣлица утѣшала. Два моихъ друга, одинъ—племянникъ моихъ благодѣтелей, а другой—который домъ купилъ намъ, любили меня оба и, зная, что я люблю цвѣты, птички (?) и всякія бездѣлицы, то и утѣшали меня, и сдѣлали мнѣ маленькую оранжерею, чтобъ и зимой я пользовалась зеленью и цвѣтами,—словомъ, они старались мысли мои узнавать, только чтобъ я была утѣшена. Я же по простотѣ моей не иначе ихъ считала, какъ братьями,—то, когда они пріѣзжала ко мнѣ, я съ радостью бросалась къ нимъ, обнимала ихъ, цаловала, называла самыми пріятными именами, друзьями и утѣшителями. Они сами

меня ласкали и часто, смотря на невинное мое обхожденіе съ ними, плакали. Я же свои ласки не остерегалась имъ дѣлать при свекрови и мужѣ, когда онъ бывалъ дома, потому что они были самыя чистыя. Я тогда не знала другой любви, и была съ этой стороны счастлива и спокойна, и,—признаться,—что я была гораздо спокойнѣе, когда не было моего мужа дома, даже и веселѣе, и я не скрывала этихъ чувствъ отъ матери моей.

Итакъ мы жили до самаго того время, пока не поѣхали въ Сибирь. И на это было собственное его желаніе Онъ просилъ у к[нязя] П[отемкина], какъ милости какой-нибудь, чтобъ его опредѣлить въ Иркутскій Банкъ директоромъ [1]): онъ больше ничего не хочетъ; а причина главная была та, что его не сдѣлали членомъ Бергъ-Коллегіи, а посадили на это мѣсто другого. Сколько я его ни упрашивала, чтобъ онъ не ѣхалъ въ такое отдаленное мѣсто, гдѣ я не буду имѣть ни друзей, ни благодѣтелей, и, ежели онъ не перемѣнится, то что я буду дѣлать и некому будетъ открыть сердца моего и сложить тягости? Я буду имѣть одного друга—мать мою, которую надо мнѣ беречь и даже скрывать отъ нея многое то, которое меня огорчаетъ. Она и такъ мало видитъ радостей, и здоровье ея становится слабо. „Недоставало только этого несчастія, которое ты не упустилъ сдѣлать, лишивши меня послѣдняго удовольствія и блага!“ И я съ горестію разставалась съ домомъ, съ друзьями и благодѣтелями. Братъ же мой былъ ужъ въ полку, съ которымъ и уѣхалъ въ Полтаву, и я была лишена удовольствія и проститься съ нимъ! Друзья мои его уговаривали, чтобъ онъ оставилъ свое предпріятіе, но ничто не помогло. Самъ к[нязь] П[отемкинъ] предлагалъ другое ему мѣсто у себя и хотѣлъ сдѣлать счастливымъ, обѣщалъ все то, что только онъ потребуетъ, но онъ просилъ его сдѣлать ту милость, о которой онъ проситъ. Итакъ, к[нязь] доложилъ Императрицѣ,—и въ тотъ же день сдѣлано было; и не въ примѣръ другимъ опредѣлено двойное жалованье, какъ ему, такъ и всѣмъ подчиненнымъ, по его просьбѣ. И мы все продали, что имѣли, и торопились, какъ будто насъ кто гналъ; и все продали за безцѣнокъ.

---

[1]) Это назначеніе состоялось 28-го мая 1779 г.

Въ это время съ грустью въ сердцѣ и рано поутру, я вышла въ садъ и увидѣла любимую мою вишню, которая была вся въ цвѣту, увявшую и сронившую всѣ цвѣты, и листочки всѣ пожелтѣли. Я долго стояла и смотрѣла, наконецъ сказала: „Неужто ты, милое деревцо, обо мнѣ грустишь до того, что потеряло всю свою красоту, и жизнь твоя исчезаетъ? Я бы хотѣла, чтобъ ты и безъ меня цвѣло, тебя такъ же будетъ любить новый твой хозяинъ и будетъ ходить за тобой! Нельзя тебя не любить: ты прекрасна и плоды твои вкусны!“ И слезы мои полились... Я, пришедши въ комнату, вказала тому молодому человѣку, который изъ дружбы смотрѣлъ за садомъ. Онъ, не повѣря мнѣ, самъ пошелъ, сказавши, что „я вчерась самъ его поливалъ и любовался имъ“. Вошедши въ садъ и увидя самъ то, чему не вѣрилъ, чрезвычайно удивился и съ горестью сказалъ: „Не знаю, будете ли вы счастливы и спокойны тамъ, куды вы ѣдете. Я боюсь за васъ, добрая моя и почтенная А[нна] Е[вдокимовна]; я слыхалъ отъ батюшки, который слишкомъ сорокъ лѣтъ садовникомъ при дворѣ, что и у деревцовъ есть чувство, когда оно лишается добраго хозяина, и, ежели еще и несчастіе въ жизни какое-нибудь будетъ,—то оно засыхаетъ и умираетъ. Онъ утверждалъ, что имъ замѣчено это нѣсколько разъ въ жизни его,—то и я за васъ боюсь; однако, посмотрю, нѣтъ ли въ корнѣ червя, который портитъ дерево“? И тотчасъ открылъ его и осмотрѣлъ весь корень. Ничего не нашелъ,—и корень довольно здоровъ. Мы еще послѣ сего мѣсяцъ жили, и деревцо совсѣмъ умерло, сколько онъ ни прилагалъ къ нему трудовъ и знаній, хотя его имѣть у себя; но не могъ спасти...

Итакъ, я, простившись съ моими друзьями и благодѣтелями, отправилась въ дальную дорогу. Заѣхали въ деревню къ моему милому и почтенному отцу и благодѣтелю [1]) и прожили двѣ недѣли, а барка дожидалась насъ въ городѣ Яро[славлѣ]. Прощанье мое было самое горестное; они меня такъ оплакивали и провожали, какъ-бы я умерла. И я выѣхала отъ нихъ съ растерзаннымъ сердцемъ, и духъ мой такъ упалъ, что я ѣхала до самаго Ярославля, почти ни

[1]) Деревня Хераскова, въ которой онъ жилъ каждое лѣто, называлась Очаково и находилась недалеко отъ Москвы, по Можайской дорогѣ.

слова не говоря, и не ѣла, а все лежала. И меня и привезли больную на барку, гдѣ я двѣ недѣли лежала. Мужъ мой показывалъ все свое вниманіе и уваженіе ко мнѣ и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ нерѣдко и плакалъ, говоря: „Видно, я сотворенъ для твоего несчастія! Ты, кромѣ огорченія, еще ничего отъ меня не видѣла: я умѣлъ у тебя все любезное отнять, а дать ничего не могу. Но вѣришь ли ты, что я тебя люблю, и что ты для меня драгоцѣнна?“ Я вздохнула и сказала: „До сихъ поръ еще я не видѣла, мой другъ, этого, а что будетъ впредь,—не знаю. Только прошу тебя вспомнить, что я теперь безъ благодѣтелей, безъ брата, безъ друзей,— то дай самъ мнѣ все найти въ тебѣ! Вотъ мое благо; тогда бы я все въ мірѣ забыла и жила бы для одного тебя!“ Онъ заплакалъ и сказалъ: „Будетъ, мой милый другъ, это ты увидишь, только не грусти! Твое спокойствіе мнѣ дорого становится, и я тебя истинно люблю!“—„Дай Богъ, чтобъ все это совершилось, и я бы была счастливое твореніе!“ Наконецъ, я выздоровѣла. Ѣхавшіе съ нами камериръ и кассиръ съ женами, которые меня сердечно полюбили, и старались меня всячески утѣшать... Наконецъ, грусть моя стала проходить. Мужъ мой сталъ очень ласковъ ко мнѣ и дѣлалъ мнѣ все угодное, что только отъ него зависѣло. И я такъ обнадѣялась на свое благополучіе, что ни объ чемъ больше не думала, какъ дѣлать моему мужу угодное, и старалась не поминать ни объ чемъ непріятномъ и прошедшемъ.

Итакъ, вся наша дорога кончилась въ совершенномъ спокойствіи. Наконецъ, мы пріѣхали въ Иркутскъ [1]); отвели намъ квартиру довольно порядочную. На третій день нашего пріѣзду, сдѣлалъ мнѣ визитъ губернаторъ [2]), вице-губернаторъ [3])

---

[1]) Августъ-сентябрь 1779 года.

[2]) Это былъ генералъ-майоръ Францъ Николаевичъ Кличка, занимавшій должность Иркутскаго губернатора съ 24-го сентября 1778 до 1783 г., когда былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Калужскимъ и Орловскимъ; умеръ онъ въ Орлѣ 28-го октября 1786 года въ чинѣ генералъ-поручика. О немъ см. „Русскій Біографическій Словарь“, С.-Пб. 1897, стр. 742.

[3]) Съ 22-го сентября 1778 по 1783 г. Иркутскимъ вице-губернаторомъ былъ бригадиръ (съ 24-го ноября 1780 г. генералъ-майоръ) Александръ Юрьевичъ фонъ-Цедельманъ (род. въ 1723, ум. 5-го октября 1793 г.), съ 1787 года проживавшій въ пожалованномъ ему имѣніи въ Эстляндской губерніи („Русскій Біографическій Словарь“, С.-Пб. 1901, стр. 466).

съ женою и обласкали меня чрезвычайно; и всѣ тамошніе дамы и кавалеры начали пріѣзжать. Побывавши у меня, на другой день, губернаторъ прислалъ карету съ лошадьми, пока мы не заведемъ своихъ; купечество прислали все нужное для дому, повѣренные — водки и винъ, двѣ коровы и даже сѣна и розныхъ домашнихъ птицъ; и я ничего не покупала. Наконецъ, я поѣхала съ визитами, и меня вездѣ принимали какъ-бы принцессу какую, и очень меня всѣ полюбили, особливо домъ губернатора и вице-губернатора, — и самолюбію моему очень было пріятно. Мужа моего чрезвычайно полюбилъ губернаторъ, и я, казалось, начала блаженствовать... Но не долго продолжалось мое спокойствіе...

Живши мѣсяца четыре, я занемогла, и мужъ мой легъ спать на канапе. Ночью, такъ какъ отъ болѣзни сна у меня не было, и я лежала молча, опасаясь обезпокоить мужа моего,—вижу, что онъ встаетъ очень тихо и подходитъ ко мнѣ, спрашиваетъ, сплю ли я? Но я не отвѣчала ему, и онъ, увѣрившись, что я сплю, пошелъ въ другую комнату, гдѣ спала дѣвка,—и я увидѣла всѣ мерзости, которыя онъ съ ней дѣлалъ! Сердце у меня кровью облилось, и я увидѣла свое несчастіе и считала худшимъ, нежели было, потому что дома онъ никогда не имѣлъ дѣвки. Поутру подали мнѣ чай, и мужъ мой услуживалъ мнѣ очень, но, видя, что я очень невесела и насилу удерживаю слезы, началъ спрашивать, кто меня огорчилъ и что со мною сдѣлалось? Я отвѣчала, что у меня сильная боль въ головѣ, но, кажется, онъ догадывался и примѣчалъ, не знаю ли я чего. Матери моей я сказать боялась — не знала, вынесетъ ли она по слабости своей. Итакъ, рѣшилась терпѣть и молчать... Лѣкарь, пріѣхавши, удивился, нашедши меня хуже, нежели я наканунѣ была, и сказалъ: „Что съ нею сдѣлалось? У ней кровь въ сильномъ волненіи, и ей сію минуту надо пустить кровь!“ Мужъ мой испугался, матушка чрезвычайно потревожилась. И такъ пустили мнѣ кровь. Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ губернаторъ и, увидя меня, сказалъ: „Не отъ духа ли ваша болѣзнь происходитъ? Нѣтъ ли горести въ сердцѣ вашемъ? Я на лицѣ вижу не болѣзнь, а скорбь. Откровенности отъ васъ требовать не смѣю, потому что вы меня еще коротко не знаете, но желалъ бы я доказать вамъ, сколько я васъ люблю и почитаю, и сколько я беру участія

во всемъ, касающемся до васъ! Узнайте меня короче и будьте искренны; требуйте отъ меня всего того, что вамъ угодно!"— „Я ни въ чемъ не имѣю нужды, кромѣ совѣтовъ добрыхъ, и чтобъ вы были моимъ наставникомъ и благодѣтелемъ; не откажите мнѣ въ семъ моемъ покорномъ прошеніи: я до сихъ поръ не жила безъ друга и путеводителя,—но я теперь съ вами говорить не могу"... Была у насъ дѣвочка десяти лѣтъ, которая служила матушкѣ: водила ее и подавала, что должно: онъ и до этой дѣвочки добрался. Меня не было дома. Онъ ее заманилъ въ спальну, заперся, однако боялся, чтобъ крыкъ не привелъ кого-нибудь къ нему... Дѣвочка сама все сказала своей теткѣ... Тетка ея мнѣ сказала. Что мнѣ было дѣлать и чѣмъ помочь? Я была одна, открыть кому я могла такія ужасныя и безбожныя дѣла? Въ самое это время пришелъ мужъ мой изъ Банку,—и такъ разговоръ кончился. Послѣ я думала: „Какъ я открою стыдъ мужа моего, и помогутъ ли мнѣ въ томъ несчастіи, которое я должна сносить? Нѣтъ помощника, кромѣ Создателя моего! буду Его просить, Онъ меня не оставитъ!" И мнѣ гораздо сдѣлалось отраднѣе. На третій день я встала съ постели, и мужъ мой былъ, повидимому, очень радъ и просилъ нашихъ камерира и кассира, чтобъ ихъ жены меня посѣщали. Они меня очень любили и никогда меня не оставляли; ихъ любви я никогда не забуду. Нельзя было отъ нихъ укрыться, хотя я имъ и не говорила никогда ничего, но, бывши всякій день вмѣстѣ, сами примѣчали. Одинъ разъ были мы на покосѣ, гдѣ недѣлю пробыли. Тутъ они многое увидѣли, какъ онъ ходилъ къ дѣвкамъ и всякія мерзости дѣлалъ и никому не спускалъ—ни бабамъ, ни дѣвкамъ, которыя его часто толкали и называли самыми непріятными именами; но ему не стыдно было; только всегда запрещалъ имъ мнѣ сказывать и грозилъ ихъ высѣчь плетьми. Вся моя была отрада въ слезахъ... Матушка потеряла зрѣніе и сдѣлалась очень слаба, то я и не могла съ ней дѣлить мои горести.

Въ самое это время губернаторъ отправилъ насъ въ Нерчинскъ [1]) въ разсужденіи смерти тамошняго начальника [2]),

---

[1]) Въ началѣ 1780 года.

[2]) Іона Венедиктовичъ Аршеневскій (род. въ 1727 г.), начавшій службу въ 1742 г. лакеемъ Высоч. двора, въ 1748 г. получившій чинъ поручика

чтобъ не остановилась плавка серебра. Мужъ мой хотѣлъ меня оставить, но я не захотѣла и поѣхала съ нимъ, оставивши матушку и весь домъ, и препоручили нашему благодѣтельному губернатору.

Пріѣхавши туды, вступилъ онъ въ должность, а я стала заниматься хозяйствомъ. И съ самого моего пріѣзду я увидѣла всѣхъ служащихъ при домѣ безъ ноздрей и съ клеймами. Сердце у меня замерло, и я въ великомъ была страхѣ; особливо я одного очень боялась, называемаго Феклистомъ, у котораго звѣрское лицо и видъ ужасный, а онъ всякій день входилъ въ комнаты топить печки. Въ одно утро я лежала еще на постели и слышу, что кто-то вошелъ въ комнату. Я тихонько встала и посмотрѣла черезъ ширмы, которыми была заставлена кровать наша, и, увидя этого страшнаго Феклиста, не помню, какъ упала въ постелю и дожидалась, когда онъ придетъ меня убить, но вошла моя женщина и сказала, что поданъ самоваръ. Я встала и послала за полицеймейстеромъ и просила его избавить меня сего страшнаго человѣка. Онъ меня увѣрялъ, что это самый лучшій человѣкъ изъ несчастныхъ. „Узнаете его короче,— вы его полюбите, а у меня нѣтъ лучше его и къ такой должности не могу никого, кромѣ его опредѣлить. Будьте спокойны: я за него вамъ отвѣчаю!“ Я послѣ этого сдѣлалась поспокойнѣе, но не могла все-таки безъ страха на него смотрѣть. Узнала я многихъ несчастныхъ и изъ благородныхъ, которымъ старалась всевозможныя показывать ласки. Тутъ во мнѣ снова родились чувства и наставленія моей матери, и живо представились всѣ ея добрыя дѣла и дружеское обхожденіе съ несчастными, въ которыхъ и меня дѣлала участницей,—и съ радостнымъ сердцемъ предприняла, сколько возможно, облегчать ихъ участь: помогать имъ и стараться ихъ любить. Съ сими мыслями я вышла въ сѣни которыя вели во дворъ, гдѣ встрѣтила Феклиста и опять испугалась. Онъ меня остановилъ и съ робостью просилъ выслушать. Я остановилась и спросила: „Что тебѣ надобно!“ Онъ упалъ мнѣ въ ноги. „Я вижу, что вы меня боитесь;

а въ 1773—бригадира, 27-го января 1777 г. былъ назначенъ командиромъ Нерчинскихъ заводовъ; умеръ 19-го декабря 1779 года. (Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская Родословная книга, т. I, С.-Пб. 1895, стр. 26—27).

иначе—нельзя: печать злодѣйствъ моихъ осталась на страшномъ моемъ лицѣ, но меня убиваетъ то, что вы меня не любите. Знаю, что нельзя любить, но хоть терпите и не меня бойтесь. Меня Христосъ Спаситель простилъ; я смѣю потому думать, что дано мнѣ сердце новое, а не то звѣрское, которое я прежде имѣлъ". Я обняла его и сказала: „Я тебѣ даю мое слово, что буду стараться не только терпѣть, но и любить тебя",—и опредѣлила его смотрѣть за птицами, чтобъ мнѣ съ нимъ чаще быть. И вскорѣ послѣ этого вдругъ приходятъ и сказываютъ, что Феклистъ умираетъ, упалъ на дворѣ. Я пошла и увидѣла его безо всякихъ чувствъ; велѣла его внести къ себѣ въ комнату, послали за лѣкаремъ и пустили кровь. И какъ онъ пришелъ въ чувство, то осмотрѣлся вокругъ себя, и увидя, что лежитъ у меня въ комнатѣ, сказалъ: „Теперь я вижу что вы меня начинаете любить". Я спросила, что ему сдѣлалось?—„Вы не знаете еще моихъ злодѣяніевъ. Я былъ разбойникъ и ходилъ по Волгѣ 17 лѣтъ. Первое было мое удовольствіе—рѣзать себѣ подобныхъ и оставлять имъ нѣсколько жизни,—и ихъ мучительное трепетаніе дѣлало мнѣ радость. Сегодня я отдалъ повару цыплятъ для стола, и, идя по двору, нечаянно взглянулъ на крыльцо у кухни и увидѣлъ заколотыхъ цыплятъ,—и они трепещутъ. Я, вспомня свое злодѣйство, вся кровь во мнѣ остановилась и я больше ничего не помню. Вотъ, моя благодѣтельница, теперь тебѣ извѣстны мои злодѣйствы и причина моей болѣзни!" И я запретила, чтобъ остерегаться дѣлать все, то, что можетъ ему привести на память первую его жизнь, и съ тѣхъ самыхъ поръ онъ былъ моимъ любимцемъ,—да и стоилъ того: весь домъ порученъ былъ ему, и когда мы уѣзжали куды, то и комнаты ему же поручались. Онъ часто доставлялъ мнѣ случаи дѣлать добро несчастнымъ, ходатайствуя за нихъ и объявляя ихъ нужды, и я была счастлива, что исполняла опять волю матери моей: посѣщала больныхъ, чѣмъ могла награждала бѣдныхъ, несчастныхъ посѣщала въ ихъ жилищахъ [1]).

---

[1]) Разсказу объ этомъ Феклистѣ, который былъ взятъ А. Е. Карамышевой въ Иркутскъ и жилъ у нея въ качествѣ садовника, она посвятила (въ 1817 г.) особый очеркъ, предназначавшійся для помѣщенія въ „Сіонистскій Вѣстникъ" и находящійся у насъ; ему предпослана замѣтка „Взглядъ на Сибирь", писанная, вѣроятно, А. Ѳ. Лабзинымъ.

Тамъ нѣтъ тюрьмы и всѣ ходятъ по волѣ и живутъ другіе своими домами. Одинъ разъ я ходила гулять съ двумя моими пріятельницами и очень устали—и зашла къ несчастному, который былъ изъ благородныхъ, Жилинъ [1]). Пришедши къ нему, сказала: „Я пришла къ вамъ отдохнуть и напиться чаю“... Онъ такъ былъ симъ моимъ посѣщеніемъ тронутъ, что зашатался и упалъ. Я ничего не понимала, отчего съ нимъ сіе сдѣлалось; бросились всѣ ему помогать; наконецъ, онъ опомнился, и мы его посадили. Я спросила, что онъ чувствуетъ, и не надо ли послать за лѣкаремъ, и отчего сдѣлалась такая дурнота? Онъ отвѣчалъ: „Отъ радости сильной и чувства благодарности. Могъ ли я ожидать въ моемъ несчастномъ положеніи такого милостиваго посѣщенія? Ты—ангелъ, принесшій мнѣ радость и миръ въ сердце мое, въ шестнадцать лѣтъ въ первый разъ! Я вижу посѣщеніе жены начальника моего и вижу, что и онъ меня не призираетъ. Да наградитъ васъ Творецъ всѣми дарами!“ Я стыдилась слушать такую благодарность и сказала: „Вы говорите, что рады моему приходу, а чаю мнѣ не даете, а я очень пить хочу!“ Онъ сидѣлъ весь въ слезахъ... Итакъ, мы напились чаю. Я, прощавшись съ нимъ, пригласила его на другой день къ себѣ отобѣдать, и съ тѣхъ поръ онъ очень часто бывалъ у меня и хаживалъ гулять со мной. И я радовалась, что доставляла ему спокойствіе хоть на нѣсколько времени. Вотъ какъ мало стоитъ въ тѣхъ мѣстахъ начальнику дѣлать несчастныхъ счастливыми! Одинъ разъ онъ, сидя у меня, сказалъ: „Вы столько добры и милостивы, что я осмѣливаюсь васъ просить: не можете ли вы увеличить еще ваши благодѣянія и спросить у супруга вашего? Есть одинъ несчастный мой товарищъ, за триста верстъ живущій, сосланный по одному дѣлу со мной, котораго я съ самаго несчастія не видалъ,—то не позволено ли мнѣ будетъ съ нимъ увидѣться на нѣсколько времени? Пусть бы онъ узналъ моихъ милостивыхъ благодѣтелей и увидѣлъ, что и въ несчастіи человѣкъ можетъ наслаждаться счастіемъ!“ Я не могла ему сего обѣщать, а только взялась поговорить съ моимъ мужемъ, можно ли сіе сдѣлать? И нашедши слу-

[1]) Никита Евдокимовичъ; о немъ см. въ Полн. Собр. Зак., т. XV, и изданныя нами Воспоминанія Т. П. Калашникова („Русск. Арх.“ 1904 г., кн. III, стр. 168). Онъ былъ сосланъ въ 1769 году за участіе въ заговорѣ противъ Имп. Екатерины II.

чай, когда онъ былъ хорошо расположенъ, просила его; и онъ подъ видомъ осмотру заводовъ поѣхалъ въ городъ Нерчинскъ, и я съ нимъ, и Жилина онъ взялъ съ собою. Пріѣхавши въ городъ, Александръ Матвѣевичъ послалъ за Озеровымъ [1]), который тотчасъ и явился. И какое было свиданіе горестное сихъ двухъ несчастныхъ! Сколько слезъ было пролито! И они оба упали въ ноги къ мужу моему и мнѣ, называли отцемъ и благодѣтелемъ... Итакъ мы цѣлую недѣлю прожили. И Озеровъ воспитанъ очень хорошо: на розныхъ инструментахъ игралъ, пѣлъ, въ обхожденіи любезенъ. Поѣхавши, мы Озерова взяли съ собой подъ видомъ излѣченія болѣзни: у насъ въ городѣ лѣкарь былъ очень хорошій. Итакъ онъ жилъ семь мѣсяцевъ съ нами и уѣхалъ тогда, когда намъ ужъ надо было выѣхать.

Узнавши они всѣ о нашемъ отъѣздѣ [2]), въ такое пришли уныніе, что я видѣть ихъ не могла безъ сердечнаго чувства скорбнаго. Я же скажу: сколько я тамъ была нелестно всѣми любима, это доказали они всѣ мнѣ. При моемъ отъѣздѣ цѣлыя двѣ недѣли безвыходно всѣ у меня были, особливо несчастные, руки мои обмывали слезами, и я искренно съ ними плакала и жалѣла ихъ. Я точно ихъ считала самыми ближайшими къ сердцу моему, и эти полтора года, проведенные мною въ Нерчинскѣ, никогда не возвратятся. Всякій день Богъ подавалъ мнѣ случай дѣлать добро для ближнихъ; я всѣ приказанія матери моей тутъ выполнила: страждущихъ и больныхъ посѣщала всякій день, лѣчила. Даже мнѣ были случаи въ отдаленности дѣлать добро: узнававши черезъ несчастныхъ, ѣзжала и по деревнямъ дѣлать вспоможеніе. Ахъ, какъ сердце мое тогда было спокойно! Совѣсть моя ничѣмъ меня не упрекала, мыслей даже дурныхъ никогда не имѣла, и меня меньше трогали поступки мужа моего постыдные, дѣланные противъ меня. Я веселилась тѣмъ, что онъ меня ничѣмъ упрекнуть не можетъ, и я противъ него не была виновата, даже не обличала его въ порокахъ. Я въ Нерчинскѣ тѣмъ была спокойнѣе, что дома не было у меня такихъ женщинъ, къ которымъ бы онъ могъ идти, и я

---

[1]) Николай Иринарховичъ, дядя писателя В. А. Озерова; умеръ 20-го февраля 1790 г. въ ссылкѣ, не доживъ до амнистіи Павла I; о немъ см. въ изслѣдованіи А. А. Сиверса: „Родословіе Озеровыхъ“, С.-Пб. 1911.

[2]) Въ первой половинѣ 1781 г.

этого не боялась, чтобъ онъ могъ пристраститься къ одной: ему все равно было: красавица ли, или безобразная, лишь бы была женщина.

Наконецъ, мы собрались ѣхать обратно въ Иркутскъ, и въ который день поѣхали мы изъ Нерчинска, тотъ день для меня будетъ памятенъ по смерть мою. Всѣ несчастные собрались къ нашему дому, а многіе и ночевали у насъ, а благородные и не спали, и я цѣлую ночь съ ними просидѣла. Разговоровъ было очень мало, но стоны только были слышны. Въ пять часовъ поутру привели лошадей, и какъ начали закладывать, то сдѣлался глухой шумъ и стонъ. Заложили лошадей, и мы стали прощаться. Тутъ ужъ они не могли удержать своего рыданія, бросились всѣ въ ноги и закрычали: „Простите, наши благодѣтели, осиротѣли мы, несчастные, и участь наша опять станетъ насъ тяготить и облегчить нашей горести будетъ некому! Богъ да наградитъ васъ и благословитъ за насъ, несчастныхъ!“ И такъ, распрощавшись, поѣхали; они всѣ за нами бѣжали съ воемъ и крикомъ, въ отчаяніи. Полицеймейстеръ хотѣлъ ихъ гнать,—они всѣ закрычали: „На этотъ разъ убей насъ, но мы не послушаемся! Знаешь, что мы теряемъ и чего лишаемся? Отца и матери!“ Мы остановились, и Александръ Матвѣевичъ сталъ ихъ уговаривать: „Друзья мои, вы также будете счастливы и спокойны, какъ и при мнѣ. Начальникъ у васъ добрый: онъ васъ будетъ беречь. Я его просилъ объ васъ, только будьте таковы, каковы были при мнѣ!“—„Мы давно таковы, но намъ все было худо! Мы до тебя были голодны, наги и босы и многіе умирали отъ стужи! Ты насъ одѣлъ, обулъ, даже работы наши облегчалъ по силамъ нашимъ, больныхъ лѣчилъ, завелъ для насъ огороды, заготовлялъ годовую для насъ пищу, и мы не хуже ѣли другихъ. И мы знаемъ, что ты много твоего издерживалъ для насъ и выѣзжаешь не съ богатствомъ, а съ долгами,—но Богъ тебя не оставитъ! Ты это въ долгъ давалъ и тебѣ вдесятеро возвратитъ Отецъ Небесный! То какъ же хотѣть, чтобъ мы не рыдали? Позвольте намъ проводить себя до горы!“ (разстояніемъ 18 верстъ). И никто не могъ остановить, и Александръ Матвѣевичъ выпросилъ для нихъ это удовольствіе, и мы ѣхали шагомъ, а они всѣ, повѣся голову, шли пѣшкомъ. Какъ доѣхали до горы, тутъ остановились, и я не могу описать того отчаянія и горести, которое

я въ нихъ видѣла. И съ страшнымъ стономъ пошли назадъ, и эхо повторяло ихъ стоны... Я истинно не помню, какъ я съ ними разставалась ужъ въ послѣднюю минуту, и мужъ мой горько плакалъ. Въ немъ много было добраго, и эта добродѣтель въ немъ велика была, чтобъ дѣлиться съ бѣдными. Случалось такъ, что и у себя не оставитъ, а послѣднее отдастъ! Ему, конечно вмѣнится сія добродѣтель во что-нибудь и покроетъ другія его дѣла...

Ѣхавши дорогой, было время самое пріятное,—весной [1]); мѣстоположенія были живописныя: горы, наполненныя цвѣтами душистыми и персиками, яблонями; изъ горъ били ключи и между цвѣтовъ протекали по долинамъ. Я, смотря, воспоминала тѣ виды, подобные симъ, въ самомъ Нерчинскѣ, гдѣ съ пріятностію сиживала на горахъ, при восходѣ солнца, когда оно бросало лучи свои на блестящія капли росы, и всѣ цвѣты, подымая свои головки, испускали благовоніе. Сердце мое въ тишинѣ радовалось, нерѣдко и слезы лились, хотя я и не знала еще тогда познанія натуры и не находила или не умѣла находить и видѣть Творца въ твореніи, но внутренная радость и тогда меня услаждала и усмиряла чувствы мои; и я въ такомъ мирѣ приходила домой, что, кажется, никакая досада тогда не могла меня растрогать; всѣ тогда матери моей наставленія и слова живо возродились въ моей памяти, и я часто говаривала такъ, какъ будто бъ она слышала меня: „Вотъ, почтенная моя родительница, дочь твоя исполняетъ теперь твои завѣщанія! Ты, конечно, слышишь и видишь; ежели это возможно,—то ты радуешься. Долго твои наставленія во мнѣ погребены и недѣйствительны, и, ежели выѣду отсюды, можетъ быть опять тоже будетъ. Я здѣсь совсѣмъ безъ путеводителя, но пусть духъ твой будетъ моимъ хранителемъ!“

И такъ, мы пріѣхали въ Иркутскъ. Губернаторъ [2]) былъ очень радъ нашему пріѣзду, и, смотря на меня, сказалъ:

— „Мнѣ кажется, тамошній воздухъ болѣе на васъ имѣлъ благотворное свое дѣйствіе, нежели здѣсь. Вы совсѣмъ перемѣнились: я вижу спокойствіе на лицѣ вашемъ. Я этого ожидалъ,—меня увѣдомляли о вашей тамошней жизни; я все знаю, какъ вы жили и чѣмъ вы занимались“.

---

[1]) 1781 г.

[2]) Ф. Н. Кличка.

Я сказала:—„Ежели вы все знаете,—то кто жъ мнѣ доставилъ тамошнюю мирную жизнь, какъ не вы, то я и отношу всю мою перемѣну къ вамъ, моему почтенному благодѣтелю. Одного только жалѣю, что я не могла жить тамъ до конца дней моихъ: я бъ могла всякій день видѣть новыя радости".

— Не скорбите: вы и здѣсь можете быть счастливы и наслаждаться пріятностями жизни. Примите меня въ друзья ваши и не откажите въ семъ для меня пріятномъ названіи!

— Я должна сего испрашивать у васъ, а не вы у меня!

— И такъ, дайте руку, что ваше сердце будетъ открыто вашему другу, и ваши тайны будутъ заключены въ моемъ сердце!

Я заплакала и сказала: „Будьте не только другомъ, но и отцомъ; мнѣ нужны ваши совѣты и наставленія!"

И такъ, мы начали опять нашу жизнь по-прежнему; мать оставалась въ Иркутскѣ и была очень рада нашему пріѣзду. „Спокойно ли ты, мой другъ, тамъ жила?" Я ей все разсказала, и она благодарила Бога, что хоть это короткое время я нашла для сердца своего пищу и удовольствіе. „Но я предвижу, что здѣсь опять твои страданія начнутся; но прошу тебя, какъ другъ: тебѣ ужъ двадцать второй годъ, и я могу съ тобой говорить. Скрывай, моя любезная, что ты знаешь худое поведеніе мужа твоего,—это одно только можетъ его остановить, чтобъ все дѣлать явно, и по поведенію твоему будетъ бояться обнаружить свои дѣла. Знаю, что тебѣ горько и несносно, но молись Ходатаю нашему Іисусу Христу, чтобъ Онъ песлалъ тебѣ свою помощь и терпѣніе. Онъ тебя не оставитъ и наградитъ тебя за твое терпѣніе великими дарами!"

Мужъ мой принялся опять за свои старыя дѣла, и такъ какъ у насъ была квартера очень тѣсна, — двѣ комнаты и на другой половинѣ у матушки двѣ комнаты,—то ему много мѣшало исполнять свои похоти, и въ разсужденіи сего, онъ меня часто посылалъ со двора подъ видомъ, чтобъ не пріѣхали ко мнѣ гости и ему не помѣшали въ его упражненіи. И я всегда ему повиновалась, а ежели не послушаюсь его, то чрезвычайно былъ сердитъ; то, избѣгая всего, я уѣзжала, и всѣ мои выѣзды были больше къ губернатору, а ужъ ежели мнѣ бывало очень горько, то я уѣзжала къ нашей секретаршѣ, которая жила за городомъ. И тамъ, сидя на берегу, давала вольное теченіе слезамъ, и она со мной плакала, зная

всю мою жизнь, не отъ меня, но отъ людей. И опять черезъ нѣсколько времени духъ мой пришелъ въ уныніе, и ничто меня не веселило, хотя я и показывала наружно, что я весела. Но иной разъ, забывши, вздохи мои открывали состояніе души моей.

Одинъ разъ, бывши я у губернатора, онъ сказалъ мнѣ: „Я жалѣю, что вы тѣсно живете; вамъ бы надо свой домъ имѣть; отъ меня недалеко продаютъ домъ за триста рублей: онъ ветхъ очень, но мѣсто хорошо и велико, то вы могли бы выстроить".

— Конешно бъ, это было хорошо, но мы не въ состояніи сего сдѣлать.

На другой день былъ домъ купленъ на мое имя и приказано было ломать и возить бревна, и планъ былъ сдѣланъ. Я столько была симъ тронута, что не было словъ, но слезы мои изъявляли мою благодарность. На закладкѣ самъ былъ нашъ благодѣтель и велѣлъ и садъ развесть, и это все шло вмѣстѣ—и строеніе дому, и саду; и всякій день самъ ходилъ, надсматривалъ надъ работой. И такъ, я зимой была съ домомъ, и что было надо въ домъ,—все нашла, и благодѣтель нашъ у насъ обѣдалъ на новосельѣ; и въ домѣ были для меня двѣ комнаты: одна—диванная, а другая — самая уединенная, и убраны съ самымъ лучшимъ вкусомъ: не богато, но просто и чисто. Онъ привелъ меня въ эти комнаты и сказалъ:

— Вотъ, мой другъ, собственно для тебя. Ежели могутъ сіи комнаты тебѣ въ смутные часы твоей жизни хоть сколько-нибудь дать спокойствія, то я ужъ заплаченъ отъ тебя буду. Вотъ и распятый Іисусъ, котораго проси помощи и успокоенія. Онъ тебя не оставитъ, только ты Его не оставляй!

И я, оставшись одна, первое было мое чувство—идти въ мои комнаты и упасть передъ распятіемъ и благодарить, что Онъ опять мнѣ далъ отца и друга, въ которомъ я найду моего путеводителя и наставника. Мужъ мой, увидя меня въ слезахъ, спросилъ: „Что тебѣ сдѣлалось?" — „Не оскорбляйся, мой другъ: ты видишь слезы благодарности къ Спасителю моему и къ нашему благодѣтелю!" Онъ самъ заплакалъ и сказалъ: „Чѣмъ мы заплотимъ за толикія милости?"—„Другъ мой! Богъ не требуетъ отъ насъ больше ничего, какъ чистоты сердецъ нашихъ и преданія себя въ волю Его, и чтобъ мы жили въ

чистой супружеской любви и прославляли бъ Его милосердіе жизнію нашею и поведеніемъ и чистою любовію къ Нему: Онъ не требуетъ словъ, но смотритъ на дѣла наши; а благодѣтелю нашему будемъ стараться всячески показывать дѣтскую любовь и благодарность, и будемъ къ нему искренны. Особливо мнѣ надо хвалить Господа моего: у меня опять есть отецъ, которому я могу открывать всѣ чувства мои, и, конешно, мое сердце будетъ ему открыто!“ Мужъ мой, все сидя, плакалъ; вставши, очень тяжело вздохнулъ и сказалъ: „Твое сердце можетъ открыто быть,—оно чисто, а я не могу: мнѣ надо скрывать, что въ немъ происходитъ!“ Обнялъ меня и ушелъ спать.

Поутру мы пошли оба къ нашему благодѣтелю благодарить его. Я, вошедши къ нему въ кабинетъ, хотѣла благодарить, но рыданіе прервало слова мои. Онъ всталъ, обнялъ меня и назвалъ самымъ пріятнымъ именемъ: „Дочь моя и другъ мой! Сколько сердце мое желаетъ тебѣ добра и спокойствія, это видитъ мой Спаситель. Твое спокойствіе тѣсно сопряжено съ собственнымъ моимъ спокойствіемъ; сердце мое открыто для тебя, пусть и твое будетъ таково! Ежели я буду столько счастливъ, что ты будешь во мнѣ видѣть друга и отца и будешь открывать мнѣ твое сердце,—я буду сколько можно облегчать грусть твою и раздѣлять съ тобою; и совѣты мои будутъ тебѣ, можетъ быть, полезны!“ Оборотясь къ мужу моему, сказалъ: „Ты, мой другъ, также для меня дорогъ, и я увѣренъ, что ты меня любишь. Отъ тебя требую, чтобъ ты со мной былъ всякій день. Я не думаю, чтобъ жена твоя была недовольна тѣмъ, что ты часто будешь ее оставлять одну. Я въ ней увѣренъ, что она не будетъ въ скукѣ, потому что у ней есть занятія. А ежели ей будетъ когда скушно, то и она можетъ съ нами дѣлить время. Ее же ваши подчиненные очень любятъ,—это я знаю,—то она одна не будетъ,—они ея не оставятъ. Да, она столько счастлива, что всѣ ей радуются и хотятъ съ ней быть, только бъ она захотѣла“.

И такъ, мы начали жить въ новомъ своемъ жилищѣ, но не было у меня спокойствія. Мужъ мой, часъ-отъ-часу дѣлался хуже въ своемъ поведеніи, но я ему ничего никогда не говорила. Мать моя была ужъ слѣпа, то я старалась и отъ нея скрыть, но она часто слыхала, что я плачу, и спрашивала меня: „Что тебѣ, мой другъ, сдѣлалось, что ты всегда

плачешь; хоть я не вижу, но слышу и по ночамъ слезы твои; скорбитъ сердце мое, но помочь тебѣ не могу. Бывши съ глазами, я могла тебя спасать отъ многаго, но теперь сама насилу таскаюсь. Молись Господу и не отчаивайся: Онъ тебя не оставитъ. Ты, можетъ быть сими жестокими опытами приготовляешься къ чему-нибудь важному, только умѣй все сіе вытерпѣть съ покорностью!“ И послѣ сего разговору скоро очень сдѣлался съ ней ударъ, и въ сутки скончалась [1]). И я съ ней потеряла послѣднюю мою отраду и спокойствіе. Мужъ мой чрезвычайно плакалъ, а я о себѣ ужъ и говорить не могу: я точно была, какъ помѣшанная. Всѣ шесть недѣль мужъ мой грустилъ очень, послѣ началъ забывать и отъ скуки, еще въ немъ остававшейся, препровождалъ время съ дѣвками, сказывавшись благодѣтелю своему больнымъ. А я часто ухаживала къ моему доброму отцу, но не могла всего того сказать, что онъ дѣлалъ,— стыдъ мнѣ запрещалъ, но онъ зналъ отъ постороннихъ людей еще больше, нежели я думала. Сколько разъ говаривалъ ему, но онъ отвѣчалъ, что: „Я ее очень люблю, и она жаловаться на меня не можетъ“, и мнѣ очень много доставалось самыхъ грубыхъ выговоровъ. Сколько я ни увѣряла его, что я никогда и никому объ немъ здѣсь не говорю, но онъ не вѣрилъ, и, наконецъ, всѣ знали мою жизнь и, кромѣ сожалѣнія, ничѣмъ мнѣ помочь не могли. Но я истинно никогда не жаловалась никому, потому что помочь мнѣ никто не могъ, а старалась еще скрыть и быть сколько можно веселѣе, зная, что горестная физіономія не можетъ никому быть пріятна, и я боялась, чтобъ мной скучать не стали; только изливала мою горесть отцу моему и благодѣтелю, и то рѣдко, когда не могу ужъ и лицо показать веселое, невольно вырываются вздохи и слезы выступаютъ на глаза, — тогда только складывала съ сердца моего тягость гнетущей меня горести. Но, что онъ могъ мнѣ сдѣлать, какую подать помощь страждущей, кромѣ сожалѣнія обо мнѣ? и часто плакалъ со мной, уговаривалъ терпѣть и повиноваться волѣ Божіей: „Не мудрено, мой другъ, любить добраго мужа, но умѣй любить и уважать такого, каковъ у тебя. Терпѣніе твое не останется безъ награжденія,—молись Іисусу распя-

[1]) 1781—1782 г.

тому, чтобъ Онъ сохранилъ тебя отъ всѣхъ искушеній. Не повѣряй тайны сердца твоего мужчинѣ, который можетъ симъ случаемъ воспользоваться. Ежели кто осмѣлится при тебѣ говорить дурно о твоемъ мужѣ, то запрети и вступись за него, и покажи, что ты ничему не вѣришь, что объ немъ говорятъ; самымъ этимъ ты заслужишь къ себѣ уваженіе и остановишь самаго дерзкаго мужчину сдѣлать тебѣ малѣйшій видъ неблагопристойности". Мужъ мой не могъ меня ничѣмъ укорить,—мое поведеніе и невинность защищали меня. Наконецъ, онъ сталъ со мной гораздо ласковѣе обходиться, и продолжалось сіе довольно долго. Сдѣлался онъ нездоровъ; я одна сидѣла съ нимъ вечеромъ; онъ очень показался мнѣ горекъ, я спросила у него:

— „Что тебя безпокоитъ: болѣзнь твоя или что-нибудь другое?"

— „Я становлюсь слабъ; дѣтей у насъ нѣтъ; деревнишка, которая у меня есть [1]),—мои родные у тебя возьмутъ,—съ чѣмъ ты останешься? Меня это чрезвычайно огорчаетъ!"

— „Поздно, мой другъ, началъ ты объ этомъ мыслить; помочь теперь нечѣмъ. Не безпокойся, я останусь богата и ничуть не бѣдна; совѣсть моя чиста предъ Богомъ и ничѣмъ меня не укоряетъ; противъ тебя—тоже невиновна; любима всѣми не по заслугамъ моимъ,—и это все по милости Даятеля всѣхъ благъ. Имѣю сіи сокровища, чего жъ мнѣ болѣе желать? Онъ меня сохранялъ и защищалъ до самой сей минуты, за что же Онъ меня и впредь не помилуетъ? Только бъ я Его не оставила, а Онъ никогда не оставляетъ тѣхъ, которые къ Нему прибѣгаютъ, а у меня, кромѣ Его—другого помощника нѣтъ!"

Онъ посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой и спросилъ: „Неужто ты считаешь грѣхомъ имѣть, кромѣ меня, другого мужчину, который бы замѣнилъ меня и отъ котораго бъ ты могла имѣть дѣтей? Они бы были для меня любезны, потому-что твои, и это бы самое меня успокоило. Я бъ самъ тебѣ представилъ того человѣка, въ которомъ я могу быть увѣренъ, что онъ сохранитъ сію тайну и твою честь. А о комъ я говорю, я знаю, что онъ тебя любитъ. Неужто ты мнѣ въ этомъ откажешь?"

---

[1]) См. предисловіе.

Я долго молчала, потому что окаменѣла, услышавши, до чего меня хочетъ довести тотъ, который долженъ быть моимъ путеводителемъ и наставникомъ! Наконецъ, я спросила не шутка ли это, которая меня чрезвычайно огорчаетъ? Онъ отвѣчалъ:

„Нѣтъ, мой другъ, это истинное мое желаніе, въ которомъ заключается мое спокойствіе, и ты не должна мнѣ отказывать, а должна повиноваться!“

„Во всемъ, кромѣ этого! Здѣсь границы моего къ тебѣ повиновенія и почтенія! Все, что ты ни дѣлалъ противъ меня— я прощала, но этого простить нельзя! Чѣмъ ты и кѣмъ меня хочешь сдѣлать? Я знаю, что тебѣ больно, для чего ты ничѣмъ меня укорить не можешь,—будь увѣренъ, что я научена до тебя еще быть добродѣтельной, и никакія твои угрозы меня довести до безчестныхъ и мерзкихъ дѣлъ не могутъ! Все можешь мнѣ приказывать, кромѣ сего для тебя же постыднаго предложенія! Я удивляюсь, какъ ты могъ мнѣ говорить о такомъ дѣлѣ, въ которомъ ты, конешно увѣренъ, что я тебя не послушаю!“ Слезы текущія и рыданія прервали голосъ мой...

Онъ сказалъ: „Какъ ты дурачишься! Я думалъ, что ты нонче умнѣе стала. Тебѣ теперь двадцать-два года [1]), то пора бы перестать называть то грѣхомъ и порокомъ, что служитъ къ удовольствію человѣка, — и я увѣренъ, что ежели ты размыслишь хорошенько и узнаешь того человѣка, который тебя страстно любитъ, то, наконецъ, съ удовольствіемъ согласишься!“

„Мнѣ не объ чемъ размышлить: тебѣ отвѣтъ сдѣланъ, а знать того человѣка, о которомъ ты говоришь, не хочу! Удивляетъ меня то, почему ты знаешь о страстной его любви ко мнѣ; ежели онъ самъ тебѣ сказывалъ, то какъ онъ смѣлъ тебѣ говорить о безчестіи той, которая составляетъ часть самого тебя? Но ежели ты самъ далъ поводъ къ сему открытію, то не безчестно ли съ твоей стороны? И за какую ты меня выдаешь? Не думай, чтобъ меня могло сіе замарать; я теперь буду обходиться со всякимъ мужчиной еще осторожнѣе, нежели прежде и увѣрена, что моимъ поведеніемъ самаго дерзкаго мужчину удержу въ границахъ благо-

---

[1]) 1781—1782 г.

пристойности. Ты заставилъ меня сказать тебѣ правду, что я въ тебѣ никогда не имѣла и не надѣялась имѣть ни путеводителя, ни наставника; видно, Господу угодно было, чтобъ мной управляли совсѣмъ посторонніе люди и научали быть добродѣтельной, а отъ тебя, кромѣ разврату, я еще ничего не видала! Ты самъ въ этомъ признаешься! Меня и здѣсь Господь не оставилъ сиротой и далъ мнѣ отца и благодѣтеля, которому все сердце мое открыто, и ежели вы мнѣ еще будете говорить о семъ, то я рѣшусь про васъ сказать все и просить наставленія у благодѣтеля моего, что мнѣ дѣлать въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ!"

Онъ такъ разсердился, что началъ меня ругать и сказалъ:

— „Я то съ тобой сдѣлаю, чего ты никогда не ожидала!"

— Буду все терпѣть, доколѣ будетъ угодно Господу повелѣть, но тѣмъ буду утѣшаться, что я невинна!

Онъ сказалъ: „Вотъ тебѣ срокъ на три дни рѣшить,—или приготовляйся видѣть то, чего еще ты не видала!"

— Какой вамъ угодно положить срокъ,—великъ или малъ,—отвѣтъ будетъ одинъ, и я готова на все, что вы мнѣ обѣщаете, и меня ничто не устрашитъ: я буду знать, за что я терплю, и сіе терпѣніе будетъ еще мнѣ доставлять нѣкоторое удовольствіе,—но я жалѣю объ васъ, будете ли вы спокойны, и не будетъ ли совѣсть васъ укорять, что вы мучите ту, которая хочетъ васъ одного любить, но вы стараетесь сами меня съ собой раздѣлить!

Разговоръ нашъ прерванъ былъ приходомъ его племянника, который пріѣзжалъ закупать для полку сукна и долго у насъ жилъ и съ женою. Всѣ его родные меня очень любили и я имъ тѣмъ же платила, а особливо этотъ племянникъ старался всячески мнѣ угодить. Я старалась быть всегда не одна, чтобъ опять не возобновилась у меня съ мужемъ непріятная матерія.

Прошло недѣли двѣ, какъ племянникъ жену свою отправилъ напередъ въ крѣпость, въ которой ихъ полкъ стоялъ, а самъ на нѣсколько времени остался у насъ. Въ одинъ день мужа моего не было дома, и я сидѣла одна въ своей комнатѣ и въ самыхъ горькихъ размышленіяхъ о моей скорбной жизни, молила Іисуса, Господа моего, чтобъ онъ подалъ мнѣ силы и крѣпость къ перенесенію всего того, что еще мнѣ предстоитъ. Вдругъ отворяются двери и входитъ его

племянникъ и, увидя меня въ слезахъ, сказалъ: „Долго ли вамъ, милая тетушка, плакать? Будьте веселы; я знаю вашу жизнь и ваше терпѣніе. Пусть онъ васъ не любитъ,—есть такіе люди, которые васъ обожаютъ и лучше умѣютъ цѣнить, но вы не примѣчаете или не хотите примѣчать. Вамъ только стоитъ сказать слово, то все будетъ исполнено!“ Я никакъ не могла понять, что онъ хочетъ сказать, и просила его, чтобъ онъ яснѣе говорилъ. Онъ началъ прямо изъясняться въ своей страсти. Я горько заплакала и сказала: „Господи мой и Боже! Всѣ на меня возстали,—защити меня! Могла ли я ожидать такого безчестнаго предложенія—и отъ кого—отъ того, который видитъ мое поведеніе и знаетъ, сколь мнѣ дорога чистота души моей? Почему вы вздумали и осмѣлились мнѣ сказать, что мужъ мой меня не любитъ? Кто вамъ это сказалъ? Ежели вы скажете, что изъ обхожденія его со мной это примѣтили,—то вы солжете: его со мной обхожденіе самое лучшее, котораго по наружности больше я и требовать не могу, а во внутренности вы видѣть не можете. Но, ежели бы и справедлива была ваша догадка, то вамъ бы осталось только жалѣть меня, а не дѣлать мнѣ мерзкихъ предложеніевъ, которыя меня чрезвычайно огорчаютъ, а васъ дѣлаютъ въ глазахъ моихъ самымъ подлымъ и презрительнымъ человѣкомъ, и вы не заслуживаете, чтобъ я съ вами могла больше говорить. Для меня низко быть съ такимъ человѣкомъ, каковъ ты! Прошу васъ мой домъ оставить навсегда и сегодня же, а ежели вы не сдѣлаете сего, я объявлю мужу моему и буду жаловаться на васъ губернатору, который какъ мнѣ отецъ, то онъ за дочь свою вступится!“

И я насилу могла говорить; рыданія меня задушали, и хотѣла выйдти, но онъ упалъ къ ногамъ моимъ, испрашивая прощенія, и сказалъ:

— Я думать никогда не смѣлъ объ томъ, въ чемъ теперь сдѣлался виновнымъ! Меня къ этому подвигнулъ мужъ твой, увѣря меня, что вы сами этого желаете и онъ согласенъ на это. Потому-то я и сказалъ, что онъ васъ не любитъ!

Я вся затрепетала и не могла даже произнести ни одного слова; наконецъ, насилу собралась съ силами и сказала: „Не думаете ли, что я вамъ повѣрю? Это вы говорите въ свое оправданіе и хотите замарать другого въ семъ мерз-

комъ дѣлѣ! Мнѣ нечего съ вами долго оставаться, я и такъ много для васъ сдѣлала, что могла слушать васъ. Прошу васъ непремѣнно сегодняшній день отправиться въ путь вашъ; я теперь иду обѣдать къ моему благодѣтелю и не войду въ мой домъ иначе, какъ узнаю, что вы уѣхали, но ежели не сдѣлаете сего,—я все обнаружу!"

Сказавши сіе, я вышла вонъ и ту минуту пошла къ моему отцу и благодѣтелю. Пришедши, нашла и мужа моего тутъ. Увидѣвши его, всѣ члены мои затрепетали, и я насилу могла держаться на ногахъ. Губернаторъ, увидя меня блѣдную, вскочилъ, посадилъ, кликнулъ жену свою, которая мнѣ дала нюхать что-то. Я сказала: „Не безпокойтесь: я была очень далеко и устала, а больше отъ жару. Теперь прошло и мнѣ лучше!" И пошли съ губернаторшей въ ея кабинетъ, гдѣ невольно полились слезы и облегчили сердце стѣсненное. И губернаторша сочла, что у меня истерика, и мужа моего увѣряла, который догадался, что это значитъ. Немного погодя, входитъ мой благодѣтель и съ горестнымъ лицомъ спрашиваетъ: „Какова ты, мой другъ? Я вижу, что чему-нибудь надо быть чрезвычайному, но теперь спрашивать не хочу". Я только просила, чтобъ онъ удержалъ мужа моего цѣлый день у себя. И такъ, мы пробыли до двѣнадцати часовъ; племянникъ его приходилъ къ губернатору прощаться, и мужъ мой очень удивился, что онъ такъ скоро вздумалъ ѣхать. Губернаторъ сказалъ на это ему: „Ужъ давно бы пора было отправляться и, кажется, здѣсь жить незачѣмъ!" Пришедши мы домой, мужъ мой чрезвычайно былъ сердитъ и ни слова со мной не говорилъ. Я, помолившись Богу и препоручая себя въ Его покровительство, легла спать. Вставши поутру, пошла поздороваться съ мужемъ моимъ. Только я вошла, то онъ спросилъ:

— Что это значитъ—скорый отъѣздъ моего племянника, котораго я столько много люблю, и онъ совершенный другъ?

— Ты ошибаешься въ его дружбѣ: онъ ничуть тебѣ не другъ, а больше врагъ, и не стоитъ объ немъ и говорить!

Онъ посмотрѣлъ на меня очень сердито и спросилъ: „Почему, сударыня, вы это изволите говорить и смѣете обижать того, въ которомъ я увѣренъ, что онъ ничего того не сдѣлаетъ, что бъ служило къ его стыду. Чѣмъ онъ тебѣ не угодилъ?"

— Я отъ него никогда не требовала угожденія, а старалась сама всей твоей роднѣ угождать и дѣлать все то, что только отъ меня зависѣло. Правда, есть еще у тебя племянникъ, К. Ф. И., котораго я не только люблю, но и почитаю, и который входитъ въ мое скорбное положеніе и совѣтами своими много услаждаетъ горести мои, но онъ не помыслитъ дѣлать мнѣ никакихъ предложеній, которыя бы меня могли оскорбить; хотя онъ молодъ и холостъ, но правила его честныя не допустятъ ни до чего такого, которое бы могло укорять совѣсть его. Онъ не отыметъ у другихъ спокойствія.

— Да кто жъ у тебя отнимаетъ спокойствіе и кто тебѣ дѣлаетъ постыдныя предложенія?

И, говоря, пристально очень смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Я замолчала, но онъ требовалъ самымъ сердитымъ голосомъ, чтобъ я говорила, почему я возненавидѣла уѣхавшаго племянника, котораго онъ хочетъ звать сюды жить.

— Когда ты заставляешь меня говорить, то знайте же, что я его выгнала и запретила никогда не въѣзжать ко мнѣ въ домъ! Онъ-то самый и дѣлалъ мнѣ безчестныя предложенія и смѣлъ еще лгать на тебя, что будто ты его заставилъ говорить и увѣрилъ его о моей къ нему непозволенной любви: только стыдъ будто меня удерживалъ самой ему это открыть, — то, послѣ всего этого, я васъ спрошу: честенъ ли онъ и другъ ли вамъ?

Онъ сказалъ: „Что ты такъ много о себѣ думаешь? И принцессамъ объявляютъ любовь, которые смѣютъ; объявитъ кто любовь непозволенную, — и такого выслушаетъ!“.

— То именемъ только принцесса, то я выше себя считаю таковой и не позволю никому себѣ говорить того, что касается до чести моей, а паче твоей!

— Не безпокойся, сударыня, о моей чести: я самъ умѣю ее сохранить, а это пустые предразсудки, которые ты называешь честью. Не мѣшаетъ любить другого тебѣ, только умнымъ и скромнымъ образомъ, и я тебѣ всегда позволялъ и позволяю, зная и увѣренъ, что въ этомъ нѣтъ грѣха. Тебѣ натолковано глупыми твоими наставницами, и всякимъ вздоромъ голова твоя набита; и я ничѣмъ не могу сего изъ тебя истребить и заставить тебя жить, какъ я хочу. Знай, что племянникъ мой опять здѣсь будетъ и возобновитъ свои исканія!

Я отвѣчала: „Племянникъ твой не въ твоей командѣ, и ты не можешь приказывать ему и назначать, гдѣ жить, а я буду просить моего благодѣтеля, чтобъ онъ его далѣе удалилъ отъ насъ, и буду принуждена ему все разсказать, для чего я сіе дѣлаю!“

Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „Тѣмъ-то ты плотишь за любовь мою къ тебѣ и за дружеское позволеніе наслаждаться жизнію и всѣми утѣхами?“

— Много васъ благодарю за любовь и за позволеніе на самыя лучшія дѣла, по-вашему, но я сама себѣ не позволяю, и ничто въ свѣтѣ меня принудить не можетъ! Ты говоришь, что глупыя мои наставницы меня сей глупости научили,— пусть такъ! Да поможетъ мнѣ Господь всѣ ихъ наставленія исполнить!

Онъ вскочилъ въ превеликомъ сердцѣ и бросился ко мнѣ. Я думала, онъ хочетъ ударить меня, но я съ мѣста не тронулась, и онъ только сказалъ самымъ звѣрскимъ голосомъ: „Я теперь знаю, что съ тобой дѣлать! Будешь жалѣть, но поздно!“

Я горько заплакала и сказала: „Я вся во власти твоей,— что тебѣ угодно, то и дѣлай; ты властенъ надъ тѣломъ моимъ, но не надъ душой! Богъ мой ее соблюдетъ отъ нечистоты!“

Онъ ушелъ, хлопнувши дверью, и уѣхалъ въ Банкъ. Я пошла въ свою комнату, упала передъ распятымъ Іисусомъ, молила Его о помилованіи мужа моего, а меня чтобъ сохранилъ отъ паденія и далъ мнѣ силы и крѣпость къ перенесенію всего того, что противъ меня мужъ мой будетъ предпринимать. Въ самое это время приходитъ мой благодѣтель и находитъ меня въ жестокомъ волненіи и слезахъ: „Что тебѣ, моя милая дочь, сдѣлалось? Какая скорбь тебя угнетаетъ? Открой сердце твое любящему тебя отцу! Ты сама меня назвала симъ для меня пріятнымъ именемъ“.

Я зарыдала. „Что я тебѣ скажу, отецъ мой? Я гибну; научи меня, что мнѣ дѣлать въ моихъ горестныхъ и тѣсныхъ обстоятельствахъ!“ И все ему разсказала; онъ ужаснулся и долго молчалъ; наконецъ, со слезами, сказалъ:

— Принимай отъ Господа твоего все сіе за опыты, на тебя посланные, будь тверда и постоянна. Съ помоіцію Божіею все преодолѣешь. Ты не согрѣшишь, ежели не будешь повиноваться волѣ мужа твоего въ таковыхъ случаяхъ, а

племянника его никогда здѣсь не будетъ, — въ этомъ тебя увѣряю. Вотъ тебѣ мой самый дружескій совѣтъ: молись и проси Отца Небеснаго! Онъ ужъ найдетъ способы, какъ тебя избавить, а я только могу сдѣлать, чтобъ мужъ твой чаще былъ у меня, и, можетъ быть, что-нибудь успѣю изъ него сдѣлать. А тебя прошу, моя любезная, быть противъ него какъ можно кротче и показывать ему, сколько ты его любишь и стараешься ему угодить. Но не наружностью, а внутренно старайся любить его. Немудрено любить добраго мужа, но ты старайся исполнить законъ Христовъ — люби и твоего мужа и помни, что и онъ тебѣ данъ отъ руки Создателя твоего. Судьбы Его неисповѣдимы, и не намъ ихъ испытывать, а наше дѣло — повиноваться Его велѣніямъ и не роптать на Него. Ежели ты скажешь, что жить съ нимъ не можно, то подумай, будетъ ли твоя участь лучше и будетъ ли твоя душа спокойнѣе, ежели ты его оставишь? Одни будутъ винить его, а другіе — тебя, да еще и болѣе тебя обвинятъ, нежели его. Ты же такъ молода, да и будешь ли ты тогда спасена отъ преткновенія? Можетъ, самая жестокость мужа твоего дѣлаетъ тебя сильной и добродѣтельной. Терпи, мой другъ, и ежели ты все это превозможешь, то какая тебѣ будетъ радость при воспоминаніи прошедшихъ твоихъ бѣдствіевъ, и какую любовь и благодарность ты будешь чувствовать къ Спасителю твоему, Который спасалъ тебя, подкрѣплялъ, услаждалъ, давалъ тебѣ друзей? Не даръ ли драгоцѣнный и теперь Онъ тебѣ далъ — кротость и терпѣніе и что ты всѣми любима искренно? Нѣтъ человѣка, который бы о тебѣ не говорилъ добраго! Но ты не возгордись этимъ: это не твои достоинства, а посланныя тебѣ отъ Господа, то ты и обращайся къ Нему безпрестанно съ наполненнымъ сердцемъ любви и благодарности къ Нему единому. Не грусти же, моя неоцѣненная и добрая, не разрывай сердца, любящаго тебя, какъ самую наилюбезнѣйшую дочь! Я бы былъ совершенно счастливъ и спокоенъ, если бъ твоя жизнь была спокойна. Твое счастіе тѣсно связано съ собственнымъ моимъ счастіемъ и спокойствіемъ. Будь, мой милый другъ, спокойна, сколько возможно, а я поговорю съ твоимъ мужемъ; онъ не дуракъ и, какъ кажется, и сердце должно-быть хорошо, но не дано ему направленія къ добру. Увидимъ, что будетъ, и не станемъ отчаяваться, а ты за него молись и проси ему милости Божіей!“

Я съ горькими слезами сказала ему: „Всѣ буду твои совѣты и приказанія исполнять, неоцѣненный мой отецъ и благодѣтель! Молитесь за вашу несчастную дочь, чтобъ она не ослабѣла въ терпѣніи!“

Онъ обнялъ меня и горько заплакалъ и ушелъ, но я осталась гораздо спокойнѣе. Мужъ мой тотчасъ пришелъ послѣ его и узналъ, что былъ у насъ губернаторъ. Вошедши, спросилъ:

— Зачѣмъ былъ у тебя губернаторъ, или ты за нимъ посылала?

— Я за нимъ никогда не посылаю, а онъ самъ, привыкши насъ видѣть часто, пришелъ посмотрѣть и узнать, здоровы ли мы.

— Въ какомъ положеніи онъ тебя засталъ? Сказывай и не лги!

— Я никогда тебѣ не лгала и не намѣрена лгать. Онъ меня засталъ въ слезахъ и въ жестокой горести!

— Спрашивалъ ли онъ у тебя, отчего ты въ слезахъ?

— Спрашивалъ!

— Что ты ему на это отвѣчала?

— Что я несчастлива въ моей жизни и желала бы, чтобъ скорѣе прекратилась жизнь моя, нежели жить и мучиться, да и мужа моего мучить, которому бы я хотѣла доставлять однѣ радости, а не мученья!

— Что жъ онъ тебѣ на это сказалъ?

— Велѣлъ терпѣть и за тебя молиться!

— И ты правду говоришь?

— Я тебѣ ужъ сказала, что ни изъ чего въ мірѣ лгать не буду;—остается въ твоей волѣ—вѣрить, или не вѣрить!

— Берегись, ежели ты мнѣ не то сказала. Я узнаю отъ самого твоего благодѣтеля,на котораго ты надѣешься. Я сегодня же къ нему пойду!

— Изволь идти и спрашивай обо всемъ!

Онъ посмотрѣлъ на меня и, помолчавши, сказалъ: „Я еще тебѣ повторяю, что ты должна рѣшиться на мои требованія, а иначе твоя жизнь не будетъ спокойна!“

Я отвѣчала, что я рѣшилась: сказала — и не перемѣню своего слова, что „въ этомъ случаѣ не могу тебѣ повиноваться, хотя бъ ты меня всѣми муками хотѣлъ принуждать, — но не принудишь“. Онъ посмотрѣлъ на меня, и сказалъ:

— Посмотримъ! Я тебѣ запрещаю ходить къ твоему благодѣтелю! Сказывайся больной и его къ себѣ не принимай, ни жены его.

— Первому я повинуюсь, но послѣднее я не знаю, можно ли будетъ сдѣлать, чтобъ не принимать къ себѣ тѣхъ, которые намъ благодѣтельствуютъ. И онъ твой начальникъ!

— Это не твое дѣло мнѣ давать наставленія! — И ушелъ обѣдать къ губернатору и тамъ сказалъ, что я больна.

Что ужъ тамъ было и что ему говорилъ губернаторъ—я не знаю, но я въ самомъ дѣлѣ занемогла очень, и женщина моя, испугавшись, послала тотчасъ за лѣкаремъ, который ту минуту пустилъ кровь мнѣ, и я ничего не помнила, что со мной было. Лѣкарь поѣхалъ отъ меня къ губернатору и сказалъ имъ, что я больна очень, и жизнь моя была въ опасности; ежели бы онъ не пустилъ мнѣ крови, то были бы слѣдствія очень дурныя. Мужъ мой испугался, прибѣжалъ домой и нашелъ меня въ великой слабости, и смертная блѣдность на лицѣ. За нимъ вслѣдъ и благодѣтели мои оба пришли, сѣли возлѣ меня. Отецъ мой взялъ руку мою и нашелъ, что пульсъ очень скоръ и внутренній жаръ великъ, посмотрѣлъ на мужа моего и сказалъ:

— Что теперь вы думаете? Она можетъ и умереть, и кто будетъ ея убійца?

Онъ зарыдалъ и сказалъ: „Я безъ нея самъ жить не могу! Она—ангелъ кротости и терпѣнія!“ Упалъ на колѣни передъ кроватью: „Живи для того, чтобъ простить меня во всѣхъ моихъ несправедливостяхъ противъ тебя!“

Я сказала, что я прощаю его и никогда не помню его досадъ. „Одно твое доброе поведеніе можетъ навсегда истребить изъ памяти моей всѣ тѣ горести, которыя ты мнѣ причинялъ!“

Онъ сказалъ: „Я тебѣ обѣщаю при благодѣтелѣ твоемъ что буду другомъ твоимъ и никогда не оскорблю тебя съ намѣреніемъ!“

Благодѣтели мои оба плакали и, обнявши его, сказали: „Исполни свое обѣщаніе и будь добрымъ мужемъ; услади ея жизнь скорбную и дай ей чувствовать то добро, котораго ты лишилъ ее!“

И такъ какъ я была очень слаба, то они не хотѣли много при мнѣ говорить, а ушли съ нимъ въ другую комнату, а я,

оставшись, благодарила Господа моего за болѣзнь посланную, чрезъ которую я примирилась съ мужемъ моимъ и увидѣла, что онъ меня еще любитъ.

Но сія моя радость недолго продолжалась... Съ мѣсяцъ я жила счастливо и спокойно, но опять мужъ мой началъ жить по-прежнему, и занятія съ дѣвками составляли все его удовольствіе, а я опять начала страдать, но ничего не говорила ему. Прибѣжище мое было одно—къ Создателю моему, чтобъ Онъ далъ мнѣ крѣпость и силы. Въ одинъ день онъ опять возобновилъ свои предложенія, чтобъ я выбрала непремѣнно себѣ любовника: „Я этого хочу".

Я ему отвѣчала: „Гдѣ твои клятвы и обѣщанія, которыя ты давалъ,—сдѣлать меня спокойной и счастливой? И что ты мнѣ говоришь о томъ, на что я никогда не рѣшусь и не сдѣлаю? Я тебѣ ужъ сказала и прежде, и нынѣ подтверждаю: не допущу себя никогда до того, чтобъ совѣсть моя меня укоряла, и не сдѣлаю стыда тѣмъ, которые меня воспитывали и давали мнѣ наставленія, чтобъ я была добродѣтельна,—чрезъ что я буду пріятна Создателю, моему и любезна людямъ. Болѣе помню наставленія послѣдняго моего благодѣтеля и отца—Михаила Матвѣевича!" [1]) И горько заплакала, сказавши: „Отецъ мой! Чувствуетъ ли твое сердце, что дочь твоя погибаетъ? Ты обѣщалъ молиться обо мнѣ,—да услышитъ Господь твою молитву о несчастной твоей сиротѣ!" А болѣе ничего не могла говорить...

Онъ чрезвычайно разсердился и сказалъ: „Я дойду до моихъ намѣреній и укрочу твое жестокое и упрямое сердце! Съ сихъ поръ ты увидишь, что съ тобой будетъ!"

— Я на все готова: мнѣ нельзя ожидать отъ тебя лучшаго, но Богъ мой защититъ меня отъ всякаго зла, тобою мнѣ приготовляемаго!

Онъ затопалъ ногами и сказалъ: „Молчи и не говори ни слова!"

Я замолчала, и сердце мое окаменѣло такъ, что слезы остановились, и я какъ деревянная сидѣла, и никакихъ чувствъ не было. Онъ уѣхалъ со двора, а я насилу могла опомниться: что я и гдѣ я, и что со мной будетъ? Слезы облегчили мое страданіе. Я пошла къ обѣднѣ и съ великимъ усердіемъ мо-

---

[1]) Хераскова.

лилась Спасителю моему, ежели возможно, чтобъ Онъ отвратилъ отъ меня то зло, которымъ меня угрожаетъ мужъ мой. „Но ежели угодно тебѣ, Боже мой, попустить сему злу, то подкрѣпи меня силою Твоею и буди моимъ хранителемъ!“ И послѣ сего пришла домой очень спокойна. Передъ обѣдомъ онъ прислалъ сказать, что дома не обѣдаетъ. Итакъ, я отобѣдала и сѣла за работу. Пришелъ вечеръ, я напилась чаю; со двора не поѣхала для того, что сильный былъ морозъ. И у меня тотъ день никого не было, что оченъ рѣдко случалось. Въ ожиданіи мужа моего, сѣла я почитать Арнта [1]), но вдругъ сердце мое забилось, какъ-бы испугалось чего, и страхъ столько овладѣлъ всѣми моими чувствами, что я начала дрожать и духъ мой сталъ заниматься, такъ что я водой отпивалась и навѣрно знала, что будетъ со мной что-нибудь очень непріятное. Наконецъ, я начала со слезами молиться Спасителю моему, чтобъ Онъ не оставилъ меня и послалъ помощь свою.

Въ первомъ часу пріѣхалъ мужъ мой пьянъ и чрезвычайно сердитъ, раздѣлся и легъ; я уже была въ постелѣ. Первое — началъ меня бранить и называть непокорною женою и не любящею мужа своего и что онъ несчастливъ мной очень. Я молчала. Наконецъ, онъ сказалъ: „Что ты молчишь?“ — вскочилъ, согналъ меня съ постели, положилъ... съ собой, а мнѣ не велѣлъ выходить изъ спальны, но я вышла. Онъ, увидя, что меня нѣтъ, всталъ, ругалъ, сколько ему было угодно, и вытолкнулъ меня на крыльцо въ одной юбкѣ и безъ чулокъ и сѣни заперъ. Сколько отъ горести, а болѣе отъ морозу, духъ у меня занимало. Вдругъ, вижу— идетъ кто-то къ крыльцу на стонъ мой, и я узнала, что это Феклистъ, но я ужъ говорить не могла. Онъ взялъ меня на руки и снесъ въ баню, которая наканунѣ была топлена, надѣлъ на меня свою шубу, затопилъ печь, согрѣлъ воды съ шалфеемъ и напоилъ меня и горько плакалъ.

— Ты, мать наша, всѣхъ насъ несчастнѣе! Намъ доставляешь покой, а сама не имѣешь!

Я сказала: „Помолись, мой другъ, обо мнѣ, чтобъ Господь

---

[1]) Іоганнъ Арндтъ (р. 1555, ум. 1621 г.), авторъ многихъ мистическихъ и аскетическихъ сочиненій, изъ которыхъ одно — „Das wahre Christenthum“—было переведено на русскій языкъ И. П. Тургеневымъ въ 1784 г.

помиловалъ меня!“ И у меня сдѣлалась сильная лихорадка; слезъ не было и тягость въ груди была несносная. Въ пятомъ часу прибѣжала дѣвка, хватясь меня, гдѣ я; ранѣе не могла выйти: мужъ мой не спалъ и не выпускалъ изъ комнаты и прибилъ ее. Она бросилась ко мнѣ, зарыдала и закрычала: „Жива ли она?“ Упросила меня надѣть капотъ теплый, обула меня, и, взявъ меня добрый Феклистъ на руки, принесъ въ комнаты, въ антресоли; и опасались, чтобъ не услышалъ мужъ мой. Туть я легла на канапе и дѣвка меня напоила чаемъ, который я насилу глотала; и, кромѣ сихъ двухъ людей, никто не зналъ моего изгнанія, и я имъ запретила говорить.

Поутру, въ девятомъ часу, я велѣла заложить карету. Мужъ мой, услыша, вошелъ ко мнѣ и спросилъ: „Куды ты ѣдешь такъ рано?“ И, увидя страшную блѣдность и слабость, съ робостью спросилъ? „Что тебѣ сдѣлалось, матушка?“ Я залилась слезами и сказала: „Безсовѣстный ты человѣкъ! Еще можешь ты спрашивать у меня, что мнѣ сдѣлалось? Ты бы спросилъ: еще ты жива послѣ того, что съ тобой произошло? И за что? За то, что я тебѣ не повинуюсь и мерзкимъ твоимъ желаніямъ? Знай, что я ѣду къ отцу моему и все разскажу, и ничто меня отъ сего удержать не можетъ! Нѣтъ болѣе моего терпѣнія, и послѣ этого я съ тобой жить не могу: избавлю тебя такой жены, которая тебѣ ненавистна, и ничего отъ тебя не потребую, въ одной рубашкѣ останусь, но съ спокойнымъ сердцемъ и чистою совѣстью. Я бѣдна не буду: у меня есть руки и глаза, а Богъ—мой помощникъ! Буду просить моего благодѣтеля, чтобъ онъ отправилъ меня въ Москву къ отцу моему [1]), гдѣ буду жить счастливо и спокойно. Они знаютъ меня, знаютъ и тебя, то не думай, чтобъ они меня повинили; винить будутъ тѣ, которые не знаютъ, да мнѣ до тѣхъ и дѣла нѣтъ, а ты меня ни въ чемъ не можешь упрекнуть!“

Онъ сталъ упрашивать меня и увѣрять, что онъ ничего не помнитъ. „Я только это знаю, что сіе не въ первый и не въ послѣдній разъ будетъ, и не вѣрю, чтобъ ты не помнилъ: ты не такъ былъ пьянъ, чтобъ можно было сказать, что ты

---

[1]) М. М. Хераскову; онъ въ это время былъ куратором Московскаго Университета.

безъ памяти былъ! Да что говорить! Я ѣду и исполню то, что предприняла, и ты не можешь меня остановить. Ты же самъ вечоръ сказалъ, что ты несчастливъ мною, и хотѣлъ избавиться отъ меня смертію моею, но я и безъ этого избавлю тебя,—и ты не будешь никогда видѣть ту, которая столько дѣлала жизнь твою несчастной; и жаловаться на тебя не буду, а буду молиться за тебя: да проститъ тебя Господь и дастъ тебѣ миръ и спокойствіе и счастіе сего міра и будущаго! Пусть совершается надо мной его опредѣленіе: я съ покорностію все снесу!"

Пріѣхала я къ моему благодѣтелю рано. Блѣдность лица моего сказала ему о моемъ душевномъ положеніи. Я упала передъ нимъ и съ рыданіемъ сказала: „Дочь твоя несчастная лежитъ у ногъ твоихъ: научи ее, что дѣлать и что предпринять!" И разсказала ему все случившееся со мной. Онъ залился самъ слезами, кликнулъ свою супругу и велѣлъ меня напоить горячимъ, потому что у меня сильная лихорадка сдѣлалась. Между тѣмъ, послалъ за моимъ мужемъ, который и пріѣхалъ. Онъ ввелъ его въ ту комнату, въ которой я лежала, и заплакалъ. Благодѣтель мой спросилъ у него: „Правда ли то, что я слышалъ отъ жены твоей, и какъ ты съ ней поступилъ тирански и подло! Развѣ она заслужила отъ тебя? Вы можете мнѣ прямо сказать, что она противъ васъ сдѣлала. Вамъ лучше съ ней разстаться, ежели она не стоитъ вашей любви и уваженія!"

Онъ зарыдалъ и сказалъ: „Благодѣтель мой! Она права, и я ее ни въ чемъ винить не могу, но помоги мнѣ испросить у ней прощенія! Я не могу безъ нея быть счастливъ! Ежели она меня оставитъ, то не будетъ въ мірѣ человѣка несчастнѣе меня!" Подошедши ко мнѣ, говорилъ: „Неужто ты захочешь отнять отъ меня жизнь, честь и спокойствіе? Кротость твоя и терпѣніе не допустятъ тебя сіе сдѣлать! Прости меня, — у ногъ твоихъ лежу! Благодѣтель мой, будь поручителемъ, присоедини свои просьбы къ моимъ и дай мнѣ новую жизнь!"

Благодѣтель мой и отецъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, а супруга его, сидя возлѣ меня, заливалась слезами,— и оба начали говорить: „Мужъ твой раскаивается, кажется, чистосердечно и обѣщаетъ не огорчать тебя: согласись, мой другъ, моя неоцѣненная дочь, послушайся отца твоего!"

Я залилась слезами, прижала его руку къ томному моему

сердцу и сказала: „Ты — мой отецъ и благодѣтель, единая отрада скорбнаго моего сердца! Я все для тебя дѣлаю: остаюсь съ нимъ жить, хотя и не думаю, чтобъ я была счастлива! Только одной у него прошу милости — не говорить мнѣ ни когда о любовникѣ и никого не предлагать; другое,—чтобъ избавилъ меня видѣть то, что заставлялъ меня видѣть: я сего снести не могу, и оставилъ бы меня жить спокойно. Я ему никогда не говорила и не упрекала его, а старалась дѣлать ему угодное, думая, что моя кротость и терпѣніе все превозможетъ, но очень обманулась: ничто несчастной моей жизни перемѣнить не могло! Онъ самъ здѣсь пусть скажетъ,— слышалъ ли онъ когда жалобы мои, видѣлъ ли когда скорбь мою? Я и это стараюсь запирать внутри. Вина моя главная въ томъ, что я все переносила; и, вышедши за него, не видала радостныхъ и покойныхъ дней, а которые и имѣла, то онъ всячески старался отнять ихъ. И послѣ всего говоритъ, что онъ меня любитъ! Для меня не понятна сія любовь, по крайней мѣрѣ,—я не умѣю такъ любить! Скажи мнѣ теперь' при отцѣ моемъ, что я тебѣ сдѣлала? Ежели я тебѣ и говаривала когда, но не для себя: это Богъ видитъ, а боялась, чтобъ ты не потерялъ своего добраго имени. Вспомни почтенную мать твою, которая со слезами тебѣ говорила: „За что ты оскорбляешь жену твою и истиннаго твоего друга и дѣлаешь жизнь ея несчастною? Да и на меня наложилъ страшную тягость и скорбь, которая скоро меня сведетъ во гробъ! Я другу моему,— ея матери, клятву дала предъ Спасителемъ, чтобъ сдѣлать ея жизнь спокойной, и за тебя ручалась, что будешь ей добрый мужъ и другъ, — но то ли я теперь вижу: ты сдѣлался ея тираномъ! Пока еще я жива, то она во мнѣ имѣетъ мать и нѣжнаго друга, но ежели я умру, — что съ ней, бѣдной и сирой, будетъ? Кому она откроетъ сердце свое и кто съ ней раздѣлитъ ея несчастіе? Молю Господа моего, чтобъ Онъ сохранилъ жизнь мою, хотя и скорбна она для меня, но я нужна ей для успокоенія ея. Ежели ты не перемѣнишься, то не будетъ тебѣ счастія и совѣсти твоей спокойствія ни на минуту. Я вижу, что ты плачешь: дай Богъ, чтобъ эти слезы были слезы раскаянія и признанія! Прошу тебя со слезами: пожалѣй хоть старость матери твоей, которая хочетъ только жить для васъ, не сдѣлай смерть мою горькою!“—И ты вспомни, въ который день

сдѣлался ей ударъ, каковъ ты былъ наканунѣ? Не это ли ей и смерть причинило? Лѣта ея не могли ужъ перенести видѣннаго ею несчастія моего! Вспомнить и теперь не могу о ея потерѣ; я съ ней все мое счастіе потеряла невозвратно. Она одна была: мать, другъ и наставница, — и ту Господь отнялъ отъ меня! Да будетъ Его воля! Судьбы Его неисповѣдимы. Она меня учила всему покоряться и терпѣть и еще— благодарить Спасителя моего за тѣ страданія, которыя Онъ на меня щедро посылаетъ. Можетъ ли быть что мучительнѣе въ жизни, какъ имѣть мужа такого, который, вмѣсто дружескаго успокоенія, старается сдѣлать мою жизнь самою несчастною. Я еще никогда не была отъ тебя успокоена, но Господь мнѣ посылалъ такихъ благодѣтелей, которые любовію своею и дружескими соболѣзнованіями и совѣтами услаждали сколько-нибудь мою горестную жизнь. Я часто завидовала"...

Дневникъ А. Е. Лабзиной

1818 года.

Сохранившійся, вмѣстѣ съ „Воспоминаніями“, отрывокъ изъ дневника А. Е. Лабзиной, за время съ 1-го октября по 18-е декабря 1818 года, писанъ крупнымъ почеркомъ въ 5 тетрадяхъ синеватой и сѣрожелтой грубой писчей бумаги съ различными водяными знаками.

Грустное настроеніе, сквозящее въ каждой строчкѣ дневника, объясняется, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ іюнѣ этого 1818 г., окончательно прекратился на восьмой книжкѣ, „Сіонскій Вѣстникъ“ А. Ѳ. Лабзина, основанный имъ въ 1806 году и возобновившійся, послѣ 10-ти лѣтняго перерыва, въ 1817 году. Несогласія въ ложѣ „Умирающаго Сфинкса“, основанной Лабзинымъ въ 1800 году и поддерживавшейся имъ съ изумительною энергіею, настойчивостью и любовію, также давали обильную и богатую пищу сѣтованіямъ его супруги, фанатически преданной масонскому ученію и принимавшей весьма близко къ сердцу всѣ радости и горести орденскаго „братства“. О преданности ея ордену и объ отношеніяхъ ея къ ложѣ мы находимъ любопытную и характерную запись въ одномъ изъ протоколовъ засѣданій ложи „Умирающаго Сфинкса“, въ которомъ, подъ 14-мъ октября 1810 года, по поводу исполнившейся тогда серебряной свадьбы А. Ѳ. и А. Е. Лабзиныхъ, значится слѣдующее: „Намѣстный мастеръ, коснувшись достоинства брака, обратилъ рѣчь на проведенныя Великимъ Мастеромъ [т. е. Лабзинымъ]

25 лѣтъ въ законномъ супружествѣ, свидѣтельствуя, что какъ самъ Господь привелъ къ Адаму жену его Еву, такъ, говорилъ, рука же Божія, предуготовавъ и высокопочтеннѣйшему Великому Мастеру нашему священный союзъ брака, даровала ему въ жену высокопочтеннѣйшую по истинѣ сестру нашу Анну Евдокимовну,—чему исполнится завтра 25 лѣтъ! По истинѣ, повторилъ Намѣстный Мастеръ, высокопочтеннѣйшая она сестра наша! Ибо, по исполненію ею въ точности семи должностей нашихъ,—одинъ полъ ея воспрещаетъ быть нашимъ братомъ. Она, внѣ нашего общества, строго сохраняя всегда скромность, свято исполняя повиновеніе къ своему супругу, будучи во всемъ совершенно благонравна, дыша любовію ко всѣмъ человѣкамъ, какъ къ самымъ ближнимъ ея, мужественно и постоянно съ вѣрою и упованіемъ на Сущаго близъ призывающихъ Его во истинѣ, преодолѣваетъ терпѣніемъ всѣ встрѣчающіяся съ нею навожденія злого міра сего и самыя сердечныя прискорбія при помощи Божіей побѣждаетъ; щедро благодѣтельствуетъ полезными совѣтами; подаетъ посильное даяніе нуждающимся и не просящимъ у нея, равно какъ и просящимъ, стараясь предупреждать оныхъ по возможности помощію своею и многихъ призирать подъ кровомъ своимъ; помогаетъ, яко вѣрная помощница супругу своему; смерть почитаетъ избавительницею отъ тяжкихъ узъ плоти, томящейся въ юдоли плачевной, и благодѣтельницею своею, вводящею въ животъ блаженнѣйшій и вѣчный. Однимъ словомъ, совершенно посвятила сердце свое Богу, повергла себя въ святую Его волю и въ Его управленіе. Такимъ путемъ слѣдуя она за руководителемъ своимъ супругомъ, сдѣлалась ему единодушною, слѣдовательно, не только внѣ нашего общества, но и намъ, братьямъ, къ подражанію служитъ она живымъ образцомъ истинныхъ добродѣтелей“ [1]).—Въ ознаменованіе юбилея и въ доказательство своего уваженія къ Аннѣ Евдокимовнѣ, въ этомъ засѣданіи рѣшено было поднести ей женскія перчатки, которыя, „по іероглифу и предмету нашему [т. е. масонскому], весьма важны“ [2]). На другой день, 15-го октября, были командиро-

---

[1]) Рукописное Отдѣленіе Имп. Публичной Библіотеки, F. III, 64.

[2]) Всякій новый братъ получалъ эти перчатки для врученія той женщинѣ, которую онъ изберетъ себѣ въ жены, — „какъ каменьщицѣ“.

ваны 1-й и 2 й надзиратели ложи, которые поднесли перчатки на голубой подушкѣ, при чемъ казначей, секретарь и обрядоначальникъ были ассистентами, а братъ А. П. Мартыновъ сказалъ привѣтственную рѣчь. Анна Евдокимовна приняла перчатки, какъ сказано въ протоколѣ, „съ живѣйшею признательностью сердца и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, ставъ на колѣни“, и просила мужа положить перчатки сіи во гробъ ея, „когда она окончитъ жизнь“ [1]).

А. Ѳ. Лабзинъ въ это время (съ 12-го января 1818 г.) занималъ мѣсто Вице-Президента Академіи Художествъ.

Б. М.

---

[1]) Протоколъ 14-го ноября 1819 г. Протоколъ ложи о поднесеніи перчатокъ А. Е. Лабзиной былъ напечатанъ полностію, уже послѣ появленія нашего 1-го изданія ея Воспоминаній, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1905 г., кн. III, стр. 532—535, по сообщенію Т. О. Соколовской.

БИБЛІОТЕКА

Анна Евдокимовна
ЛАБЗИНА

Съ бюста работы И. П. Прокофьева

ХУДОЖ.-ГРАФ. ЗАВ. А. А. БЕМЕ, СПБ.

Александръ Ѳедоровичъ
ЛАБЗИНЪ

Съ бюста работы И. П. Прокофьева

ХУДОЖ. ГРАФ. ЗАВ. А. А. БЕМЕ, СПБ.

1818 года, октября 1 числа.

Вчерашній день цѣлое утро мнѣ не дали помыслить ни о чемъ: только-что начала входить въ себя, пришелъ Модель [1]); онъ еще не ушелъ, входитъ Неймейстеръ [2]), который и просидѣлъ до часу,—и такъ, что̀ и было въ мысляхъ, и то все вылетѣло, и я осталась пустехонька и какъ шальная; даже голова пуста и въ сердцѣ ничего не чувствовала—ни скорби, ни радости, а какая-то безчувственность ко всему была; я весь день почти не разумѣла, что говорила, и болѣе лежала, закрывши глаза, и молчала и призывала въ помощь Спасителя моего.

2 [октября].

Вчерашній день мнѣ утро помѣшали; такъ какъ былъ праздникъ, то отъ обѣдни пришли то тотъ, то другой, и я должна была заняться ими; послѣ всѣхъ пришелъ Юрья [3])

---

[1]) Лицо, намъ неизвѣстное.

[2]) Ермолай Ермолаевичъ Неймейстеръ—штабъ-лѣкарь; въ 1800 году онъ служилъ въ Медицинской Коллегіи, въ этомъ году получилъ чинъ надворнаго совѣтника, съ 31-го декабря 1810 г. былъ статскимъ совѣтникомъ и до 1833 года находился на службѣ въ Академіи Художествъ, состоя при лазаретѣ ея штабъ-лѣкаремъ.

[3]) Юрій Никитичъ Бартеневъ; какъ записано въ протоколахъ ложи „Умирающаго Сфинкса“ (хранящихся въ Рукописномъ Отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки) подъ 22-мъ іюня 1816 г., по поводу принятія его ученикомъ ордена, онъ „родился 16-го февраля 1792 г. Костромской губерніи въ Галицкомъ уѣздѣ, происхожденіемъ изъ дворянъ, чиномъ прапорщикъ Инженернаго корпуса и служитъ при 2 Кадетскомъ Корпусѣ; пропитаніе имѣетъ отъ жалованья и имѣнія родительскаго. Донынѣ ни въ какой извѣстный или неизвѣстный орденъ принятъ не

и обѣдалъ у насъ и былъ въ добромъ духѣ, но послѣ обѣда что-то сидѣлъ все въ мысляхъ; дѣти [1]) работали все въ своей

былъ. Не по суетному любопытству и не по чьему-либо убѣжденію но по чистому почтенію его къ ○ [ордену] и желанію учиниться лучшимъ просить о принятіи его въ свободные каменьщики"; затѣмъ, „по поручительству за него самого Великаго Мастера [Лабзина] своею головою, Бартеневъ впущенъ былъ въ □ [ложу] и былъ подвергнутъ всѣмъ подлежащимъ испытаніямъ", послѣ чего клялся на Евангеліи и принятъ былъ ученикомъ. Въ собраніи ложи 9-го октября 1817 г. Бартеневъ былъ принятъ въ товарищи, а 8-го ноября 1818 г.—въ мастера свободныхъ каменьщиковъ. Полюбивъ воспитывавшуюся у Лабзина племянницу его—Екатерину Степановну Микулину, Бартеневъ задумалъ на ней жениться и 25-го октября 1818 г. писалъ брату своему Всеволоду Никитичу: „Два уже года, а именно съ 9-го декабря 1816 г. увидѣлъ въ одномъ домѣ молодую дѣвицу, дочь генералъ-маіора Микулина, по инженерной части служившаго; съ сего самаго времени сердце мое начало избирать ее въ подруги; во все продолженіе этого времени я старался узнавать ее и нашелъ, что Провидѣніе указываетъ мнѣ въ этой милой дѣвицѣ то, чего доселѣ тщетно искалъ въ другихъ; я и тебѣ говорилъ о ней въ деревнѣ; она круглая сирота, не имѣетъ состоянія, но богата сердцемъ, богата кротостью и христіанскими правилами. Словомъ, я твердо рѣшился не принадлежать никому, кромѣ ея, и увѣрилъ ее въ томъ честнымъ словомъ честнаго человѣка и христіанина. Она согласна на мое предложеніе, также и родственники ея; родной ея дядя Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ, коему я обязанъ новымъ рожденіемъ, также объявилъ на то согласіе" (Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, ч. VIII, М. 1901 стр. 422—423). Свадьба Бартенева состоялась въ началѣ 1819 года, и вскорѣ молодые уѣхали въ Кострому, гдѣ Бартеневъ получилъ мѣсто Директора училищъ. Пробывъ въ этой должности до 1833 года, онъ съ 1836 по 1844 г. служилъ при князѣ А. Н. Голицынѣ. Умеръ въ Москвѣ 27-го ноября 1866 г. и погребенъ съ женою на Ваганьковскомъ кладбищѣ (см. „Московскій Некрополь", т. I, М. 1907, стр. 79 и 80). О немъ см. въ нашей статьѣ „Альбомъ Ю. Н. Бартенева", напечатанной въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ" 1910 г., т. XV, кн. 4, стр. 200—221.

[1]) Своихъ дѣтей у Лабзиныхъ не было, и Анна Евдокимовна называетъ здѣсь „дѣтьми" двухъ своихъ воспитанницъ: 1) вышеупомянутую Екатерину Степановну Микулину (род. 25-го марта 1800 г.), родную племянницу А. Ѳ. Лабзина (дочь его сестры Надежды Ѳедоровны, вдовы инженернаго генералъ-маіора Степана Даниловича Микулина, въ 1799 году находившагося при работахъ Адмиралтейства и Кронверской крѣпости), вышедшую, въ началѣ 1819 г., за Ю. Н. Бартенева и умершую 21-го декабря 1872 г., на 73 году; и 2) Софью Алексѣевну Мудрову родную племянницу извѣстнаго доктора и профессора Московскаго Университета Матвѣя Яковлевича Мудрова, которая въ 1830 году, уже по смерти своихъ пріемныхъ родителей, вышла замужъ за масона Ни-

комнатѣ, а вошли ужъ тогда, когда сдѣлалось темно. Разговоръ его былъ весь о с[естрѣ] А[лександрѣ] П[етровнѣ] [1]) какъ имъ было весело вечоръ у ней; они сидѣли до второго часу и ужинали, и Вѣра Але[ксандровна] [2]) съ ними

колая Петровича Лайкевича, помѣщика Можайскаго уѣзда (села Глазова), въ 1824 г., въ чинѣ капитана, служившаго судьею въ Можайскомъ Уѣздномъ Судѣ. Къ Лайкевичамъ, послѣ смерти А. Е. Лабзиной, перешли семейные портреты Лабзиныхъ, переданные впослѣдствіи П. Н. Лайкевичемъ въ картинную галлерею Московскаго Румянцовскаго Музея. Одно письмо С. А. Мудровой къ дядѣ — М. Я. Мудрову (отъ 1-го іюня 1819 г.) напечатано мною въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., № 7, стр. 178, а ея любопытныя Воспоминанія о Лабзинѣ и его ссылкѣ олубликованы мною въ „Русской Старинѣ“ 1905 г., № 10 (отд. отт., С.-Пб. 1905 г.).

[1]) А. П. Хвостова, рожденная Хераскова, жена д. с. совѣтника Дмитрія Семеновича Хвостова (ум. 23-го марта 1828 г., 70 лѣтъ) и родная племянница М. М. Хераскова, извѣстная писательница, авторъ „Камина и ручейка“, ревностная масонка, сторонница и поклонница Лабзина, сотрудница его „Сіонскаго Вѣстника“ и авторъ мистическихъ сочиненій; въ 1815 году она издала, между прочимъ, „Письма христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ, къ двумъ друзьямъ ея, мужу и женѣ“, т. е.—къ А. Ѳ. и А. Е. Лабзинымъ. Покинувъ Петербургъ въ 1823 году, по настоянію Правительства, начавшаго преслѣдованіе мистиковъ, и переселившись въ Кіевъ, Хвостова занималась тамъ дѣлами благотворенія и умерла въ глубокой старости въ 1853 году. Это была женщина образованная, энергичная и чрезвычайно привлекательная. Ея біографія, написанная В. В. Сиповскимъ, помѣщена въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“; о ней см. также статью Б. М. Городецкаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1902 г., № 3, стр. 1022—1029 и замѣтку Н. П. въ „Литературномъ Вѣстникѣ“ 1902 г., т. III, № 4, стр. 371—372. Значительное количество ея писемъ къ Лабзину (1819—1825 гг.) находится у пишущаго эти строки. Ея автобіографическую записку см. въ статьѣ моей: „Альбомъ Ю. Н. Бартенева“ въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ“, т. XV кн. 4 С.-Пб. 1911, стр. 203—205.

[2]) Воспитанница А. П. Хвостовой—Вѣра Александровна Леонродъ; она въ ноябрѣ 1818 г. вышла замужъ за Ѳедора Ивановича Прянишникова (род. въ Перми 2-го февраля 1793 г.), въ это время состоявшаго при Департаментѣ податей и сборовъ и бывшаго секретаремъ ложи Лабзина „Умирающій Сфинксъ“. Впослѣдствіи Ѳ. И. Прянишниковъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта и дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ; онъ умеръ 28-го апрѣля 1867 г. и погребенъ съ женой въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Петербургѣ. Его знаменитая картинная галлерея въ 1868 г. перешла въ Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи, а рукописи (между прочимъ—протоколы ложи Лабзина)—въ Имп. Публичную Библіотеку. В. А. Прянишникова умерла 24-го апрѣля 1872 г., на 68 году отъ роду.

все сидѣла, и было очень весело. Я повѣрю, что должно быть у ней молодымъ людямъ весело: у ней есть разныя игры: лото, „храмъ счастія“, бирюльки, и они играютъ съ Вѣрой Але[ксандровной]. А въ воскресенье и Ал[ександръ] Петро[вичъ] Марты[новъ] [1]) былъ; это видно для чего, — для Ф[едора] Ив[ановича] [2]). У меня въ сердцѣ что-то сдѣлалось не спокойно; я начала себя разбирать и спрашивать, что это значитъ; вдругъ сердце у меня заговорило, что сес[тра] А[лександра] П[етровна] меня не такъ любитъ, какъ бы я желала. Я, бывало, сиживала у ней до двѣнадцати часовъ, но и куска хлѣба не дастъ и не спроситъ, не хотимъ ли мы ужинать, а теперь молодыхъ людей и ужиномъ кормитъ. Разсмотря свои мысли, я очень себя обвиняю: вѣдь это выходитъ родъ зависти,—для чего для меня не дѣлаютъ того, что для другихъ; но, разсмотри себя хорошенько, стоишь ли того и заслужила ли ты хоть малѣйшую ласку, не только любовь; будь благодарна Господу, что тебя хоть терпятъ; и такъ усмирилось сердце мое. Но вотъ еще что въ немъ происходитъ: мнѣ очень видно, что этотъ божественный и священный союзъ [3]) раздѣлился на двѣ партіи, и это не только меня сокрушаетъ, но убиваетъ духъ. Сами они явно показываютъ, что кто чьей партіи; вторники назначены: но кто же ходитъ? Марты[новъ]? Никто, никогда. Я не понимаю, что изъ этого выйдетъ изо всего, и можетъ ли это быть пріятно Господу; Онъ самъ сказалъ: „Имѣйте между собою любовь, почему и будете признаны моими учениками“. Гдѣ жъ любовь братская? Ея нѣтъ. Хитрость и лукавство завелись,—противъ кого же? Противъ того, которому должны ежедневно исповѣдывать всѣ свои

---

[1]) Александръ Петровичъ Мартыновъ (р. 1782), сынъ Петра Егоровича Мартынова отъ брака его съ Александрой Борисовной Мертваго (сестрой автора извѣстныхъ „Записокъ“); въ 1821 г. онъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, служилъ попечителемъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества; онъ былъ дѣятельнымъ членомъ Лабзинской ложи „Умирающій Сфинксъ“ и въ 1818 г. изъ риторовъ ея былъ произведенъ во 2-е надзиратели ложи. Въ 1837 г. онъ жилъ въ Петербургѣ. О немъ и власти надъ нимъ Лабзина много разсказываетъ С. Т. Аксаковъ въ статьѣ своей: „Встрѣча съ мартинистами“ (Соч., т. III, С.-Пб. 1886, стр. 135).

[2]) Прянишникова (см. выше), за котораго уже въ это время А. П. Хвостова прочила свою воспитанницу В. А. Леонродъ.

[3]) Масонскій.

дѣянія [1]): и крайне мнѣ было больно слышать отъ молодого бр[ата], что и „скрытность иногда нужна“, потому что нескромность другого можетъ его тайну разгласить, и это точно было сказано на счетъ А л[е к с а н д р а] Ф[е д о р о в и ч а] [2]) бр[атомъ] П р я н[и ш н и к о в ы м ъ] [3]), Когда это бывало между бр[атьями]? Словомъ скажу, что я въ ужасѣ всякій день и не вижу конца этой бѣдѣ, а страданіе должно упасть все на бѣднаго моего друга [4]); все его сердце въ тѣснотѣ и духъ въ тяжкихъ оковахъ; онъ для нихъ весь готовъ всѣмъ жертвовать, а они хоть бы постарались сколько-нибудь его успокоить; знаютъ теперь всѣ, что онъ свободенъ, но никто не хочетъ раздѣлить съ нимъ время. Доколѣ, Господи, гнѣватися будешь на раба Твоего? обрати лице Твое и яви милосердіе Твое надъ бѣдными Твоими овцами и возврати милосердіемъ Твоимъ спокойствіе другу моему! Дай, Милосердый Отецъ, отдыхъ утомленному духу его. Не только онъ, но я истомилась; это Тебѣ извѣстно, мой Богъ и Отецъ!

Послѣ тоски и мученія сердечнаго я взяла своего наставника—и что же прочитала: „Если нынѣ малое страданіе выводитъ тебя изъ терпѣнія, что тогда геенна содѣлаетъ?“ Слабость состава моего, Боже мой, не выноситъ скорбнаго состоянія, отъ Тебя единаго я должна ожидать силъ, не оставь меня, бѣдную! Господи, да обрѣту единаго Тебя и открою все сердце мое и насыщуся Тобою! Сего единаго желаетъ душа моя, да не подвигнетъ меня никакая тварь, но Ты единъ

---

[1]) Т. е., противъ А. Ѳ. Лабзина, бывшаго Великимъ Мастеромъ основанной имъ въ 1800 г. ложи „Умирающаго Сфинкса“.

[2]) Лабзина.

[3]) Здѣсь имѣется въ виду братъ Ѳедора Ивановича Прянишникова—Аполлинарій Ивановичъ Прянишниковъ (род. въ Перми 17-го іюня 1789 г.), тогда маркшейдеръ 9-го класса, принятый 14-го мая 1818 г. въ ученики ложи „Умирающаго Сфинкса“, въ которой въ концѣ того же 1818 г. онъ былъ уже братомъ-товарищемъ (Протоколы ложи въ Имп. Публичной Библіотекѣ, F. III, 64). Назначенный въ январѣ 1819 г. совѣтникомъ Пермской Казенной Палаты, онъ въ маѣ 1830 г. былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, а въ іюлѣ того же года—управляющимъ Старорусскимъ Соляным Правленіемъ; въ 1840 г. (ноября 29-го) онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ коллежскаго совѣтника и умеръ въ Москвѣ 7-го мая 1844 г. („Московскій Некрополь“, т. II, С.-Пб. 1908).

[4]) А. Ѳ. Лабзина.

вѣщаешь во мнѣ и мнѣ, а я Тебѣ. Сего прошу, сего желаю, да съ Тобою вся соединюсь, да отвлечется сердце мое отъ всѣхъ созданныхъ вещей! Ахъ, Боже мой, когда буду вся соединена съ Тобою и вниду въ Тебя, забывъ совершенно себя? Услыши, мой Боже, вопль души моей бѣдной и воздыхающаго сердца, наполненнаго скорбями!

3 [октября].

Сіе утро такъ у меня болитъ голова, что я насилу сижу, и сердце бьется; это происходитъ отъ многихъ причинъ, отъ внутреннихъ и отъ наружныхъ. Будетъ памятенъ мнѣ до смерти 18-ый годъ! кажется я въ жизнь мою еще не бывала въ такомъ ужасномъ стѣсненіи, какъ нонѣшній годъ: много потеряно здоровья тѣлеснаго и миру внутренняго. Пусть бы на одной мнѣ это все оборвалось, но О—нъ [1]) и бр[атья] — всѣ въ страшномъ потрясеніи; теперь ужъ не тотъ мирный союзъ, а бурное море, въ которомъ многіе близки къ погибели, а о помощи и не думаютъ вопіять, а хотятъ какими-нибудь кривыми путями выбраться, но не знаютъ, что глубже еще погрязаютъ въ бездну; и я, видя все это, — сердце мое въ безпрестанномъ страданіи и тоскѣ, а тѣмъ болѣе, что нѣтъ у меня помощника, кто-бъ захотѣлъ видѣть это разстройство; а хотя и говорятъ тому, кто сильно шатается, чтобъ открылись своему доброму благодѣ[телю] и начальнику, и получаетъ отвѣтъ: „Узнаетъ тогда, когда дѣло сдѣлается“. Ему опять говорятъ: „Поздно будетъ: это ужъ будетъ только дано ему, какъ частному человѣку, за извѣстіе, и онъ все право будетъ имѣть на васъ быть въ большомъ неудовольствіи“. Отвѣтъ его былъ: „Посердится, да и перестанетъ, я знаю его!“ Вотъ какъ употребляютъ во зло доброту сердца друга моего; онъ съ радостію удѣляетъ все то, что ему Господь посылаетъ отъ щедротъ Своихъ, но они ужъ, видно, довольны и пресыщены, а идутъ къ лакомымъ тѣлеснымъ трапезамъ, гдѣ насыщается тѣлесность, а не душа, которая сидитъ въ дремотѣ, и совѣсть начинаетъ засыпать; вся внутренная усыплена пѣніемъ сиренъ. И для меня все это наводитъ ужасъ несказанный, и нѣтъ человѣка, который бы постарался все это раскрыть и дать видѣть, въ какомъ положеніи бѣдная

[1]) Т. е. Орденъ масоновъ.

душа того бр[ата], который весь погрязъ въ чувственность; это долгъ 1-го надз[ирателя]; но сколько я ни говорила, ничего не дѣйствуетъ и не двигается на помощь: у него-де есть руководитель. Отвѣтъ такъ глупъ, который показываетъ, какъ будто не знаетъ своей должности и важности своего званія. Они всѣ какъ бы поглупѣли и никогда ничего не знали и не слыхали: за беззаконія наши умъ и свѣтъ отнятъ, и ходятъ всѣ съ завязанными глазами, и слѣпецъ слѣпца ведетъ,— оба и валются въ бездну. Сладчайшій мой Іисусе! Ты видишь внутренность мою и знаешь, какъ бѣдное мое сердце страждетъ. Единое мое прибѣжище и утвержденіе и надежда, услыши мое моленіе и возстанови союзъ бр[атьевъ], да будутъ они одного пастыря овцы. Я не знаю, мой Боже, что и говорить, чего просить: единое мое желаніе есть то, чтобъ всѣ бр[атья] ходили въ страхѣ Твоемъ и дѣлали Тебѣ угодное. Сей вечеръ мы будемъ у с[естры] А[лександры] П[етровны] [1]), гдѣ я прежде находила сладкое удовольствіе открывать душу мою, а теперь и она обманываетъ друга моего; хотя и называетъ его языкомъ наставникомъ и породителемъ, но это ложь: не такъ обходятся съ такимъ человѣкомъ, и нѣтъ отъ него секретовъ, и быть не можетъ, а она и другого заставила секретничать и не сказывать то, что должно сказать. Я безъ сердечной боли сердца не могу на нее смотрѣть, по любви моей къ ней. Для чего эти всѣ хитрости и секреты, я не понимаю. И какъ-же она послѣ всего этого цѣнитъ своего наставника и какими она глазами смотритъ на него? Все это больно и несносно видѣть. Вотъ въ какомъ состояніи бурномъ я теперь себя чувствую. Я давно знала, что мы, женщины, въ состояніи для своихъ интересовъ самаго лучшаго и добраго мужчину поколебать и отвести отъ его должностей и все это ему показать въ самомъ лучшемъ видѣ и еще въ христіанской добродѣтели: ежели это надо, для идола сердца моего, то я на все пущусь. Вѣку не станетъ мужчинѣ узнать насъ, женщинъ, и всѣ наши лукавства и хитрости, хотя бы онъ съ ней 20 лѣтъ былъ знакомъ. Мужчину въ мѣсяцъ можно узнать, а насъ—никогда. Прости меня, милостивый Боже, за эти мысли, но я несчастлива тѣмъ, что многими опытами это знаю; ни одинъ мужчина меня не

---

[1]) Хвостовой.

вводилъ въ бѣды, а женщины старались низринуть въ бездну, а спасали мужчины.

4 [октября].

Вечоръ провела у се[стры] А[лександры] П[етровны] [1]) очень спокойно и съ удовольствіемъ. Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] [2]) двумъ бр[атьямъ] сказалъ, для чего они не были во вторникъ. Жадовской [3]) удивился и послѣ спрашивалъ: „Что такое было во вторникъ, я ничего не слыхалъ?“ Я ему сказала, что всякій вторникъ у Ал[ександра] Ф[едоровича]—кому угодно изъ бр[атьевъ]. Онъ сказалъ: „Я ни отъ кого ничего не слыхалъ“—и очень жалѣю. И это мудрено, что бр[атъ] брату не хочетъ сказать, а всякъ о себѣ только думаетъ, было бы ему хорошо, а до другого и дѣла нѣтъ. Все идетъ какъ-то криво; вчерашнее объясненіе бр[ата] Прянишни[кова] [4]) на что походило, Богъ знаетъ; а что не искренно, то это видно. Но Богъ съ ними, какъ хотятъ! Дай Богъ, чтобъ кончилось имъ во благо, и чтобъ не было такъ, какъ съ Але[ксандромъ] Григо[рьевичемъ] [5]) несчастнымъ и, чтобъ не потерялся бр[атъ] такой любезный; но кажется с[естра] А[лександра] П[етровна] будетъ всѣми силами стараться удержать его въ

---

[1]) Хвостовой.

[2]) Лабзинъ.

[3]) Всеволодъ Никандровичъ Жадовской (род. 4-го февраля 1793 г.) былъ въ это время поручикомъ л.-гв. Семеновскаго полка; въ 1817 г. онъ былъ принятъ въ ложу „Трехъ Свѣтилъ“, 18-го сентября того же года принятъ ученикомъ въ ложу Лабзина, въ которой 6-го ноября 1818 г. былъ сдѣланъ мастеромъ, а въ 1819 г.—обрядоначальникомъ (Протоколы въ Публичной Библіотекѣ, F. III, 67; F. III, 64; F. III, 65; F. III, 68; F. III, 69). Впослѣдствіи былъ тайнымъ совѣтникомъ и умеръ въ Петербургѣ 1-го февраля 1864 г. Какъ видно изъ находящагося у меня письма къ М. Я. Мудрову отъ 23-го марта 1820 г., Лабзинъ прочилъ за Жадовскаго С. А. Мудрову; но бракъ этотъ не состоялся, и Софья Алексѣевна вышла впослѣдствіи, какъ сказано было выше, за Н. П. Лайкевича.

[4]) Ѳедора Ивановича.

[5]) Черевинъ, масонъ, находившійся подъ особеннымъ покровительствомъ Новикова (см. Б. Л. Модзалевскій. Къ біографіи Н. И. Новикова, С.-Пб. 1913) и умершій 3-го мая 1818 г., въ чинѣ надворнаго совѣтника; въ 1809 году онъ женился на Александрѣ Павловнѣ Руничъ, сестрѣ извѣстнаго мистика Д. П. Рунича; браку этому способствовалъ Лабзинъ.

этой связи; кажется онъ будетъ счастливъ. Впрочемъ, не о чемъ заботиться. Дай, Господи, всякому бр[ату] свою судьбу лучшую, какую только я могу желать.

Сіе утро я растащена была: ходятъ за долгами, а денегъ нѣтъ; нонѣшній годъ и въ этомъ великій недостатокъ; это ужъ мое несчастье: когда держала расходъ сестра [1]), то вдругъ было денегъ плочено по 900, а уменя и 400 нѣтъ. Видно, мнѣ не должно ни во что мѣшаться: гдѣ-бъ я ни замѣшалась, нигдѣ нѣтъ Божьяго благословенія. Кажется, съ моей смертью должно все непріятное кончиться, и все пойдетъ лучше и во всемъ будетъ изобиліе: я моими грѣхами все останавливаю, и въ наказаніе мнѣ и другу моему не дается ничего. Вотъ что меня сокрушаетъ: за меня страждутъ другіе и кто жъ?—самые мои ближніе. Видно такъ угодно Господу моему, чтобъ я ни въ чемъ не могла веселиться мірскомъ,—не только сама, и другимъ бы не могла дѣлать ни удовольствія, ни пособія ни въ чемъ, и самымъ этимъ отвлечь меня ото всего земного: а иначе я сама не отстану. То милосердіе Божіе насильно дѣлаетъ то, чего бы я должна сама сдѣлать, но я, и видя, и зная всю свою мерзость, не думаю улучшиваться. Это ожесточеніе есть сущая тьма, объемлющая не хотящую ходить во свѣтѣ. Не хочу ученіе моего Спасителя въ жизнь превратить, а еще житіемъ моимъ сему противлюсь, то какъ же могу я родиться изъ Бога? Ужасается душа моя, видя себя въ такомъ положеніи. Господи, изведи изъ темницы душу мою бѣдную!

5 [октября].

Вчерась я провела день изрядно: ходила по прекрасной погодѣ гулять. Поутру была у княгини, а послѣ обѣда у Маріи Николаевны, и тѣлесная моя болѣзнь вся прошла, и я домой пришла легка и по внутренности чувствовала себя гораздо лучше; и теперь, пока время хорошо, иду походить, посѣтить стариковъ.

6—7 [октября].

Эти дни были теплы и прекрасны,—то я точно для здоровья ходила; меня ничто такъ подкрѣпить и освѣжить не можетъ,

[1]) Съ Лабзинымъ въ Петербургѣ жили его сестры—дѣвицы Анна и Елизавета Ѳедоровны.

какъ ходьба по воздуху. Въ субботу зашла къ с[естрѣ] А л[е к с а н д р ѣ] П е[т р о в н ѣ] узнать, начато-ли дѣлать то, что ей препоручено. У ней не только что начато, но еще и матерія не куплена; теперь и не знаю, когда это будетъ. Мнѣ даже больно, что сама вызвалась: ужъ близъ двухъ мѣсяцевъ, а теперь говоритъ — денегъ нѣтъ; и я, какъ сказала, что надо атласу 24 аршина, то она очень призадумалась и, кажется, только хочетъ большую одежду сдѣлать, а на маленькіе столики едва-ли будетъ дѣлать. Не знаю, чѣмъ это все кончится, а шить должно теперь [1]). А н н ѣ Ѳ е д[о р о в н ѣ] [2]) лучше бы не браться, нежели взяться, да не сдѣлать. То-то: должно прежде думать, что говорить и что я въ силахъ сдѣлать. Вчерашній день у меня сильно болѣла голова и я пролежала до чаю. Къ А л[е к с а н д р у] Ѳ е д[о р о в у ч у] [3]) пришли два бр[ата], съ которыми онъ имѣлъ пріуготовительную, кажется, бесѣду, а я внутренно, сидя, молила милосердіе Божіе о просвѣщеніи разума ихъ и очищеніи сердца. А третьяго дня меня порадовалъ Г о л у б е в ъ [4]): пришелъ искать успокоенія душѣ своей у друга моего. Кто-жъ его послалъ, и почему не къ другому, а точно къ нему? Не явно-ли все это, что Господь призываетъ друга моего точно себѣ на службу, и не должно ему усиливаться ни въ чемъ и ни въ какомъ исканіи, а точно предать себя въ волю Господа,— что ему угодно изъ него сдѣлать и чѣмъ ему быть прикажетъ. Я крѣпко надѣюсь на всемогущую Его руку. Онъ своимъ милосердіемъ, вытащитъ изъ бездны и не дастъ погибнуть тому, который только и желаетъ славить Его и повиноваться.

---

[1]) Рѣчь идетъ объ изготовленіи принадлежностей, употреблявшихся въ засѣданіяхъ ложи..

[2]) Лабзиной, сестрѣ Александра Ѳедоровича.

[3]) Лабзину.

[4]) Андрей Ѳедоровичъ Голубевъ (род. 10-го октября 1798 г.) въ 1818 г., въ чинѣ прапорщика, служилъ при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія и въ 1820—1823 гг. состоялъ младшимъ помощникомъ секретаря при Директорѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія, извѣстномъ мистикѣ Василіи Михайловичѣ Поповѣ. По предложенію Е. Г. Чиляева и Ю. Н. Бартенева Голубевъ въ засѣданіи 29-го октября 1818 г. былъ принятъ въ ученики ложи „Умирающаго Сфинкса“; въ 1819 г. онъ былъ въ ней уже братомъ-товарищемъ, а въ концѣ года (21-го октября 1819 г.)—и мастеромъ; въ 1821 г. былъ риторомъ ложи.

8—9 [октября].

Вчерась я ничего не дѣлала. Утро—гости за гостями и просидѣли до 2-хъ часовъ; у меня голова шла кругомъ, и я весь день была какъ будто разстроена и ни за что не могла приняться. И послѣ обѣда была гостья, которая довольно долго просидѣла; послѣ ея пошла въ кабинетъ, но что-то никакого не было успокоительнаго разговора, а весь разговоръ состоялъ о неправосудіи какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Но сколько ни говори, а помочь не можемъ; это только видимо, что все идетъ къ разрушенію, хотя и кажется, что будто всѣ стараются созидать и строить; одно разрушаютъ, а другое созидаютъ, но все что-то не хорошо, а стараются, чтобъ было еще лучше, да какъ не съ того конца начинаютъ, то все не клеится. Все наружное предпочитается внутренному оттого-то и неустройство все выходитъ, да и того считаютъ сумасшедшимъ или дѣйствующимъ противъ церкви и религіи кто только говоритъ или пишетъ о внутренней церкви [1]). Кажется, настаютъ времена тяжкія и скорбныя и близко пришествіе сладчайшаго нашего Пастыря и Учителя. Внутренно чувствуешь въ сердцѣ радостный отголосокъ готовящагося блаженства, а тѣлесность содрогается о великихъ скорбяхъ и гоненіяхъ. Того только и боишься, чтобъ не отвергнуться сладчайшаго Іисуса; но опять внутренное какое-то увѣреніе, что Онъ, нашъ Спаситель, даетъ силы, крѣпость и терпѣніе и самъ будетъ защищать свое стадо, только-бъ голоса Его слушали и шли за Нимъ. Явятся и невидимые бр[атья]—Мас[оны] и вожди, которые будутъ вести и подкрѣплять слабыхъ.

10 [октября].

Вчерась весь день я была довольно спокойна, но только болѣла голова. Послѣ обѣда пришелъ Бартe[невъ] [2]) и очень веселъ; я думала, что онъ точно начнетъ съ Катей [3]) говорить хоть постороннюю какую матерію, но онъ все говорилъ съ Соней [4]) и во всемъ къ ней относился. Я

[1]) Намеки на преслѣдованія противъ „Сіонскаго Вѣстника“, приведшія къ его запрещенію.

[2]) Юрій Никитичъ.

[3]) Екатерина Степановна Микулина, невѣста Бартенева (см. выше).

[4]) Софья Алексѣевна Мудрова.

знаю и то, что онъ съ намѣреніемъ это дѣлаетъ, чтобъ не обнаружить, на кого онъ имѣетъ намѣреніе, но я хочу съ нимъ поговорить. Вчерась Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] былъ у с[естры] А[лександры] П[етровны]; она и на меня сердится,—а все въ Вѣрочкѣ [1]) и Ф[едорѣ] Ив[новичѣ] [2]). Но я тутъ ни въ чемъ не виновата: еще и я ничего не знала, а мнѣ ужъ многіе говорили и спрашивали, скоро-ли свадьба? Меня это удивляетъ, почему они секретничаютъ отъ Ал[ександра] Ф[едоровича]? Мнѣ очень больно, что мой другъ не могъ помолчать и теперь выведетъ Прас[ковью] Васи[льевну], и бѣдную Лизу; и я не хотѣла бы въ эти сплетни попасть, не бывавши въ нихъ никогда. Желала бы я, чтобъ это кончилось скорѣе: кончились бы всѣ и сплетни, и секреты. У меня и безъ этихъ дрязговъ сердце въ безпрестанномъ безпокойствіи, видя братство въ разстроенномъ положеніи. И какъ и когда это установится, и когда будутъ въ одномъ духѣ. Чѣмъ-то Господь благословитъ въ воскресенье? Съ трепетомъ сердце мое ожидаетъ сего дня, и я что-то очень не спокойна. Вчерась вечеръ мы были у имянинника и довольно весело; были бр[атья],—и что-то все не такъ, какъ бывало прежде: какъ будто всѣ не одному царю служатъ. Нѣтъ настоящей связи братской, а одна только пріязнь обыкновенная и свѣтская. Это то и больно! Куды дѣвались прежнія времена! Нѣтъ ужъ того братства, которое было. Подлинно можно сказать, что всякій братъ за брата готовы были жертвовать всѣмъ. Что-жъ разстроило? Женитьба лучшаго бр[ата]; и съ того самаго времени все колеблется. Что-то этого бр[ата] [3]) женитьба сдѣлаетъ; онъ также начинаетъ дѣлаться любезенъ и дорогъ моему другу. Помилуй, мой Господи, и пощади бѣдныхъ твоихъ чадъ! Сіе утро я насилу встала, головой, но теперь начался сильный... и головѣ легче, но слабость большую чувствую въ себѣ. Ноньче хоть малѣйшая тревога,—то тотчасъ внутри сдѣлается слабость. Какъ кажется, все ужъ идетъ къ тому, что ветхая моя храмина [4]) близка къ разрушенію,—это все доказы-

---

[1]) См. выше, стр. 115.
[2]) Прянишниковѣ.
[3]) Вѣроятно, Ѳ. И. Прянишникова.
[4]) Лабзиной въ это время было 60 лѣтъ.

ваетъ... Проснулась сіе утро съ текстомъ изъ евангелія: „Не яко же азъ хощу, но какъ Тебѣ угодно, да будетъ воля Твоя“—и я, вставши, перекрестилась и сказала: „да будетъ воля Твоя, только благослови друга моего и не остави“!

11—12—13—14 [октября].

Всѣ эти дни я была очень больна, и голова такъ была пуста, что я ни мыслить, ни дѣлать ничего не умѣла и, ко всей моей болѣзни, еще сердце что-то предвѣщало непріятное. Вчерась и сбылось. Кто-то сказалъ А[лександру] Ф[едоровичу], что мои сироты [1])—насмѣшницы; да не только что насмѣшницы: и всѣмъ имена дали и для того къ намъ и бр[атья] не ходятъ. Почему братья не ходятъ,—я не знаю, а только знаю, что это вздоръ: мои дѣвочки не сидятъ съ ними и не видятъ ихъ. Почему-же они въ назначенные дни не ходятъ къ А[лександру] Ф[едоровичу]? Съ ними я одна бываю; видно мое присутствіе имъ непріятно, то я могу ихъ оставить и не быть тамъ. Видно такъ Богу угодно, чтобъ меня лишить всякаго спокойствія. Я повинуюсь Его святой волѣ. Эту сказку о сиротахъ сказала А[лександра] П[етровна [2]), оправдая себя, чтобъ повинить другихъ. Теперь многіе бр[атья] заняты игрушками, а не дѣломъ; истинно, это не зависть говоритъ, но то сердце, которое страждетъ отъ любви къ бр[атьямъ]. Во мнѣ изныло бѣдное сердце. Вчерашняя рѣчь бр[ата] П[ряни[шникова] такова, что нельзя бы позволить и читать, а она только должна читана быть В. М. [3]) для руководителей, а молодой братъ осмѣлился давать публично наставленіе В[еликому] М[астеру]. Этого одного только не доставало, но и это совершилось къ величайшей моей скорби. Бѣдный мой другъ долженъ и отъ мальчишекъ, своихъ питомцевъ, глотать пилюли. Ахъ, какъ скорбно бѣдному моему сердцу! Сіе утро былъ у меня одинъ бр[атъ], который удивляется такой дерзости, и онъ сказалъ тамъ М[артынову [4]), который чрезвычайно хвалилъ рѣчь: „Я удивляюсь, что вы хвалите: она такъ дерзка, что я не только удивился, но ужаснулся; ума мало, а ѣдкости много и дерзости!“

---

[1]) Е. С. Микулина и С. А. Мудрова.

[2]) Хвостова.

[3]) Т. е. Великимъ Мастеромъ—Лабзинымъ.

[4]) Александру Петровичу (см. выше).

15 [октября].

Вчерась я день была очень безпокойна: опять пьяные подрались; это безпокойство мнѣ прибавило болѣзни, и снова начался. . . . . Такъ видно Господу угодно, чтобъ я не была въ спокойствіи и весь день пробыла въ какомъ-то страхѣ и трепетаніе сердца было сильное, а сіе утро возобновился . . . . . Не знаю, что будетъ! У меня нѣтъ въ духѣ ни малѣйшей свободы: серце мое точно въ сильныхъ и тяжкихъ тискахъ; давно ужъ я свободно не дышу; только тѣмъ и подкрѣпляюсь, что всѣ сіи скорби я заслужила и Спаситель мой, по неограниченной любви своей, хочетъ очистить меня.

Сей день 24 года моего счастливаго брака [1]), но хотѣла бы я этотъ годъ вычернить изъ жизни моей, таковъ онъ былъ для меня легокъ. Какъ-то начнется 25-й годъ? Да вступимъ мы въ него подъ благословеніемъ нашего Спасителя и предадимся совершенно въ Его святую волю. Утверди насъ, Спаситель нашъ, въ любви къ Тебѣ истинной, да не поколеблемся мы въ надеждѣ, вѣрѣ и любви! Соблюди совѣсть нашу чисту, избави насъ отъ лести, лукавства и всякой хитрости и лжи! Да будутъ наши сердца храмомъ Твоимъ! Ты, мой Боже, наградилъ меня мужемъ—другомъ и благодѣтелемъ; по твоей неограниченной милости наградилъ дружбой и любовію: даждь намъ до конца дней нашихъ такъ прожить! Да будемъ мы подъ Твоимъ непосредственнымъ покровительствомъ! Содѣлай насъ рабами Твоими, вѣрными до гроба! Возлюбимъ тя, Господи, крѣпость моя, Господь утвержденіе наше и прибѣжище наше и избавитель нашъ, Богъ нашъ, помощникъ нашъ и уповаемъ на него, защититель нашъ и заступникъ нашъ! Ты благослови великимъ своимъ благословеніемъ насъ, благодарящихъ тебя за счастливое и мирное 24-лѣтнее мирное и счастливое и спокойное супружество, да не отнимешь ты руки своей милующей до гроба нашего.

16 [октября].

Вчерашій день я проводила не такъ, какъ бы я хотѣла; да нельзя и ожидать того было, что бывало прежде: братья

---

[1]) Свадьба Анны Евдокимовны Карамышевой съ Александромъ Ѳедоровичемъ Лабзинымъ состоялась 15-го октября 1794 года.

ужъ не тѣ, которые прежде бывали, и теперь я вижу во многихъ бр[атьяхъ], какое-то буйство и непокорность и самовластіе. Это не тотъ ужъ союзъ священный, который былъ, а республика; и какая вольность во всѣхъ явилась! Прежде была благопристойность, а теперь все пропало: явилась свѣтская вольность и дерзость, такъ что не хочется быть съ братьями. На что вчерась было похоже? Это былъ самый буйный трактиръ. Прежде я могла съ бр[атьями] говорить дружески и посовѣтовать, но они теперь чуждаются меня. А для с[естры] А[лександры] П[етровны] [1])—это ничего. У ней все позволено имъ; оттого-то они и таковы, что познакомлены съ ней рано. Она бр[ата] Мартын[ова] никогда не видѣла съ хорошей стороны и всегда сѣтовала на него за Але[ксандра] Ф[едоровича], а теперь онъ у ней въ лучшихъ: извѣстно почему. Вотъ и она теперь какой партіи: другу моему все измѣняетъ и всякій туды склоняетъ свое сердце, гдѣ есть его собственный интересъ. И мнѣ вчерашній день былъ очень грустенъ, лучше бы его не праздновать, нежели праздновать такимъ манеромъ. У меня сердце было стѣснено очень и не было ни малаго растворенія, а какимъ-то манеромъ оно было заперто къ радости и удовольствію. Зато сіе утро возобновилась моя болѣзнь: вотъ до чего ослабли внутреннія части отъ разныхъ тревогъ! Да иначе и быть нельзя: это продолжается внутренное потрясеніе не недѣля и не мѣсяцъ, и я до того потерялась, что не знаю, что дѣлать и что начать! Я себя совершенно забыла. Ахъ, с[естра] А[лександра] П[етровна]! много ты надѣлала и помогла въ тревогѣ; ты не утѣшаешь, а умножаешь ихъ непокорность и буйство! Не повѣрю, чтобъ ты теперь не винила моего друга, а своего истиннаго благо[дѣтеля]: ты ужъ теперь все видишь не тѣми глазами; тебѣ теперь не такъ дорогъ благодѣтель твой, а есть ближе къ сердцу твоему. Это пристрастіе заслѣпляетъ глаза твои, и судъ твой болѣе будетъ падать на того, который болѣе всѣхъ обиженъ и терпитъ. Боже! Умилосердуйся надъ нами! Возврати прежній миръ въ души наши!

17—18—19 [октября].

Всѣ эти дни я не могла дѣлать ничего: тревога по брат-

[1]) Хвостовой.

ству, продолжавшаяся нѣсколько ужъ времени, такъ меня измучила, что я насилу ноги таскаю и вся разслабла внутренняя моя... Другое меня тревожило—Катя [1]). Странный ея женихъ [2]): другимъ говоритъ, а намъ ничего; велѣли узнать отъ Кати, что пойдетъ-ли она за него. Узнавши, ему я сказала,—и послѣ этого ничего; а я знаю, что дѣвочка его любитъ; и наконецъ, и плакать начала, ежели объ немъ Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] что невыгодно скажетъ. И Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] одинъ разъ мнѣ сказалъ, что онъ ему отъ дому откажетъ; у меня сердце обмерло! Я ему слегка дала знать, что Катя чуть ли его ужъ не любитъ поберегитесь; а что я чувствовала, то одному Богу извѣстно: ежели-бы сдѣлался разрывъ, то все бы пало на меня,—что моими происками это разрушено. Я не знаю, почему они думаютъ, что я къ Катѣ не расположена и для Сони [3]) его берегла; то это Богъ видитъ, что никого не назначаю моей сиротѣ, а кого Господь пошлетъ; но и за нее отвѣчаю, сердце ея мнѣ открыто, что у ней даже и желанія нѣтъ замужъ и ее ужасаетъ замужнее состояніе; да, кажется, нонѣшнія замужства, право, нелестны. Она не легко рѣшится на этотъ шагъ: это ужъ вѣчное. Я точно отдала ея судьбу Господу моему и Божьей Матери и ни натягивать, ни притягивать не намѣрена—для меня это ужасно и не въ моемъ характерѣ. И не мыслю того, какъ она останется отъ меня. Господь мой печется лучше моего о сиротахъ: Онъ ихъ отецъ. Я только тому радуюсь, что у нея характеръ самый лучшій, умна, осторожна и всѣ вещи разсматриваетъ очень ясно и чисто видитъ.

20 [октября].

Не знаю, что за тоска въ моемъ сердцѣ, отъ которой незнаю, куды дѣваться! Что то опять предвѣщаетъ и велитъ пріуготовляться. Буди воля Твоя, мой Господи! Теперь меня безпокоитъ и начавшееся или начинающее дѣло съ Катенькой. Желала бы, чтобъ это ужъ было вѣрно и обнаружено. Дай Богъ, чтобъ она была счастлива! Мудрено

---

[1]) Екатерина Степановна Микулина.
[2]) Ю. Н. Бартеневъ.
[3]) Софья Алексѣевна Мудрова.

очень жить съ такимъ характеромъ, каковъ у него [1]). Признаюсь, для меня страшенъ даже его характеръ. Дай Богъ, чтобъ она была счастлива! Но вижу, что она очень его любитъ и желаетъ за него выйти, и Анна Федоровна [2]) чрезвычайно довольна и, кажется, не видитъ въ немъ того, что я вижу. Трудно, кажется, ей будетъ ладить съ бурнымъ его характеромъ. Боже! спаси ее и помилуй! Развѣ холодный ея характеръ поможетъ ей... Я еще не видала такого характера: ее, кажется, ничего не тронетъ сильно и она къ сердцу ничего не принимаетъ. Что-то будетъ сегодня? Онъ хотѣлъ говорить А[лександру] Ф[едоровичу], чтобъ ихъ благословили и чтобъ они были настоящіе женихъ и невѣста. Боже! благослови сію сироту своимъ благословеніемъ свыше; да будетъ она счастливѣе своей матери [3]): она много приняла горя,—хоть теперь отдохнетъ. И все это меня крайне мучитъ и тревожитъ; я же сама очень нездорова, а все тревоги разстроили мое здоровье. Я и по внутренности очень чувствую себя не въ хорошемъ положеніи. Сокрушаетъ меня и то, что и по братскому кругу все идутъ потрясенія; много дѣлаетъ тутъ вздору и с[естра] А[лександра] П[етровна]. Отъ нея какъ отъ искры, дѣлается пожаръ, а утушить нѣтъ мастера. Теперь, кажется, всѣ—Иваны и всѣ большіе; она какое-то равенство въ нихъ ввела,—и мало старшимъ повинуются, чего у насъ никогда не бывало. А ноньче истинно ужасно смотрѣть на все, и сердце только-что страдаетъ и вопіетъ ко Господу о помощи. Онъ единъ силенъ все это установить и устроить. Много мнѣ открылъ обѣдъ у се[стры] Ал[ександры] Пе[тровны] братьевъ: это не братья, но самая буйная республика. И такъ обнаружились партіи. И что за ужимки, что за шопоты! Я сидѣла точно деревянная!

---

[1]) Т. е. у Ю. Н. Бартенева.

[2]) Лабзина.

[3]) Надежды Ѳедоровны Микулиной, рожд. Лабзиной, вдовы инженеръ генералъ-маіора Степана Даниловича Микулина, бывшаго также членомъ ложи „Умирающаго Сфинкса“; у нихъ были дѣти: Борисъ Степановичъ (род. 1780), служившій съ 1796—1798 г. въ Ямбургскомъ Уѣздномъ Судѣ, а съ 8-го іюня 1800 г.—въ С.-Петербургскомъ Почтамтѣ, и Павелъ Степановичъ, въ 1821 г. бывшій поручикомъ Лейбъ-Кирасирскаго полка.

21—22—23 [октября].

Всѣ эти дни я была въ какомъ-то неловкомъ положеніи. Теперь невѣста у насъ, и женихъ всякій день съ ней. Я бы желала, чтобъ Анна Ф[едоровна] [1]) почаще съ ними была. Мнѣ не очень пріятно, что они хотятъ все быть одни, безъ свидѣтелей, и убѣгаютъ ото всѣхъ. Или мнѣ ужъ въ тоскѣ моей и внутреннихъ тревогахъ все кажется не такъ? Я сама не знаю, что я, и что со мной дѣлается. Другъ мой бѣдный тоже подъ тяжестью креста страждетъ, и я на него смотрѣть не могу.

24 [октября].

Голова у меня до того пуста, что я ни читать, ни мыслить, ни разсуждать не умѣю и въ такой слабости, что едва хожу, а болѣе оттого, что впереди не вижу и тѣни къ спокойствію и отрадѣ и сердце сильно сжато, отчего и голова пуста. Да и во всемъ мірѣ не предвидится ничего добраго. У Але[ксандра] Фед[оровича] нѣтъ истиннаго друга, съ которымъ бы онъ могъ говорить,—и у него сердце въ оковахъ тяжкихъ. Ахъ, какъ меня сокрушаетъ его скорбное положеніе. Но дѣлать нечего: остается терпѣть и молить Господа нашего о помилованіи насъ. Спаситель нашъ и милостивый Богъ, пошли отъ славы Твоея въ сердца наши радость духовную для подкрѣпленія силъ нашихъ! Всѣхъ скорбящихъ прибѣжище, умоли возлюбленнаго Сына Твоего о помилованіи слабыхъ его твореній! Много намъ поможетъ Твое ходатайство и заступленіе! Ты моя надежда отъ чрева матери моея! Я родителемъ моимъ вручена Тебѣ, заступницѣ нашей, при самомъ первомъ воззрѣніи на свѣтъ, и Твоимъ ходатайствомъ я была защищаема всегда отъ всѣхъ бѣдъ, и теперь къ помощи Твоей прибѣгаю, заступница моя и Покровительница! Не остави насъ, слабыхъ! Іисусе мой сладчайшій, укрѣпи насъ небеснымъ мужествомъ, да не превозможетъ и не овладѣетъ ветхій человѣкъ и плоть, еще не совершенно духу покоренная, противъ которой должно будетъ еще сражаться доколѣ продолжится дыханіе сей жизни. Что есть жизнь сія, что есть жизнь, въ которой все напол-

[1]) Лабзина.

нено скорбями и бѣдствіями, сѣтьми и врагами? Одно искушеніе проходитъ, другое приходитъ; но и когда еще съ первымъ продолжается сраженіе,—другія многія нечаянно находятъ. Какъ можно любить жизнь, наполненную толикими горестями, подверженную толикимъ бѣдствіямъ и несчастіямъ? Почему называется то жизнію, что рождаетъ толико смертей и язвъ? Однако любятъ ее и многіе стараются въ ней увеселеніями насладиться. Сладчайшій и возлюбленный Іисусе Христе! Спаси насъ отъ прелестей міра сего, да будетъ единственное наше утѣшеніе—вѣчность!

25 [октября].

Вчерась день былъ прескушный для меня. Ал[ександра] Ф[едоровича] не было дома цѣлый день,—и мнѣ ноньче всегда грустно, когда онъ ѣдетъ со двора. Не знаю, что это значитъ, и я даже безпокойна, когда нѣтъ его дома. Женихъ нашъ прислалъ къ невѣстѣ сказать, что онъ не будетъ, и она такъ печальна сдѣлалась, что и работу свою оставила и пока онъ не пришелъ, она все молчала и ни съ кѣмъ ничего не говорила. Сѣли мы за столъ,—она ничего не ѣла. Наконецъ, онъ въ пятомъ часу пришелъ, и она сдѣлалась весела и спокойна и тотчасъ ушла въ залу. Дай Богъ, чтобъ скорѣе все это совершилось. Они оба желаютъ хоть сейчасъ кончить все; имъ минуты кажутся годами. Я сама желаю, чтобъ это кончилось съ Божьей помощію благополучно; онъ даже говоритъ, что „не буду дожидать и приданаго, что есть—послѣ сама сошьетъ“. Я не знаю, что-то меня ничего не радуетъ; или ужъ сердце мое отвыкло отъ радостей? Давно и очень давно я лишена внутреннихъ радостей, которыми питалась душа моя. Господу моему угодно было, за грѣхи мои, лишить меня сего величайшаго блага.

26—27—28 [октября].

Всѣ эти дни я была очень не ловка и ничего не могла дѣлать. Сердце было сжато, голова пуста, и свадьба начинающаяся голову кружитъ, а болѣе оттого, что другъ мой долженъ давать деньги,—гдѣ хочетъ беретъ; у этой же бѣдной невѣсты ни нитки нѣтъ, а все должно до послѣдней малости покупать. У меня голова идетъ кругомъ. Что еще будетъ стоить кровать? Это ужасъ беретъ: ни постели, ни подушечекъ—

словомъ, ничего! Не знаю, какъ Богъ поможетъ и это все такъ меня крушитъ, что я спать покойно не могу. А каково бѣдному моему другу должно быть! У меня все сердце изныло, на него смотря. Подкрѣпи его, Господи! Господь милосердъ, авось пошлетъ откуды нибудь на сиротскую долю. Но слабость моя не выноситъ никакихъ скорбей. Нонче холодно, а все къ сердцу, оттого и всѣ мои болѣзни происходятъ, и я день ото дня примѣтно ослабѣваю и въ тѣлѣ, и въ духѣ, и нѣтъ моимъ силамъ никакого подкрѣпленія ни откуды.

29 [октября].

Сіе утро встала не рано и тяжело и съ какой-то тоской: опять что-то сердце предвѣщаетъ непріятное! Я что-то неспокойна въ разсужденіи сегодняшняго дня, потому что одинъ бр[атъ] опять въ бурѣ противъ Ал[ександра] Ф[едоровича]! Боже! Умилосердися и помилуй. Водвори тишину въ сердцѣ бр[атьевъ]! Возжги любовь и чистосердечіе въ сердцахъ бр[атьевъ] и дай миръ и тишину въ сердце друга моего! Онъ сейчасъ приходитъ ко мнѣ и не знаетъ, кого помѣстить жить. Вотъ заплата отъ бр[атьевъ], для которыхъ онъ живетъ и себя не щадитъ! Они только что наносятъ ему всякія оскорбленія и досады; и кого-бъ онъ ни полюбилъ, тотъ непремѣнно ему измѣнитъ и обманетъ. И с[естра] А[лександра] П[етровна] ему дурно заплатила за все то, что онъ для нея сдѣлалъ. Прости имъ, Боже милосердый! Они сами не знаютъ, что дѣлаютъ.

30 [октября].

Вчерась былъ для меня день самый скорбный, и я не могла ни за что приняться; пошла ходить, но вѣтеръ былъ такъ великъ, что я зашла къ княгинѣ Аннѣ Ивановнѣ и она много мнѣ говорила о с[естрѣ] А[лександрѣ] П[етровнѣ] и сказала, что Ал[ександра] П[етровна] грѣхъ дѣлаетъ, что отдаетъ Вѣр[очку] замужъ [1]): она еще дитя, и ей бы надо еще учиться. Я сказала, что я ничего не знаю и ея воля во всемъ, а Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] тутъ не участникъ и не зналъ ничего. И мнѣ было очень скорбно, какъ она сказала, что Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] че-

[1]) За Ѳ. И. Прянишникова.

резъ нее очень пострадалъ и потерялъ. А причина первая я сама: я его познакомила съ ней, и онъ сначала хотѣлъ ее оставить нѣсколько разъ, но я его все упрашивала, чтобъ онъ не оставлялъ ее. Я не воображала, чтобъ у ней еще была хитрость свѣтская. Всему я виновна теперь, и бѣдный мой другъ отъ меня страдаетъ теперь. Вотъ каковы хитры женщины! Она меня могла обмануть путемъ Христа Спасителя, и я сочла, что она точно отъ міра отстала, и у ней не было никого посѣтителей, а ежели и были, то мужніе [1]) знакомые; и она очень скучала и желала уединенія всегда и показывала даже скорбь сердечную, что она принужденно все это дѣлаетъ. Но на дѣлѣ вышло не такъ: она все еще въ мірѣ и сердце ея занято очень мірскимъ. Я ужъ это увидѣла, но поздно, и начала предостерегать моего друга, но онъ ужъ не много вѣрилъ мнѣ по своему доброму и прямому сердцу, и я не могла болѣе говорить ничего; еще отъ него получила выговоръ, что я съ нимъ не въ одномъ духѣ, что не хочу слушать пророчицъ, а это все извѣстно у князя [2]) и во многихъ мѣстахъ. Нонѣшній 18-годъ Господь меня посѣтилъ тяжкими крестами, да и другъ мой отъ этого не ушелъ, хотя ему и сказывали пророчицы всѣ блага. Можетъ быть и этотъ грѣхъ насъ постигъ: что за любопытство, и можемъ ли мы научиться отъ бабъ чему-нибудь? Я кромѣ вздору ничего тутъ не видѣла и не слышала и не видѣла даже похожаго, чтобъ тутъ дѣйствовалъ Св. Духъ. Они сами въ обманѣ, въ невѣдѣніи. Что дѣлаетъ человѣкъ, то и Богъ, по милосердію своему, проститъ, а намъ не проститъ, потому что мы болѣе ужъ знаемъ и сами запутываемъ себя въ ложь; для насъ, по милосердію его, ужъ не то открыто, что пророчицы открываютъ. У нихъ, кромѣ льсти, ничего нѣтъ; по крайней мѣрѣ, я не слыхала, но судить ихъ не могу, а Господь и ихъ не оставитъ, потому что они Его же ищутъ и къ нему хотятъ приблизиться: то оставитъ ли Онъ ихъ? Всякому есть

---

[1]) Дмитрія Семеновича Хвостова.

[2]) Князя Александра Николаевича Голицына. Здѣсь Лабзина говоритъ о мистическихъ собраніяхъ послѣдователей секты Татариновой, жившей въ Михайловскомъ замкѣ; князь Голицынъ ей покровительствовалъ. См. „Русскій Архивъ“ 1873 г., кн. II, ст. 1440—1441, въ Запискахъ Фотія.

свой путь; хотя и розными путями, но къ одному стремятся и всѣхъ Господь доведетъ.

И нонѣшній мѣсяцъ я худо провела: въ тревогахъ внутреннихъ и болѣзняхъ тѣлесныхъ, и для души своей ничего не сдѣлала; особливо, какъ помолвили Катю, то я еще ни дня спокойна не была. Для меня что-то страшна ея свадьба, и я не надѣюсь, чтобъ она могла его передѣлать; не ей его передѣлывать, кажется; и будетъ ли она счастлива, не знаю. Но я все ей это представляла, и она на все идетъ и сказала: „Я безъ него счастлива быть не могу, мое сердце привыкло давно его любить; еще не зная, любитъ ли онъ меня, я видѣла его ласку къ Сонюшкѣ, боялась, чтобъ онъ не женился на ней, и часто плакала оттого и не хотѣла ни за кого ужъ выходить замужъ". То теперь ужъ поздно ее предостерегать, когда она не могла предостеречь свое сердце: оно ужъ полно любви, и она кромѣ его ничего въ мірѣ не видитъ, и жизнь ея зависитъ, говоритъ, отъ него. Теперь остается желать сего совершенія для ея спокойствія. Я молю милосердіе Господа нашего, чтобъ не оставилъ сію сироту и помиловалъ бы ее отъ всѣхъ несчастій. Она довольно страдала и всего натерпѣлась, хоть и у матери [1]) жила; авось, теперь дастъ Господь ей участь лучшую.

Теперь, Господи, исповѣдую Тебѣ всѣ грѣхи мои, сдѣланные въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Добра ничего не сдѣлала ни для себя, ни для другихъ и со всѣхъ сторонъ была только въ сомнѣніи и въ подозрѣніи на Ульяну Егоро[вну] [2]); и она, какъ какая-нибудь обманщица, что ни говорила, кажется, все врала,—и многія выходятъ лжи; но я все еще не хочу вѣрить, и дай Богъ, чтобъ все это была неправда объ ней, что я слышу. Мнѣ жаль очень ее. Я въ вѣкъ мой не бывала въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь нахожусь,—то можно ли быть мыслямъ порядочнымъ! Я вся въ тревогѣ и сомнѣніяхъ и погрязла въ грѣхахъ. Когда ты, мой Боже, выведешь меня изъ тьмы сей? Не отврати вовсе лица Твоего отъ грѣшницы, умилосердися и благослови вступленіе мое въ начинающійся мѣсяцъ, да приближится сердце мое хоть нѣс. [далѣе не дописано].

---

[1]) См. выше, стр. 129.

[2]) Сорокину; см. ниже, стр. 142.

1818, ноября 1 числа.

Боже, благослови начинающійся мѣсяцъ, да проведу я его во славу Твою, да успокоится душа моя и сердце и отвергнется отъ всѣхъ заботъ міра сего; да несу я крестъ Спасителя моего съ радостію и благодареніемъ и съ любовію. Ничего болѣе у Тебя не прошу, Отца моего, какъ любви къ Тебѣ Единому пламенной. Получивши этотъ даръ, я болѣе ничего бы не желала: любя тебя и пылая къ Тебѣ, моему Сладчайшему, меня бы тогда ничего не трогало, и всѣ мои скорби были бы сладки и утѣшительны. О, ежели бы я Тебя любила такъ, какъ должно,—что-бъ могло меня оскорбить и опечалить? Я бы мыслила и радовалась, что это все для меня есть очищеніе и приближеніе къ моему Спасителю. Страдаетъ душа моя и сердце, что я не люблю такъ Сладчайшаго и возлюбленнаго моего, и сія то любовь къ міру и тварямъ дѣлаетъ меня безпокойной и отнимаетъ миръ тотъ, который только находится въ любви къ Іисусу. Вчерась вечеромъ сердце мое хоть нѣсколько успокоилось, слушая чтеніе „Тоски по Отчизнѣ“ [1]). И мое сердце начало тосковать и желать приближенія торжественнаго и славнаго пришествія Царя нашего и Господа. И въ эту счастливую минуту мнѣ ничего было не дорого, кромѣ славы моего сладчайшаго и возлюбленнаго Іисуса. И послѣ я мыслила, что я своими беззаконіями удерживаю сіе торжественное время, и вся тварь страждетъ и воздыхаетъ отъ человѣка, — и это меня привело въ такое скорбное и унылое положеніе, что я сама собой гнушаюсь, и я, ничтожная тварь, безпрестанно въ сердцѣ моемъ распинаю моего Спасителя. И спросила я себя, исполнила ли я заповѣди Бога моего, и нашла, что ни одна заповѣдь не выполнена, и я вся во тьмѣ и во грѣхахъ. И что за скорбь сдѣлалась въ сердцѣ моемъ и страхъ, съ чѣмъ я явлюсь къ Господу моему! Нѣтъ добрыхъ дѣлъ нисколько, а время приближается къ отшествію моему. Ужасайся, душа моя грѣшная, предстать предъ Судію нелицемѣрнаго! Надежда моя и упованіе, Спаситель мой, помилуй меня и не посрами на судѣ Твоемъ! Заступница моя, всѣхъ скорбящихъ прибѣжище, заступи за грѣшную душу мою! Прискорбна душа моя даже до смерти. Въ скорби сей я от-

[1]) Извѣстнѣйшее сочиненіе Юнга-Штиллинга.

крыла моего наставника и прочитала: „Сыне! оставь мнѣ себя, чтобъ я дѣйствовалъ тобою по волѣ моей: я знаю, что тебѣ нужно". Богъ мой, Отецъ мой, Покровитель мой и Помощникъ! Съ радостію предаюсь Тебѣ: что Тебѣ благоугодно, то и твори со мной, только дай силы и твердость, чтобъ я не осмѣлилась не только роптать языкомъ, ниже мыслями,— и содѣлай, чтобъ сердце мое покорялось всѣмъ Твоимъ велѣніямъ!

И я легла вечоръ спать въ тихой скорби и при всемъ томъ чувствовала какой-то необыкновенный миръ, котораго я давно уже ни имѣла. Спала мирнымъ сномъ и проснулась рано и встала съ бодростію и благодареніемъ къ умиротворителю моему, сладчайшему Іисусу. Точно Давидъ сказалъ: „Надѣющійся на Господа, яко гора Сіонъ, не подвижится во вѣкъ". Я сію минуту готова на всѣ страданія—такую силу въ себѣ ощущаю!

Вчерась поутру сердце мое было возмущено, какъ А л[е к с а н д р ъ] Ф[е д о р о в и ч ъ] мнѣ сказалъ, что и М а р т ы[н о в ъ] [1]) ничего не зналъ о женитьбѣ Ф[е д о р а] И в[а н о в и ч а] [2]): а я знаю, что онъ зналъ еще апрѣля 23-го числа. Какъ можетъ человѣкъ, бывшій въ такомъ обществѣ, лгать! Зналъ К о ж у х о в ъ [3]) и Ж а д о в с к о й [4]),—только моего друга опасались, чтобъ онъ не узналъ и не помѣшалъ; его всѣ стараются обмануть. И у меня такая боль сдѣлалась въ сердцѣ, что я всѣхъ людей ненавидѣла и никому въ мірѣ не довѣряю. Теперь все идетъ на обманѣ и лжи, но, благо-

---

[1]) См. выше, стр. 116.

[2]) Прянишникова.

[3]) Пріятель и землякъ Ю. Н. Бартенева—Николай Степановичъ Кожуховъ (род. въ Костромѣ 23-го августа 1790 г.); происходилъ изъ дворянъ, и въ 1815 году, будучи титулярнымъ совѣтникомъ, былъ принятъ въ ученики ложи „Умирающаго Сфинкса", а 16-го іюня 1816 г.—въ товарищи и 22-го мая 1817—въ мастера; въ 1819 г. былъ, кромѣ того, обрядоначальникомъ ложи. Въ 1820—1821 г. Кожуховъ былъ секретаремъ отъ Департамента государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій въ 1-мъ Отдѣленіи Канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1844 г., въ чинѣ д. с. совѣтника (съ 1840 г.), былъ правителемъ дѣлъ Почтоваго Департамента, затѣмъ былъ Московскимъ Почтъ-Директоромъ (въ 1859 г.) и умеръ тайнымъ совѣтникомъ (съ 1854 г.) 18-го іюня 1866 года. Былъ человѣкъ очень образованный и начитанный.

[4]) См. выше, стр. 120.

дареніе Господу, чтеніе „Тоски по Отчизнѣ“ все ненавистное вытолкнуло изъ сердца моего, и я ихъ сердечно жалѣю, какъ бр[атьевъ] и истинныхъ моихъ ближнихъ. Для чего они это дѣлаютъ? И жалѣю и увѣрена, что совѣсть имъ будетъ упрекать и мучить за то, что они обманываютъ того, который для нихъ живетъ. Богъ да проститъ ихъ и помилуетъ!

2 [ноября].

Сіе утро меня смутилъ Александръ, сказавши, что кучеръ разсердилъ Ал[ександра] Ф[едоровича], требуя деньги на овесъ,—а у него нѣтъ ихъ. У меня сердце обмерло: не дадутъ ему опомниться—и съ утра встревожатъ, а я сама знаю, какова тревога утренняя—на весь день разстроитъ. Нѣтъ покоя бѣдному моему сердцу; оно безпрестанно ноетъ и тоскуетъ, и я сама разстроена на цѣлый день. Велѣла овса взять въ долгъ, хоть и дороже здѣсь. Не знаю, какъ дождаться моего Артемья: онъ ужъ все это знаетъ и время, когда что покупать, и я съ нимъ гораздо покойнѣе. Тяжелъ 18-й годъ для насъ по всѣмъ частямъ,—и по внутреннимъ, и по наружнымъ обстоятельствамъ. Что Господь хочетъ изъ этого сдѣлать—Ему Одному извѣстно. Буди воля Твоя, мой Боже, только помилуй друга моего, Тобою же мнѣ даннаго! Пощади сіе сокровище сердца моего и не отыми его у меня, продли жизнь его для сиротъ бѣдныхъ! Ахъ, какъ сердце мое упало и безпрестанно ноетъ: я истинно иногда не знаю куды дѣваться; ничто меня не можетъ избавить сихъ несносныхъ скорбей, какъ одна смерть. Ежели бы я умѣла все это сносить съ терпѣніемъ и благодарностью къ опредѣленіямъ Божіимъ, то не страшилась бы и тамъ явиться, а то не умѣю переносить ничего великодушно: борюсь до изнеможенія силъ духовныхъ и тѣлесныхъ, точно всѣ силы мои потеряны, и я видимо ослабѣваю. Не жалѣю, что тѣлесно я ослабѣваю, но испрашиваю у Милосердаго Бога чтобъ духъ мой укрѣплялся во всѣхъ страданіяхъ, чтобъ сердце мое упрямое покорилось всѣмъ велѣніямъ Отца и Господа моего; тогда только и можно быть миру въ душѣ, когда есть рѣшимость всему покорствовать, а иначе не можетъ имѣть никто мира во внутренности, а только безпрестанныя бури и ропотъ.

Вечоръ Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] читалъ и

при чтеніи сердце мое летѣло въ Солиму, подъ правленіе Ураній; хотя бы послѣдней рабой быть, только-бъ достигнуть сего блага! И я сидѣла въ мирѣ и тишинѣ; но послѣ сего зашелъ разговоръ о неустройствѣ въ бр[атскомъ] кругу; у меня вся моя внутренняя возмутилась, и я тотчасъ вышла изъ Солимы и стала въ бурномъ морѣ, гдѣ начали волны бить со всѣхъ сторонъ, и я не видѣла никакого пристанища бѣдной душѣ моей. Друга моего видѣла въ такомъ-же положеніи,—что̀ еще болѣе прибавляло страданія моего и даже до истерики дошла и ночь очень худо спала. Теперь приходятъ и сказываютъ, что муки нѣтъ,—а денегъ ни гроша, и все должна брать въ долгъ.

Ф. К. мнѣ сіе утро сказалъ что все заключено въ крестѣ и смерти лежитъ, и нѣтъ другого пути къ жизни.

3—4 [н о я б р я].

Вчарась я ни за что не принялась: руки не служили и мыслей никакихъ не было; дожидалась вечера: не будетъ-ли чтенія, но и этого не было. Егоръ Михай[л о в и ч ъ] [1]) былъ цѣлой день; я его сердечно люблю; онъ добрый христіанинъ, но нѣтъ въ немъ скромности: пусть у насъ онъ говоритъ, а онъ вездѣ таковъ, чѣмъ много можетъ потерять и прослыть безумнымъ; не надо бросать бисеру предъ свиньями. Грустно мнѣ было, что нашъ женихъ [2]) предпочелъ лучше обѣдать у Але[к с а н д р ы] П е т[р о в н ы], нежели у своей невѣсты, зная, что Але[к с а н д р ъ] Ф[е д о р о в и ч ъ] ей недоволенъ. А болѣе тѣмъ то непріятно, что онъ наберется ея духу; онъ во всемъ удобопріемлемъ. Онъ мнѣ очень мудренъ по своему характеру: иногда онъ ласковъ ко всѣмъ слишкомъ, а иногда—ни съ кѣмъ ни слова, и никто не знаетъ, какъ къ нему приступить; особливо вчерась было замѣтно что-то въ немъ: угрюмость большая. Какъ онъ пришелъ, мои сидѣли въ залѣ, играли на фортопіано,—и онъ ни слова не говорилъ; и ушли тотчасъ въ верхъ, а пришли тогда, когда чай стали пить и были ужъ одни въ залѣ; а мои

---

[1]) Е. М. Рябининъ (род. 19-го ноября 1768, ум. 28-го мая 1827 г. въ Петербургѣ), бывшій Новгородскій гражданскій губернаторъ (1805—1806), а затѣмъ посланникъ (1808—1810) въ Баденѣ: въ 1818 г. онъ былъ „посѣтителемъ“ ложи „Умирающаго Сфинкса“.

[2]) Ю. Н. Бартеневъ.

работали въ своей комнатѣ. Я не понимаю его до сихъ поръ, и сердце у меня замираетъ, будетъ ли Катя счастлива. Характеръ его не изъ лучшихъ и очень мудренъ; и женѣ очень должно быть умной, чтобъ имъ управлять и передѣлывать. Дай Богъ, чтобъ мои предчувствія меня обманули; а она такъ влюблена въ него, что ничего не видитъ теперь, кромѣ его, а объ немъ ничего сказать не могу. И всѣ стекшіяся обстоятельства непріятныя такъ меня мучаютъ, что я нигдѣ покоя себѣ не найду. Видно такъ должно ужъ, чтобъ я за всѣхъ страдала. Сіе утро я поздно встала; сонъ былъ очень тяжолъ и вставанье таково, и весь день чувствую, что будетъ таковъ. Внутри и снаружи что-то бурно опять и тоска несносная по отечествѣ моемъ любезномъ. Летѣла бы, ежели бы было возможно, но не смѣю сильно желать, чтобъ не навлечь на себя гнѣва Божьяго. Іисусе мой! да будетъ такъ, какъ Тебѣ угодно. И Ф. К. мнѣ сегодня сказалъ: „Итакъ, тотъ, кто любитъ Тебя истинно и кто знаетъ цѣну благодѣяній Твоихъ, ничѣмъ такъ радоваться не долженъ, какъ тѣмъ, что воля Твоя и предопредѣленіе Твое въ немъ исполняется".

Сколько ты, мой наставникъ, меня не наставляешь, но я все бунтую и хочу, чтобъ воля исполнялась не Божія, а моя.

5—6—7 [н о я б р я].

Пятое число вечеромъ я была въ самомъ смиренномъ положеніи и въ трепетѣ. Вся внутренная моя трепетала отъ ужаса, слушая клятву, произносимую бр[атомъ] Ч и л[я е в ы м ъ] [1]). Ужасное это слово выговоренное: „Да не цвѣтетъ

---

[1]) Чиляевыхъ въ ложѣ Лабзина было три брата: 1) Егоръ Гавриловичъ (о которомъ здѣсь, вѣроятно, и идетъ рѣчь), родившійся въ Грузіи 14-го февраля 1790 г. и бывшій въ это время титулярнымъ совѣтникомъ; онъ былъ принятъ въ ложу „Умирающаго Сфинкса" ученикомъ 18-го сентября 1815 г., товарищемъ—14-го іюля 1816 г. и мастеромъ—16-го мая 1817 г., въ 1818—1819 г. былъ риторомъ ложи, а въ 1821 — 2-мъ надзирателемъ; авторъ „Начертанія права народнаго (С.-Пб. 1812 г.), „Пѣсни на кончину князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго" (С.-Пб. 4⁰) и переводовъ съ грузинскаго языка „Писемъ Грузинскаго Царевича Вахтанга Иракліевича" (С.-Пб. 1812); съ французскаго языка—„Предварительнаго понятія къ познанію натуры" (С.-Пб. 1819), „О изученіи исторіи, соч. Мабли", 3 ч. (С.-Пб. 1812) и „Арзасъ и Исменія", соч. Монтескье (С.-Пб. 1810 г.); съ начала 1880-хъ годовъ онъ былъ прокуроромъ Верховнаго Грузинскаго Правительства и умеръ, будучи статскимъ совѣтникомъ, во

душа моя"! меня какъ морозомъ облило, и слезы градомъ полились. Я внутренно молила милосердіе Божіе, чтобъ Онъ помогъ новому брату сохранить сію клятву ужасную, а болѣе потому, что я, къ величайшему моему прискорбію, видѣла ужъ тѣхъ, которые нарушили таковую клятву. Подлинно не цвѣла душа несчастливаго бр[ата] 9-ть лѣтъ; это только сказать легко, а каково было ему быть въ аду все это время и мучиться! но теперь окончились его здѣшнія мученья! Что-то тамъ? Но я увѣрена, что здѣшнія мученья Спаситель нашъ вмѣнитъ во что-нибудь ему; но и это великое благо, что онъ отрѣшился ото всего здѣшняго и тамъ идетъ очищеніе. Да помилуетъ его Господь и проститъ ему всѣ его согрѣшенія!

8 [ноября].

Помѣшали мнѣ писать: приходъ еврея, котораго я очень люблю; а послѣ надо было ѣхать въ баню, гдѣ я и пробыла весь день. Пріѣхала домой въ седьмомъ часу; нашла бр[ата] М р к е[л о в а] [1]) и бр[ата] Ч и л[я е в а]; но видно былъ раз-

---

2-й половинѣ 1830-хъ годовъ въ г. Ленкорани, гдѣ и погребенъ. 2) Борисъ Гавриловичъ (род. близъ Тифлиса 24-го февраля 1798 г.), „однокашникъ" Бестужева-Марлинскаго, въ 1819 г., будучи прапорщикомъ л.-гв. Финляндскаго полка (въ которомъ въ 1825 г. былъ капитаномъ), избранный ученикомъ въ ложу Лабзина, въ 1829 году, въ чинѣ маіора, управлялъ горскими народами, обитавшими близъ Военно-Грузинской дороги (о немъ упоминаетъ Пушкинъ въ „Путешествіи въ Арзрумъ"—см. Л. Майковъ, Пушкинъ, стр. 381 и 384); умеръ въ чинѣ генералъ-маіора 5-го ноября 1850 г. Цѣлый рядъ писемъ къ нему Кавказскихъ дѣятелей и его біографія помѣщены нами въ „Русскомъ Архивѣ" 1904 г., кн. I, стр. 115—174; и 3) Константинъ Гавриловичъ (род. въ Ананурскомъ округѣ, въ Грузіи, 21-го мая 1799 г., умеръ въ молодости), въ 1819 г. канцеляристъ, принятый (12-го марта) ученикомъ въ ложу „Умирающаго Сфинкса". Былъ еще 4-й братъ—Сергѣй Гавриловичъ,—который съ 1850 г. былъ Шемахинскимъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ и умеръ 25-го февраля 1864 г. (См. о немъ „Русск. Арх." 1904 г., кн. I, стр. 117—119).

[1]) Маркеловыхъ (они были дѣти богатаго купца) было три брата и всѣ состояли членами ложи „Умирающаго Сфинкса": 1) Петръ Дмитріевичъ, 3-й гильдіи купецъ, затѣмъ служившій въ Особой князя А. Н. Голицына Канцеляріи (1828) и въ 1841 г. бывшій старшимъ секретаремъ Особой Канцеляріи Главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ князя А. Н. Голицына и умершій въ Петербургѣ 19-го мая 1841 г., 56 лѣтъ („Русскій Архивъ" 1873, кн. I, стр. 961). Это былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ ложи Лабзина, въ которой былъ обрядоначальникомъ, съ 27-го іюня 1815 г.—1-мъ надзирателемъ, а съ 15-го января

говоръ хорошій, только кончился до меня, а я ужъ ничего не застала. И что-то мнѣ сдѣлалось очень скорбно, сердце упало, духъ унылъ. Я была поутру въ □ [1]), смотрѣла, что надо; у меня сердце затрепетало, войдя въ это святилище, но вмѣстѣ и уныло. Бр[атъ] Пряниш[никовъ] не чувствуетъ своей вины и считаетъ себя правымъ, а когда человѣкъ не признаетъ себя виновнымъ,—съ тѣмъ и говорить нечего. Ахъ, какъ велика боль сердца моего! это единому Богу извѣстно. Кажется, отъ любви къ бр[атьямъ] опредѣлено мнѣ умереть: я ужъ всѣ силы потеряла и духовныя, и тѣлесныя. Вчерашнее письмо бѣдной с[естры] А[лександры] П[етровны] [2]) до глубины сердца меня тронуло: она точно сирота, хоть и глупая. Ее заставилъ идолъ сердца ея [3]) такъ плутовать, чтобы не упустить выгоднаго жениха, а теперь она видитъ, что сдѣлала худо, но помочь не знаетъ какъ. Не она Фед[ора] наставляетъ, а Фед[оръ] [4]) ее; она, бѣдная, у него въ лапахъ, мысля, что будто онъ у ей. Я это точно знаю; она и молчала по его наставленію; мнѣ крайне ее жаль: она теперь болѣе невольница, нежели когда-нибудь бывала, и горько ей будетъ, ежели другъ мой совсѣмъ отступится отъ нея; онъ одинъ можетъ ее поддержать. Какъ это все Богъ устроитъ—не знаю, но друга моего не нахожу виновнымъ ни въ чемъ, хотя его и винятъ.

Сей день назначенъ пріемъ [5]) и меня Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] хотѣлъ взять, и сердце мое летѣло въ храмъ славы Господа моего. Но не знаю, въ силахъ-ли буду ѣхать.

1820 г.—2-мъ намѣстнымъ мастеромъ. У меня есть его литографированный портретъ, исполненный по рисунку А. Л. Витберга; 2) Иванъ Дмитріевичъ (род. въ Гжатскѣ 30-го іюля 1794 г.), принятый въ ложу ученикомъ 2-го сентября 1816 г. и бывшій затѣмъ товарищемъ и 3) Александръ Дмитріевичъ, умершій 26-го декабря 1819 г.—Лабзина, вѣроятно, имѣетъ въ виду Петра Дмитріевича Маркелова.

[1]) Т. е. въ Ложѣ.

[2]) Хвостовой.

[3]) Т. е. Вѣра Александровна Леонродъ, ея воспитанница.

[4]) Ѳ. И. Прянишниковъ, женихъ В. А. Леонродъ.

[5]) Въ засѣданіи ложи 3-й (мастерской) степени 8-го ноября 1818 г. Ю. Н. Бартеневъ былъ изъ товарищей произведенъ въ мастера свободныхъ каменьщиковъ (Протоколы, въ Имп. Публичной Библіотекѣ, F. III. № 65, 4-й протоколъ).

Сегодня чувствую опять себя дурно и опять . . . . . , то съ горестію великою должна лишиться сего блага для души моей. Видно не угодно Господу, что всякій разъ, что-нибудь да помѣшаетъ. Да, признаюсь, чтобъ не было соблазну пылкому воображенію Юрьеву; эта же степень важная, гдѣ не должно ничего соблазнять и ото всего удалять принимаемаго. Ахъ, какъ скорбно и страдаетъ сердце мое бѣдное, отягченное разными страданіями! Помоги мнѣ, Господи, все переносить, помилуй друга моего страждущаго, излей отъ престола благодати Твоя миръ Твой въ сердце его, соедини всѣхъ бр[атьевъ] воедино, да будутъ они въ одномъ духѣ и всѣ единомышленны, а иначе и работы ихъ не благословятся. Ужасаетъ сердце мое то, что теперь двѣ партіи; откуды это вышло и когда это бывало? Теперь многіе подъ вліяніемъ темнаго міра находятся и сами сего несчастія нимало не чувствуютъ, а видятъ себя чистыхъ и правыхъ, а другіе всѣ нечисты и виноваты. Умилосердися, Боже нашъ, и помилуй.

9 [ноября].

Сіе утро я опять растревожена сильно. Была Сорокина и вся ея ложь вышла наружу: что ни говорила—все лгала; но со всѣмъ этимъ мнѣ крайне ее жаль, что она теперь будетъ самая несчастная женщина. Сердце мое сильно страждетъ объ ней безпокоюсь, что болѣзнь моя снова началась и такое внутренное безпокойство, что я нигдѣ мѣста не найду. Таково мнѣ легко! За столомъ мы сидѣли, обѣдали,—и бр[атъ] Барте[невъ] очень явно и неосторожно говорилъ о томъ, о чемъ молчать ему должно. Мнѣ очень непріятно, что мой добрый другъ поторопился ему сказать обо мнѣ. Онъ увидитъ, что Барт[еневъ] будетъ требовать, чтобъ и его жена, была введена [1]); онъ ужъ и просилъ, чтобъ ей сказать или показать клятву. Это такая голова, что съ нимъ мудрено кому сладить и въ резонъ ввести; онъ по-

[1]) На основаніи общаго правила, „женскій полъ, по нѣкоторымъ основательнымъ причинамъ“, не допускался къ принятію въ масонство; но для Анны Евдокимовны, извѣстной своею исконною преданностію и ревностною любовію къ Ордену, быть можетъ, было сдѣлано исключеніе, и она присутствовала въ засѣданіяхъ ложи въ качествѣ „посѣтительницы“. Впрочемъ, ни въ одномъ изъ протоколовъ ложи не отмѣчено ея присутствіе.

тонулъ въ самости,—и никто не смѣй ему ничего говорить: очень не любитъ противорѣчія. Признаюсь, я крайне боюсь съ нимъ говорить и дѣтей прошу, чтобъ они были осторожны. По подозрительному его ндраву, чтобъ онъ не принялъ опять чего на свой счетъ. Желала бы я, чтобъ Господь кончилъ все благополучно, и это меня тревожитъ: все ужъ одно къ одному такъ меня и гнететъ.

10 [ноября].

Вчерась поутру была у меня Кожухова [1]) и мнѣ очень полюбилась она; кажется, очень милая дама и тихая; я уже боюсь и хвалить кого—въ старости моей меня очень обманываютъ. Кто-бъ могъ думать, чтобъ обманула Улья[на] Егор[овна] и се[стра] Ал[ександра] П[етровна],—и она пошатнулась противъ друга своего и благодѣтеля; теперь сама страдаетъ и совѣстью мучится; какъ кажется, покою не имѣетъ душа ея; мнѣ ее сердечно жаль. Это искушеніе отъ идола сердца ея; ежели-бы не было у нея этой дѣвчонки [2]), то ничего бы не было; мнѣ кажется не она хитрила, а нареченный ея зять; она ужъ теперь въ его распоряженіяхъ и говоритъ то, что велятъ. Горько ей будетъ, но будетъ молчать и терпѣть. Дай Богъ, чтобъ я обманулась!

11 [ноября].

Вчерась день для меня былъ самый несносный; видя моего неоцѣненнаго друга въ самомъ горькомъ положеніи, даже въ ропотѣ на судьбу свою, я смотрѣть на него не могла: у меня сердце кровью обливалось, я и такъ была больна вчерась, а это еще прибавило: я сама себя не помнила, и весь аппетитъ пропалъ: я все ѣмъ, какъ траву и ни въ чемъ не имѣю вкусу. Когда это все кончится, не знаю, впереди ничего добраго и пріятнаго не предвижу, а кажется предстоитъ еще хуже, и я совсѣмъ потерялась и разстроилась и въ духѣ, и въ здоровьѣ, и теперь кажется, что моя жизнь не можетъ быть продолжительна, ежели не получу по внутренности хоть малѣйшаго отдыха. Іисусе Гос-

---

[1]) Вѣроятно, Александра Ивановна, рожд. Яковлева, жена Николая Степановича Кожухова (см. выше, стр. 136).

[2]) В. А. Леонродъ (см. выше, стр. 141).

поди, помоги нести кресты намъ тяжкіе, да не падетъ мой другъ подъ тяжестію сихъ крестовъ! Ты видишь, мой Боже, сердца наши: они ужъ истомились и изсохли и духъ такъ связанъ и скованъ, что ни малѣйшаго нѣтъ простору; мысли тоже тяжелы и темны и ничего радостнаго не приходитъ на мысль. Одно радуетъ: какъ вспомню, что скоро придетъ со славою Спаситель мой и все кончится... Но прежде должно быть скорбямъ и страданіямъ не такимъ, каковы мы нонче терпимъ и отъ которыхъ силы теряемъ,—то ужаснусь и не надѣюсь на себя,—устою-ли въ этомъ искушеніи. Но опять надежда, что тогда Господь не оставитъ и пошлетъ подкрѣпленіе и дастъ намъ Евгенія, который поведетъ куды должно и куды Господь укажетъ.

Вчерась у меня были гости—Безстужевы[1]), и мнѣ даже и они были тяжелы: я бы ушла ото всѣхъ людей и ни на кого бы не смотрѣла. До того я доведена разными обманами и коварствами, что дѣлаюсь недовѣрчивой и нелюдимой. А болѣе всего меня тревожатъ бр[атья], — что въ нихъ пропадаетъ любовь и искренность; это меня до гроба доводитъ! Что бр[атъ] Прян[ишниковъ] сдѣлалъ, то еще ни одинъ того не дѣлалъ съ другомъ моимъ; и онъ, послѣ всего этого, мнѣ сказалъ съ насмѣшливымъ видомъ: „Я безъ вины виноватъ“ и: „въ чемъ мнѣ просить прощенья?“ То стало, что виноватъ мой другъ, а они всѣ правы, и что хотятъ, то дѣлаютъ: все свою волю исполняютъ, а не В[еликаго М[астера]. И они ноньче, кажется, считаютъ, что онъ для нихъ долженъ все дѣлать и смотрѣть на все съ завязанными глазами и ничего не видѣть и молчать: тогда только онъ будетъ хорошъ; а они такъ ужъ привыкли его винить, что или винятъ, или молчатъ. Такъ все разстроилось и любовь изсякла между бр[атьями]! Горько очень видѣть, что въ этомъ маленькомъ и мирномъ кружку сдѣлалась партія; это-то и губитъ всѣхъ насъ. Когда взбунтовались два бр[ата] Але[ксандръ] Гр[игорьевичъ][2]) и Ал[ександръ] Пет-

---

[1]) Быть можетъ, семья статской совѣтницы Бестужевой, въ домѣ которой на Васильевскомъ Островѣ, въ 14-й линіи, жилъ въ это время Ю. Н. Бартеневъ (Сборникъ старинныхъ бумагъ Щукина, ч. VIII, М. 1901, стр. 423).

[2]) Черевинъ (см. выше, стр. 120).

р о в и ч ъ] [1]), то было только ихъ двое, а прочіе бр[атья] всѣ противъ ихъ,—то и невозможно, чтобъ они долго устояли въ бунтѣ, а теперь партія велика и не скоро утишится. Да, кажется, это и не наше дѣло, а Господа молить должно: онъ одинъ исправитъ испорченное. А бр[атъ] П р я н[и ш н и к о в ъ] потерянъ такъ же, какъ и А л[е к с а н д р ъ] Г р[и г о р ь е в и ч ъ]: это такъ вѣрно, какъ вѣрнѣе быть не можетъ—его сердце ужъ не то. Услыши, Боже, вздыхающихъ тварей Твоихъ и помилуй!

12 [н о я б р я].

Вчерась цѣлый день просидѣла у меня княгиня; послѣ чаю ужъ ушла. Больно мнѣ слышать, что се[стра] [2]) мною любимая меня винитъ, что я причиною тому, что А л[е к с а н д р ъ] Ф[е д о р о в и ч ъ] на нее сердится. Я не оправдаюсь, а видитъ Богъ, я-ли тому причиной: она сама, бѣдная, на себя навлекла всѣ непріятности; Господь съ ней. И опять стала врать, за что А л[е к с а н д р ъ] Ф[е д о р о в и ч ъ] сердится, а настоящей причины не скажетъ. Господь да проститъ ее и благословитъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ. Да просвѣтится разумъ ея на познанье истины; я отъ сердца моего желаю ей всѣхъ благъ и сиротѣ ея: она ни въ чемъ не виновата. У меня нонче всякое утро тошнота,—что я не знаю, куды дѣваться; я вся разстроена и желудокъ ничего не варитъ; не знаю, что со мной будетъ, наконецъ; голова моя кружится и слабость такая, что я не могу ни рукой, ни ногой двигаться и мысли мои смѣшаны. Сладчайшій мой Іисусе! сколь много нужна мнѣ благодать твоя, Господи, къ начинанію блага и къ совершенію; безъ нея ничего не могу дѣлать.

23 [н о я б р я].

Вчерашній день, я себя очень дурно чувствовала и весь день почти пролежала. А л[е к с а н д р ъ] Ф[е д о р о в и ч ъ] былъ на той сторонѣ [3]) у Платона.

Вечеромъ мнѣ нѣсколько получше было, а теперь опять

---

[1]) Мартыновъ (см. выше, стр. 116).

[2]) Хвостова.

[3]) Лабзины жили на Васильевскомъ Островѣ, въ казенной квартирѣ въ зданіи Академіи Художествъ.

тошнота начинается и такая неловкость внутри, что кажется все не на мѣстѣ; не знаю, что со мной сдѣлалось; видно, ужъ зовутъ въ Отечество. Но въ чемъ я явлюсь къ Судіи и Богу моему? Нѣтъ добрыхъ дѣлъ! Ужасается бѣдная душа моя и трепещетъ грѣховъ. Помилуй, Іисусе мой, сокрой въ раны твои божественныя грѣшницу, которая проситъ твоего помилованія! Надежда моя, упованіе мое, Господь мой, не остави меня! Ахъ, какъ скорбитъ душа моя! Слабость моя не дастъ мнѣ и заняться ничѣмъ добрымъ. Была пуста голова, а теперь еще хуже: ничего не знаю, ничего не понимаю, точно дурочка, и я вся не своя. Что изъ этого выйдетъ, не знаю. Боже, умилосердися и дай терпѣніе, чтобъ я все переносила ради Тебя, моего Господа, да подкрѣпляетъ меня твое страданіе и крестная смерть за грѣшниковъ! Буди же благословенъ, Господи, что сотворилъ милость съ рабой Твоей по множеству милосердія Твоего! Что еще могу сказать предъ Тобою, раба Твоя? Развѣ да смирюся предъ Тобою болѣе, помня всегда беззаконія и ничтожность свою. Дѣла твои благи, суды истины и все управляется промысломъ Твоимъ. И такъ хвала Тебѣ и слава, о мудрость Отца! Хвалитъ и благословитъ Тебя языкъ мой, душа моя и все твореніе купно. Предаю себя и друга моего въ руце Твоего превеликаго милосердія! Да будешь Ты нашимъ защитникомъ и ходатаемъ во вѣки!

14 [н о я б р я].

Вчерась день провела, благодаря Господа, довольно хорошо и по тѣлу, и по духу. Вечеръ читали, и я была очень спокойна. Легла спать и долго очень не спала: мысли мои были въ вѣчности, и мнѣ очень было весело мыслить, что тамъ никто меня не разлучитъ съ моимъ сладчайшимъ Іисусомъ. Но плоть моя стала содрогаться, вспомня, что мой другъ останется одинъ: кто его успокоитъ такъ, какъ любящее его сердце? Вотъ, что меня задерживаетъ въ здѣшнемъ мірѣ, а болѣе ничего. И я такъ разгрустилась, что все себѣ представила, какъ будетъ безпокоенъ и отчего придутъ безпокойства. И никто-то съ нимъ не раздѣлитъ страданій его. Теперь только одного вижу бр[ата] Ч и л я[е в а], который съ нимъ сердечно раздѣляетъ его скуку и беретъ во всемъ участіе, что до него принадлежитъ, и самъ очень скорбитъ. Господи, не отыми хоть его отъ насъ. Я очень боюсь, потому что все отъ него

отымается, что только онъ полюбитъ, и ничѣмъ радоваться не позволяетъ. Видно, милосердіе его какъ золото въ огнѣ выжигаетъ и готовитъ для себя жилище чистое. Пошли же, милостивый Боже, терпѣніе страждущему его сердцу,—да не ропщетъ оно, а благоцаритъ тебя за ниспосланные кресты. Теперь былъ у меня мой добрый Артемій и удивляется, что нонче и у нихъ въ деревнѣ лесть и коварство, даже между родными, и нѣтъ того мира и тишины, которая обитала въ его деревнѣ, нѣтъ и благословенія Божья ни въ чемъ; и съ такою онъ горестью сіе разсказывалъ и говоритъ: „Видно времена послѣднія пришли—вездѣ, кромѣ скорби и тѣсноты, нѣтъ ничего; смотрѣть больно. Я, матушка, сокрушался, на все это смотря". Мужичекъ чувствуетъ приближеніе времени—это весело.

15 [ноября].

Сіе утро я встала изрядно, но трясеніе въ рукахъ и ногахъ чувствую и въ головѣ звонъ. Вечоръ Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] читалъ пастыр[ское] посла[ніе]. Я такъ заслушалась, что даже забыла, гдѣ сижу. Давно, очень давно ужъ я не чувствовала такой сладости внутренней, какову я чувствовала вечоръ, особливо о сотвореніи человѣка, каковъ онъ былъ сотворенъ и каковъ послѣ сдѣлался и, слѣдовательно, долженъ быть опять таковъ, каковъ вышелъ изъ рукъ Творца своего. При этомъ размышленіи, каковы всѣ человѣки должны быть, у меня такъ сердце начало радоваться, что мнѣ начала дѣлаться дурнота, и сердце начало захватывать, и я насилу отдохнула, вышедши въ другую комнату; я о себѣ тутъ не мыслила, истинно; пусть меня вычищаетъ мой Господь, но только-бъ Его слава явилась. И столько у меня было мыслей, что голова не выносила. И легла оченъ спокойно спать и встала хорошо и, кажется, мирно внутри. Сіе утро Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] предложилъ мнѣ быть съ нимъ [1]), но я боюсь Юрья [2]): онъ много болтаетъ и языкъ свой удерживать никакъ не умѣетъ; въ теперешнія-же страсти и болѣе болтливъ, и мнѣ кажется, онъ все ей пересказываетъ. Это дурно.

---

[1]) Въ собраніи ложи; въ немъ братъ В. Н. Жадовской былъ назначенъ обрядоначальникомъ ложи.

[2]) Бартеневъ.

16 [ноября].

Вчерашній вечеръ я ѣхала со страхомъ большимъ въ то мѣсто, гдѣ душа моя находитъ мирное успокоеніе [1]), но слава Господу моему, — все было хорошо. Я забылась, гдѣ я—такъ мнѣ было сладко: видѣла и гробъ, и смерть, нашу избавительницу и разрѣшительницу отъ тяжкихъ узъ; и все меня радовало и дѣлало внутренній покой; я весь міръ забыла. Одно меня тревожило: видъ скорбный бр[ата] Прянишникова [2]); но, при концѣ, и та тягость снята съ отягченнаго моего сердца. Слава Тебѣ, Господи! Теперь я спокойна,— и миръ возвращается въ страждущую душу мою! Утверди, милостивый Боже, сей начинающійся миръ, да будутъ всѣ бр[атья] едино; скрѣпи цѣпь братскую сильнымъ твоимъ словомъ, да живутъ они въ любви и единодушіи. Не прошу у Тебя ни чести, ни славы, ни богатства, ни мірскихъ утѣхъ, а прошу только единаго дружества и любви и крѣпкаго союзу между братьями. Вотъ въ чемъ мой миръ, утѣха и радость; въ семъ вся жизнь моя состоитъ; я живу братскою любовію; безъ ихъ любви я мертва и духомъ и тѣломъ. Видно, мнѣ и сильная радость дѣлаетъ тоже, что скорбь; сего утра дѣйствіе было ужъ нѣсколько разъ, но радость все заглушаетъ, и я не чувствую ни боли, ни слабости, ни тягости: все легко и сносно. Благодарю Тебя, моего Отца Небеснаго и ходатая, за всѣ тѣ милости, которыя Ты щедро изливаешь на нашъ маленькій кружокъ! Чѣмъ воздадимъ Тебѣ, милосердому Господу! Я въ такой радости, что нѣтъ словъ къ благодаренію! Буди препрославленъ, нашъ Господи, во вѣки вѣковъ!

17—18 [ноября].

Вчерась я была въ полномъ удовольствіи: всѣ тѣ были у меня, которые почти ѣздить къ намъ перестали, и были всѣ, кажется, довольны и веселы; только Вѣрочка [3]) очень не весела; и она мнѣ такъ жалка, что я на нее смотрѣть не могла. Что она за жена и что за хозяйка! Хоть бы годъ съ

---

[1]) Т. е., въ собраніи ложи.

[2]) Онъ въ это время былъ секретаремъ ложи и велъ протоколы ея засѣданій.

[3]) В. А. Прянишникова, только-что обвѣнчавшаяся.

ней пожила Праск[вья] Васи[льевна]! Изъ одной крайности въ другую: Алекс[андра] Петро[вна] [1]) то ужъ очень нѣжила, а теперь хочетъ, чтобъ во всемъ одна была и вездѣ сама! Я знаю, какъ тяжко и горько выходить молодой замужъ; я же еще имѣла свекровь добрую, которая облегчала мнѣ участь, но со всѣмъ тѣмъ было тяжело и горько. А вчерась с[естра] Ал[ександра] П[етровна], увидя, что она занимается съ дѣвицами, тотчасъ сказала: „Вѣра Алекс[андровна], сядь съ нами, ты ужъ теперь дама и должна привыкать сидѣть съ нами". Она тотчасъ сѣла—и полны глаза слезъ... На что ее принуждать? Это само собою будетъ; хоть это удовольствіе пока отъ нея не отнимать, чтобъ она нечувствительно привыкла къ новому своему состоянію. Дай Богъ, чтобъ она была счастлива и спокойна! Вечеръ мы сидѣли въ кабинетѣ и читали самое утѣшительное для души. Я мыслила что мнѣ великое должно быть очищеніе по грѣхамъ моимъ. Милосердіе Господне начнетъ очищать по ту сторону гроба, только-бъ душа моя не забывала и тамъ Его неограниченной любви и милосердія и вопіяла бы къ нему о помилованіи. Ужасны кресты за гробомъ и тяжки, но и тамъ Онъ же поможетъ ихъ нести. И съ этими мыслями я уснула, но что-то меня разбудило, и сердце сильно билось, и я долго не спала; уснула ужъ къ утру.

19 [ноября].

Вчерась я очень себя дурно чувствовала. Самая малая тревога дѣлаетъ мнѣ такое разслабленіе и истерику, что мнѣ опять долго надо съ силами собираться, а нѣтъ человѣка, который бы поберегъ,—да и не надо, кажется, беречь, ужъ не для чего: только тягощу собой многихъ, а ни на что не гожусь. Нѣтъ дня, въ который бы я не имѣла тревогъ разнаго рода, и все сердечныя. Такъ, видно, должно быть! Вечоръ я думала укрѣпить мои силы слушаніемъ чтенія, но Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] поѣхалъ съ бр[атомъ] Чиля[евымъ], къ с[естрѣ] А[лександрѣ] П[етровнѣ]. Вотъ я опять оставлена. По пословицѣ, какъ всѣ бросятъ, то у безлюдья и Ѳома дворянинъ, а съ ними ѣхать я была не въ силахъ и дожидала до перваго часу: они тамъ и

---

[1]) Хвостова.

ужинали. Дай Богъ, чтобъ моя отставка долго продолжилась и мой другъ былъ спокоенъ. Лучше мнѣ все это вытерпѣть, легче гораздо, нежели видѣть его въ тревогахъ. Господи, утверди миръ и тишину въ сердцахъ нашихъ и возжги любовь ко всѣмъ человѣкамъ, а паче къ бр[атьямъ]! Что то мнѣ очень жалко с[естру] А л[е к с а н д р у] П е[т р о в н у]: она какъ будто уныла и въ домѣ совсѣмъ не хозяйка. Чтобъ не было ей худо послѣ! Ахъ, какъ мнѣ ее жаль! Все дѣлаетъ она безразсудно. Что у нея было—векселя и прочее—отдано еще до свадьбы. Теперь ей, ежели понадобится копѣйка, то она должна у нихъ просить изъ милости. Это точно дѣлано безъ ума,—для чего и отъ А л[е к с а н д р а] Ф[е д о р о в и ч а] былъ секретъ, чтобъ онъ не помѣшалъ все у нея взять: хоть бы тѣ деньги остались, которыя въ Банкѣ для нея... Я вечоръ очень долго не спала, и столько голова моя была наполнена мыслями разными, что я совсѣмъ сонъ потеряла.

20—21 [н о я б р я].

Эти дни по утрамъ—все люди и ничего мнѣ не давали дѣлать, да и мысли все смѣшаны. Теперь меня чрезвычайно безпокоитъ Филаха [1]), и, какъ мнѣ кажется, чуть-ли за нимъ нѣтъ и воровства,—да отъ пьяницы и ожидатъ нечего; а жена—безпутная и лѣнивица, она и причиной всему злу, и это такъ меня безпокоитъ, что я и пересказать не могу.

22—23—24—25—26 [н о я б р я].

Господи, умилосердися надъ нами! Доколѣ, Господи, забудеши мя до конца? Доколѣ отвращаеши лицо твое отъ насъ? Нѣтъ отдыху ни на минуту! Не только отягчена скорбію, но и духъ мой въ тяжкихъ оковахъ, и я пошевелиться не могу; ни рабатать, ни мыслить, даже говорить не могу, и всѣ члены такъ разслабѣли, что я тронуться не могу. Давно бы слегла, но послѣднія силы собираю, чтобъ еще болѣе не оскорбить моего друга. Господи Iисусе милостивый! дай хоть малѣйшій лучъ твоего милосердія и даждь хоть нѣсколько свободно вздохнуть утомленному нашему духу. Ты самъ видишь, мой Боже: мы падаемъ подъ бременемъ тяжкимъ симъ! По-

---

[1]) Очевидно, крѣпосной Лабзиныхъ.

шли силы слабой твоей твари, да не сойду во гробъ въ такомъ ужасномъ положеніи! Ужасаюсь, мой Боже, какъ явлюсь и съ чѣмъ въ свое Отечество? Единое твое милосердіе подкрѣпляетъ мою бѣдную душу и даетъ надежду. О, сладчайшій мой Іисусе, укрѣпи духъ мой и растерзанное мое сердце! Отняты у меня всѣ силы, и крѣпость духа вся исчезла, нѣтъ и молитвы. Мой Боже, я вся охолодѣла; иногда находитъ такое безчувствіе ко всему и равнодушіе, что я сама себя ужасаюсь. Какую я сладость находила въ молитвѣ, мой Господи!—это Ты самъ знаешь,—и это подкрѣпленіе отнято у меня, и я оставлена въ сухости ужасной. Вотъ пустыня, въ которой тѣни не вижу къ малѣйшей хоть отрадѣ, и конца не предвидится моимъ страданіямъ. Я со всѣхъ сторонъ растерзана. Кажется, будто начинаетъ сердце мое нѣсколько успокаиваться, но это—одна минута, и точно чѣмъ-нибудь возмутится опять. Это точно волны морскія бросаютъ меня съ волны на волну, и руки спасительной нѣтъ, которая бы меня вытащила изъ бездны. Другъ мой еще въ худшемъ положеніи, нежели я; это еще болѣе меня убиваетъ и разслабляетъ весь мой составъ. Ни на что не способна и не для кого.

27 [н о я б р я].

Сію ночь всю не спала: такое было безпокойство внутри, что я не знала, куда дѣваться. Я и пересказать не умѣю, что я чувствовала. Это началось еще съ вечера; мнѣ все казалось, что у нихъ что-нибудь не ладно, да и А л[е к с а н д р ъ] Ф[е д о р о в и ч ъ] былъ очень утомленъ розными обстоятельствами, то и дѣйствовать не такъ могъ, а завтра опять долженъ быть въ дѣйствіи [1]). Какъ-то Господь поможетъ—не знаю. Только это знаю, что духъ его очень упалъ; и нѣтъ ни малѣйшаго ободренія духу его. Что ты съ нами хочешь дѣлать, нашъ Боже? Объяви намъ волю свою, милосердый отецъ нашъ, что тебѣ угодно, мы всему будемъ повиноваться, а теперъ мы точно во тьмѣ и ничего не знаемъ, что дѣлать.

---

[1]) Дѣйствительно, 28-го ноября 1818 г. было засѣданіе ложи, во время котораго братъ-товарищъ Егоръ Бессаровичъ былъ принятъ въ мастера свободныхъ каменьщиковъ. (Протоколъ 3-й степени).

28—29—30 [ноября].

Въ рожденіе мое мнѣ таково было, что я не хотѣла бы и на свѣтѣ быть. Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] былъ очень встревоженъ Петромъ Ива[новичемъ] [1]), и я истинно не помнила, какъ ходила, и точно думала, что я не буду въ состояніи ѣхать съ Ал[ександромъ] Ф[едоровичемъ]. Только и молила моего Господа, чтобъ удостоилъ меня быть тамъ, гдѣ душа моя покоится и духъ получаетъ крѣпость. И, какъ скоро мы пріѣхали, я, хоть и слаба, но стала помогать бр[ату] Мартын[ову] и такую почуствовала силу, что сама себѣ не вѣрила; и такую я почуствовала во всей себѣ легкость, что, кажется, и больна не бывала и слабости какъ не бывало; а ужъ какъ началось дѣйствіе, то я въ такой пришла восторгъ, что я и все въ мірѣ забыла, и какъ будто у меня ни скорбей, ни горестей не было и не будетъ. Слезы лились градомъ, — я и слезамъ обрадовалась, какъ самымъ драгоцѣннымъ гостямъ, которые давно ужъ меня оставили; что еще болѣе облегчило мнѣ внутренную, и я пріѣхала такъ здорова домой и покойна, какъ-бы и больна не бывала. Какая свобода внутри и во всей, что точно съ меня сняли ужасную тягость.

1818, 1—2 декабря.

Не такъ-то хорошо я начала сей мѣсяцъ. Опять начинается что-то со мной не хорошо; опять тоска дѣлается и слабость. Да иначе и нельзя; мнѣ не дадутъ нисколько отдохнуть. Захаръ сдѣлалъ такой шумъ, что я думала Богъ знаетъ, какая бѣда. На корридорѣ прибилъ жену и дѣтей, пьяный; я велѣла дать знать полицмейстеру, сама начала такъ дрожать и такая сдѣлалась истерика, ноги и руки онѣмѣли и насилу оттерли. Они точно меня уморятъ, а Ал[ександру] Ф[едоровичу] я для того не сказала, что ему и такъ много скорби въ сердцѣ со всѣхъ сторонъ, да и я еще прибавлю. Пусть-же я вынесу все лучше на себѣ. Но ужъ какъ нервы были опять растроганы, то самое малѣйшее могло меня привести

---

[1]) Быть можетъ, П. И. Албычевъ, который въ апрѣлѣ 1820 года, за непосѣщеніе собраній ложи Лабзина, былъ исключенъ изъ братства одновременно съ Д. П. Руничемъ, А. Л. Витбергомъ и нѣсколькими другими членами.

въ потрясеніе. А л[е к с а н д р ъ] Ф[е д о р о в и ч ъ], плативши К о р ш у н о в у за сапоги, за меня 20 руб. не хотѣлъ заплатить за башмаки, а у меня гроша нѣтъ, и откуды я возьму? Мнѣ такъ стало горько, что слезы рѣкой полились; это-то меня нѣсколько и облегчило. Теперь надо-бы теплые сапоги, но нечего заплатить. Дѣвки безъ башмаковъ. Я надѣялась, что въ рожденіе что-нибудь дастъ, но и эта надежда пропала. Теперь не знаю, что и дѣлать, а просить не смѣю. Теперь надо много на приданое, то до моихъ ли нуждъ; и на эту минуту мнѣ было горько, но послѣ опять прошло; я могу сидѣть дома въ морозы, а дѣвкамъ велю сдѣлать въ долгъ, и такъ успокоилась.

3 [д е к а б р я].

Вчерась я ничего не могла сдѣлать: все утро были гости, до самаго обѣда. Сіе утро встала въ 7-мъ часу и благодарю моего Господа въ тишинѣ; помолилась съ такой радостью, какой давно ужъ не чувствовала.

4—5 [д е к а б р я].

Только что начала обдумывать о себѣ—пришли гости, и я должна была все оставить; и мнѣ было очень досадно, что нѣтъ угла, гдѣ бы я могла побыть въ уединеніи. Когда внутри тишина, то и наружное не мѣшаетъ, а когда внутренняго нѣтъ спокойствія, то все ищешь, куды бъ уединиться въ тихой уголокъ и никакъ не найдешь, пока Господь умилосердится и пошлетъ свое милосердіе. И чѣмъ болѣе стараешься, тѣмъ хуже, а какъ увидишь и восчувствуешь, что силами своими ничего не сдѣлаешь, тогда-то Господь даетъ свою благодать, но рѣдко помню чтобъ предаваться во всемъ моему Спасителю и за все благодарить. Сіе утро мнѣ такъ грустно, что я ничего дѣлать не могу. Сердце мое такъ ноетъ, что духъ мой захватываетъ и точно какъ бѣды какой ожидаю. Идетъ-ли кто скорыми шагами,—я испугаюсь, заговоритъ-ли громко,—сердце забьется и насилу отдохну; а тяжелѣе всего то, что всѣ скорби я должна скрывать внутри, чтобъ не оскорблять ближнихъ моихъ. Пусть я одна страдаю и все терплю, а имъ—за что?

Блеснувшая милость Господа моего опять сокрылась: ни мыслить, ни молиться не могу и ко всему нечувствительна,

точно деревянная; ни къ злу, ни къ добру нѣтъ ни малѣйшаго побужденія,—словомъ, я не знаю, что я, и не понимаю ничего.

Вчерась я съ Ал[ександромъ] Ф[едоровичемъ] была у г[оспожи] Василь[евой] и, не знаю, меня ничто не занимало и было очень скушно. Отъ нея поѣхали къ Андреевской, которую застали очень больну. И я ее не хвалю, что она обнаруживаетъ мужа своего самымъ безчестнымъ человѣкомъ. Что-жъ она этимъ сдѣлаетъ, и какъ послѣ этого хочетъ съ безчестнымъ мужемъ жить? Безчестя его, и свою репутацію теряетъ. Я бы скорѣе умерла, а не сказала-бы никому въ мірѣ дурноту мужа моего. Каковъ-бы онъ ни былъ, все онъ мужъ! Или я ужъ послѣ этого должна его оставить совсѣмъ. Не хорошо она дѣлаетъ; и какъ ихъ судить—истинно не понимаю; это такая тайна, которую я и понять не могу. Не сама ли она еще ко всему подала причину? Ахъ, какъ мудрено судить мужа и жену; и кто изъ нихъ правъ, Богъ знаетъ. Я, сколько возможно, убѣгаю ото всего. Что я за судья въ чужихъ дѣлахъ? Хотя она и сказываетъ, но ему говорить ничего не велитъ и чтобъ онъ ничего не зналъ, что она мнѣ сказываетъ, и даже, чтобъ это только я одна знала-то я чужую тайну не вправѣ и открывать; у меня и своя скорбь и многія безпокойства угнетаютъ внутренность мою, то сохрани Боже еще въ чужія дѣла мѣшаться. Господь съ ними. Я-же очень мало и знаю, что въ письмахъ писано; она болѣе казала Алекса. письма, въ которыхъ болѣе ничего нѣтъ, какъ жалобы, что они ее оставили.

Сіе утро такъ мнѣ грустно, что я не знаю, куды бы я дѣвалась. Сердце мое бѣдное такъ сжато, что я едва духъ переводжу. Помилуй меня, Спаситель мой, и пощади душу мою бѣдную! Не отвращай лице твое отъ грѣшницы, Спаситель мой!

6—7 [декабря].

Вчерась мнѣ не удалось ничего дѣлать; письма писала, а послѣ обѣда была у Пашеньки и не знаю, какъ день провела. Сердце мое было въ тоскѣ и такъ ныло, что истинно не знала, куды дѣваться. Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] часъ отъ часу, день ото дня становится грустнѣй, и это-то самое меня и убиваетъ; вижу, что наши обстоятельства ни

мало не поправляются, да и надежды никакой нѣтъ ни къ чему.

Я боюсь, чтобъ голова моя совсѣмъ не помѣшалась: я и такъ часто забываюсь и часто не слышу и не понимаю, что говорятъ. Это даже страшитъ меня. Съ мыслями никакъ не могу собраться, чтобъ порядочно обдумать и разобрать себя,—что я и въ какомъ положеніи; только и знаю, что въ самомъ дурномъ я теперь состояніи. Кажется, еще и не бывала въ такомъ страшномъ положеніи внутренность моя. Господи, помилуй меня и не оставь погибнуть, да не паду подъ бременемъ симъ тяжкимъ! Помилуй и друга моего, дай силы къ перенесенію всѣхъ тягостей, укрѣпи его въ надеждѣ на твое заступленіе!

8—9 [декабря].

Что за грусть и тоска въ сердцѣ, что я и пересказать сего не могу! Духъ такъ опять упалъ, что и тѣло мое начало страдать. Я истинно не знаю, куды дѣваться; ни читать ни писать, ни работать ничего не могу; молитвы опять нѣтъ,—это для меня всего мучительнѣе, что я не удостоена приносить къ Отцу Небесному молитвы. Опять что-то начинается у с[естры] А[лександры] П[етровны]. Дай Богъ, чтобъ это совершилось и къ пользѣ ближнихъ моихъ; но я такъ научена и пріучена къ обманамъ, что меня всякія затѣи болѣе ужасаютъ, нежели съ надеждой радуютъ. Трепетать будетъ мое сердце въ страхѣ о другѣ моемъ: опять не пронесли бы его имя еще хуже, нежели теперь! Съ этими пріятельницами нечего и ожидать другого. Дай Богъ, чтобъ я обманулась, а что-то мое сердце предвѣщаетъ очень непріятное. Господи, даждь рабамъ своимъ терпѣніе, а теперешніе кресты мы сами на себя навлекли нѣкоторымъ образомъ и должны терпѣть. Дай Богъ, чтобъ не навлекли еще большихъ,—а кажется это возможно: безъ всякаго разсужденія вездѣ суемся, гдѣ и не должно, ничего не разсмотря, и часто радуемся тому, что насъ въ погибель введетъ, а послѣ жалуемся и скорбимъ. О, человѣкъ, человѣкъ! Разсмотри себя хорошенько, то найдешь, что никто не причиной твоихъ болѣзней душевныхъ, какъ ты самъ,—первый себѣ врагъ и опасный, привыкши остерегаться другихъ, а не себя, и ежели бы себя разсматривали и себя остерегались, какъ

сильнаго и опаснаго врага, то бы не изгоняли миръ изъ сердца своего.—Я не могу сладить съ своимъ сердцемъ: оно не совсѣмъ утихаетъ противъ лукавства с[естры] А[лександры] П[етровны]. Ежели бы она хитрила и обманывала меня,—истинно я бы не вступилась за себя, но это все дѣлается противъ моего друга, который не видитъ или видѣть не хочетъ,—то молю Господа, чтобъ и отъ меня было сокрыто, чтобъ и я въ этомъ случаѣ была такъ же слѣпа,—то не возставали бы бури въ бѣдномъ моемъ сердцѣ и я бы была покойна. Господи, умилосердуйся надъ бѣдной твоей тварью, и не даждь погибнуть душѣ моей! Ты единая моя надежда и помощь отъ чрева матери моея! Ты самъ видишь, въ какомъ ужасномъ положеніи моя внутренность, и кромѣ Тебя, моего Отца, никто поправить сего не можетъ. Куды и къ кому пойду искать миру, какъ не къ Тебѣ, Свѣту незаходимому? Но кажется я и путь къ Тебѣ потеряла и не знаю, какъ найти его. Чрезъ что я находила, теперь того лишена, и кажется, будто все разстроивается... Я подъ такимъ тяжелымъ гнетомъ теперь, что едва духъ перевожу.

10—11—12—13—14—15—16—17—18 [декабря].

Всѣ эти дни я была очень нездорова душой и тѣломъ и ни за что приняться не могла. Такая была грусть, что я истинно не знала, куды дѣваться, и духъ мой такъ стѣсненъ, что я едва одышку перевожу! Доколѣ, мой Боже, продолжится гнѣвъ Твой и доколѣ отвращаеши лице Твое отъ грѣшницы? Нѣтъ Солнца, нѣтъ и теплоты. Я вся, какъ ледъ, ничто не занимаетъ, ничто не радуетъ, потеряла милость и благодать моего Сладчайшаго! Какъ могу возвратить, не знаю. Ночи не могу спать, а ежели и усну, то самой тяжелой сонъ бываетъ, и во снѣ меня тоска не оставляетъ. Нѣтъ ни одной вещи, которая бы меня хоть сколько-нибудь порадовала. Бывало, милосердіе Господа моего внутреннія давало радости, которыя превозмогали всѣ наружныя тревоги, а теперь нѣтъ этого блага. Видно я сама себя лишила, но какимъ образомъ,—сама не знаю. Много тревожилась наружнымъ, а за внутреннимъ не смотрѣла и вся вышла въ наружность. Вотъ отчего и потеряла весь миръ внутренный. Потерять скоро можно, но возвратить трудно.

Въ воскресенье я сильно опять потревожилась, что А[л[е-

ксандръ] Ф[едоровичъ] былъ у Ненасье...; сердце мое трепещетъ, чтобъ опять не пошла молва по городу и не дошла далѣе куды-нибудь; только-что, было, затихло. Они сами будутъ разсказывать для своей чести, что къ нимъ ѣздитъ Ал[ександръ] Ф[едоровичъ], особливо этотъ разносчикъ. Что-жъ мнѣ дѣлать, что меня это до крайности тревожитъ; лучше-бы говорили про меня, а не про него: и, какъ мнѣ кажется, во всемъ ему отъ этихъ слуховъ можетъ быть помѣха. Или ужъ привыкло мое бѣдное сердце всего бояться? Я такъ теперь мнительна и пуглива стала, что, насчетъ моего друга, муха кажется слономъ. Прежде со мной этого, кажется, не бывало, а теперь всего боюсь, да прежде этого и не говорили и не было чего и говорить. Невозможно мнѣ быть и здоровой, ни покойной, и видно что и умру съ этимъ безпокойствомъ и внутренней тревогой. Теперь у меня рождается великое желаніе оставить Петербургъ и куда бы нибудь уѣхать; онъ даже мнѣ ненавистенъ становится, хотя прежде былъ любезенъ. Другой годъ начали терзать мою внутренную разныя обстоятельства, и мой другъ началъ всякія клеветы получать. Не знаю, долго-ли еще я буду въ силахъ все выносить и доколѣ Господу моему угодно будетъ меня испытывать. Буди Твоя воля, мой Боже! Ты, сверхъ силъ нашихъ не пошлешь испытанія. Молю Тебя: положи храненіе устомъ моимъ, чтобъ не отверзался ротъ мой и языкъ. Нѣтъ прибыли ничего говорить: всякъ на все смотритъ своими глазами и всякій находитъ для сердца занятія по своему, а прочны-ли они, объ этомъ не надо думать; да и могу-ли я кому-нибудь подавать совѣты: не могши и себя разбирать и видя и чувствуя свою глупость и самый недальновидный умишко, то долгъ мой молчать. Мнѣ сказалъ вечоръ мой другъ: „Благодарю васъ, что вы меня наставляете и учите, но я знаю, что дѣлаю.“ Я внутренно себя упрекала, что языкъ свой не могла удержать: я въ теперешнемъ моемъ положеніи не должна ротъ свой открывать, а предъ Господомъ моимъ только изливать сердце мое и всѣ мои скорби и тягости Ему единому приносить. Боже, мой милосердый Отецъ! Ты самъ видишь и знаешь всю внутренность мою, отъ Тебя сокрыто ничего быть не можетъ, помилуй Твою слабую тварь и пошли отъ славы Твоея хоть малѣйшее утѣшеніе сердцу страждущему! Укрѣпи духъ мой къ перенесенію еще боль-

шихъ, можетъ быть, крестовъ и даждь мнѣ за все Тебя благодарить изъ глубины сердца. Сіе утро мнѣ сказалъ Ф. К.: „Доколѣ смертнымъ тѣломъ одѣтъ ты, скуку и сердечную тягость будешь чувствовать". На все, мой Богъ, готова, только силы дай.

18 [декабря].

Сіе утро встала очень поздно и тяжело себя чувствую очень всѣ члены дрожатъ и тошнота; не знаю, что будетъ; Ал[ександръ] Ф[едоровичъ] совѣтуетъ ѣхать къ Масоньшѣ, а его совѣтъ для меня есть приказаніе. За Праско[вьей] Ива[новной] надо послать, скроить капотъ, то и не знаю что дѣлать: ѣхать, или не ѣхать. Голова моя смѣшана очень, и я вся не своя. Опять тоска въ сердцѣ сильная начинается. Истинно не знаю, куды дѣваться.

[Январь 1819 г.]. Остатокъ декабря я не знаю, какъ провела. Болѣзнь моего друга [1]) меня такъ поразила, что я до новаго года ни за что не могла приняться, и что со мной дѣлалось я истинно не знаю; и когда онъ началъ выѣзжать, то какая-то была у меня робость, особливо воскресные дни, такъ что вся кровь во мнѣ останавливается. И такъ, весь этотъ мѣсяцъ пропущенъ и ничего не сдѣлано мною...

---

[1]) Лабзинъ страдалъ припадками падучей болѣзни, которая, подъ вліяніемъ огорченій, перенесенныхъ имъ въ зиму 1818 г., настолько усилилась, что онъ принужденъ былъ поѣхать лѣчиться. Въ серединѣ марта 1819 г., передавъ управленіе ложей Намѣстному ея Мастеру генералъ-маіору Егору Андреевичу Кушелеву и взявъ на службѣ 6-ти-мѣсячный отпускъ (Архивъ Академіи Художествъ, д. № 18, 1819 г.), Лабзинъ съ женою и С. А. Мудровой (Е. С. Микулина въ это время уже стала женою Ю. Н. Бартенева) отправился въ принадлежавшее т. с. Александру Петровичу Нащокину (женатому на Елизаветѣ Семеновнѣ Хвостовой) село Рай-Семеновское (въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губерніи), въ 12-ти верстахъ отъ Серпухова, на рѣкѣ Нарѣ, славившееся своими цѣлебными теплыми желѣзистыми водами. Изъ поѣздки онъ вернулся въ сентябрѣ и 19-го числа былъ уже въ собраніи ложи, при чемъ братья Евгеній Андреевичъ Кушелевъ, Константинъ Петровичъ Скворцовъ и Егоръ Гавриловичъ Чиляевъ привѣтствовали его рѣчами.

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ.

Аксаковъ, С Т., VII, 116.
Албычевъ, Петръ Ив., 152.
Александръ I, 11.
Андреевская, 154.
Андреевскій, 154.
Анна Ивановна, кн., 132.
Аракчеевъ, гр. А. А., XX.
Арндтъ, Іоганнъ, 104.
Аршеневскій, Іона Венедиктовичъ, 83.
Байковъ, Илья, кучеръ, XX.
Бартенева, Ек. Ст.—см. Микулина.
Бартеневъ, Всев. Никит., 114.
Бартеневъ, Петръ Ив., XIV.
Бартеневъ, Юрій Никит., XIX, 113, 114, 115, 122, 123, 128, 129, 131, 134, 136, 138, 141, 142, 144, 147, 158.
Безпаловъ, В., XV.
Безсоновъ, Петръ Алексѣев., XI.
Бессаровичъ, Егоръ, 151.
Бестужева, ст. сов., 144.
Бестужевы, 144.
Бестужевъ, А. А., 140.
Благово, Д. Д., VII.
Блудова, графиня А. Д., VII.
Болотовъ, А. Т., VII.
Брикманъ, авторъ, XV.
Валлеріусъ, XI.
Вахтангъ Ираклiевичъ, Грузинскій царевичъ, 139.
Васильева, г-жа, 154.
Великопольская, Над. Ив.—см. Чаплина.
Великопольская, Софья Матв., рожд. Мудрова, 13.
Великопольскій, Ив. Ерм., VIII, XIX.
Витбергъ, Ал-дръ Лавр. XIII, XXIV, 141, 152.
Воронцовы, гр., IX.
Воронцовъ, гр. Мих. Лар., IX.
Воронцовъ, гр. Романъ Ларіоновичъ, IX.
Воронцовъ, гр. Сем. Ром., IX.
Врангель, бар. Н. Н., XXIV.
Вѣра Алекс., племянница А. М. Карамышева, 16, 23, 24, 26, 27, 36, 37, 39, 41, 42, 43.
Вяземская, княгиня, 73.
Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, князь Мих. Илар., 139.
Голицынъ, князь Александръ Никол., 114, 133, 140.
Головина, графиня В. Н., VII.
Голубевъ, Андр. Ѳед., 122.
Голынскій, Иванъ Осиповичъ, 74, 75. 76, 77.
Голынскій, Мих. Осиповичъ, 75.
Городецкій, Бор. Митр., 115.
Гурьевъ, гр. Дм. Ал-др., XX.
Дашкова, кн. Ек. Ром., VII.
Де-Геннинъ, Вилимъ Ив., VIII.
Демидовъ, заводчикъ, 14, 41.
Дерябинъ, Андрей Ѳедор., 44, 46.
Дмитревскій, 69.
Дмитревскій, Иванъ Аѳанасьевичъ, 50.
Дмитріевъ, Мих. Ал-др., 12.
Долгорукова, кн. Н. Б., VII.
Дубровинъ, Ник. Ѳед., VII.
Евгеній, 144.
Екатерина II, VII, XI, XV, XVI, 66.
Елизавета Петровна, импер., IX.
Жадовскій, Всеволодъ Никандровичъ, 120, 136, 147, 136, 147.
Жилинъ, Никита Евдокимовичъ, 85.
Захаръ, 152.
Ирманъ, Андрей Абрамовичъ, 8.
Карамышева, N. Матвѣевна, 19.
Карамышева, Авдотья, XII, 15, 17, 19—25, 28—33, 35—46, 49, 57—62, 63—66, 70, 75, 77, 78, 79, 89, 92, 108.
Карамышевъ, Александръ Матвѣевичъ, IV, X, XI, XIII—XVIII, 15—108.
Каратыгинъ, П. П., XVII.

Клеопина, Нат. Ал-др., рожд. Мордвинова, 12.
Клеопинъ, Григорій Никиф., 12.
Кличка, г-жа, 97, 103, 106.
Кличка, Францъ Николаевичъ, 81, 82 –92, 97, 101—103, 106—108.
Кожухова, Александра Ивановна, 143.
Кожуховъ, Николай Степ., 136.
Кочубей, гр. В. П., XX.
Кулибинъ, С. Н., X, XVII.
Кушелевъ, Егоръ Андреевичъ, 158.
Лабзина, Анна Ѳедоровна, 121, 122, 129, 130.
Лабзина, Елизавета Ѳедор., 121, 124.
Лабзина, Надежда Ѳедоровна—см. Микулина.
Лабзинъ, Александръ Ѳедоровичъ, VII, XVII, XVIII, XX, XXI. 114—117, 120, 122, 124 — 126, 128 — 132, 136 –138, 140, 141, 145, 147, 149, 150—154, 157, 158.
Лагусъ, В., XI, XVI, XVII.
Лайкевичъ, Николай Петровичъ, 115.
Лайкевичъ, Петръ Николаевичъ, 115.
Лайкевичъ, Софья Ал-ѣев., рожд. Мудрова—см. Мудрова.
Лаксманъ, Эрикъ, XVI.
Леонродъ, Вѣра Александровна—см. Прянишникова.
Лепехинъ, Ив. Ив., IX.
Линней, XI.
Лихачевъ, Николай Петровичъ, XX.
Лонгиновъ, Мих. Ник., XIV.
Мабли, 139.
Марія Николаевна, 121.
Маркеловъ, Александръ Дмитр., 141.
Маркеловъ, Ив. Дмитр., 141.
Маркеловъ, Петръ Дмитр. 140, 141.
Мартынова, Ал. Бор., рожд. Мертваго, 116.
Мартыновъ, Ал-дръ Петр., 104, 116, 125, 127, 136, 145, 152.
Мартыновъ, Петръ Егоров., 116.
Масловскій, Павелъ Ивановичъ, XXIV.
Мертваго, Александра Борисовна—см. Мартынова.
Микулина, Ек. Степ., по мужу Бартенева, XVIII, 114, 123, 125, 128, 131. 134, 139, 158.
Микулина, Над. Ѳедор., рожд. Лабзина, 12, 114, 129, 134.
Микулинъ, Борисъ Степ., 129.
Микулинъ, Павелъ Степ., 129.
Микулинъ, Степ. Данил. XVIII, 114, 129.
Модель, 113.
Монастыревъ, Ал-дръ Конст., XI.
Монтескье, 139.
Мопассанъ, III.
Мордвинова, Наталія Александр.—см. Клеопина.
Морозовъ, Ал-ѣй Викул., XXIV.
Мудрова, Софья Ал-ѣевна, по мужу Лайкевичъ, XIX—XXII, 105, 114, 115, 120, 123, 125, 128, 134, 158.
Мудрова, Софья Матвѣевна—см. Великопольская.
Мудрова, Софья Харитон., рожд. Чеботарева, 13.
Мудровъ, Матвѣй Яковл., XXI, XXII. 114, 115, 120.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. А. Е., 63.
Нартовъ, Андрей Андреевичъ, XV, 60, 68, 69, 71, 74.
Нащокина, Елизавета Сем., рожд. Хвостова, 158.
Нащокинъ, Ал-дръ Петр., 158.
Неймейстеръ, Ермол. Ерм., 113.
Неронова, Елизав. Вас.—см. Хераскова.
Неустроевъ, А. Н., XVII.
Николева, М. С., VII.
Новиковъ, Николай Иванов., VII, XXIV, 120.
Озеровъ, Никол. Иринарх., 86.
Палласъ, П. С., XVI.
Петровъ, Григорій, 44.
Платонъ, 145.
Поповъ, Вас. Мих., 122.
Потемкинъ, князь Григорій Александр., XV, XVI, 14, 62, 63, 64, 67, 68, 71, 72, 73, 75, 78.
Прокофьева, Марія Ѳед., рожд. Соймонова, 65.
Прянишникова, Вѣра Ал-др., рожд. Леонродъ, 115, 116, 124, 132, 141, 143, 148, 149.
Прянишниковъ, Аполлинарій Ивановичъ, 117.
Прянишниковъ, Ѳедоръ Ивановичъ, 115, 116, 117, 120, 124, 125, 132—136, 141, 144, 145, 148.
Пушкинъ, А. С., 140.
Ренованцъ, Иванъ Михайловичъ, XV, XVI.
Ржевская, Г. И., VII.
Ровинскій, Д. А., 14.
Румянцовъ, графъ Н. П., 47.
Руничъ, Александра Павловна—см. Черевина.
Руничъ, Дм. Павл., 120, 152.
Рыкачева, Авдотья Степановна—см. Хераскова.
Рябининъ, Егоръ Михайлов., 138.
Сиповскій, Вас. Вас., XIV, 115.
Скворцовъ, Конст. Петр., 158.
Соймонова, Мар. Ѳедор.—см. Прокофьева.
Соймоновъ, Мих. Ѳед., XI—XIII, XVI, 65, 74.
Соймоновъ, Петръ Ал-др., XVII.

Сорокина, Ульяна Егоровна, 134, 142, 143.
Спаєскій, Григ. Ив., XVI.
Страховъ, Петръ Ларіонов., XXII.
Суворовъ, Вас. Ив., XVII.
Татаринова, Екат. Филипп., 133.
Татищевъ, Вас. Никит., VIII.
„Трехъ Свѣтилъ“ ложа, 120.
Туманскій, Ѳ. О., XV.
Тургеневъ, Ал-дръ Иван., XXI.
Тургеневъ, Андрей Иван., XXI.
Тургеневъ, Иванъ Петр., XXI, 99.
Тургеневъ, Николай Иван., XXI.
Тургеневъ, Петръ Петр., XXI.
Тургеневъ, Сергѣй Иван., XXI.
„Умирающій Сфинксъ“, ложа Лабзина, XVIII, 110, 113, 116, 117, 122, 129, 136.
Ф. К., 138, 139, 158.
Филаха, 150.
Фотій, 133.
Хвостова, Алекс. Петр., рожд. Хераскова, 115, 116, 119, 120, 122, 124, 125, 127, 129, 132, 138, 141, 143, 145, 149, 150, 155, 156.
Хвостова, Елиз. Сем.—см. Нащокина.
Хвостовъ, Дм. Сем.. 115, 133.
Хемницеръ, Ив. Ив., XV.
Хераскова, Авд. Степ., рожд. Рыкачева, 52.
Хераскова, Алекс. Петр.—см. Хвостова.
Хераскова, Елизав. Вас., рожд. Неронова, XIV, 48, 52, 54.
Херасковы, 11, 59.
Херасковъ, N. Матв., 62.
Херасковъ, Ал-дръ Матв., 58.
Херасковъ, Мих. Матв., XV, XVIII, 47, 48—58, 63, 72, 80, 104, 106, 115.
Херасковъ, Петръ Матв., 52, 58.
Херасковъ, Романъ Петр., 52.
Цедельманъ, Ал-дръ Юрьев., 81.
Чаплина, Надежда Ив., рожд., Великопольская, VIII.
Чеботаревъ, Андрей Харитоновичъ, XXII, XXIV.
Черевина, Ал-ндра Павл., рожд. Руничъ, 120.
Черевинъ, Ал-дръ Григ., XX, 120, 144, 145.
Чиляевъ, Борисъ Гавр., 140.
Чиляевъ, Гавріилъ Бор., 139.
Чиляевъ, Егоръ Гаврил., 122, 139, 140, 146, 149, 158.
Чиляевъ, Конст. Гаврил., 140.
Чиляевъ, Сергѣй Гаврил., 140.
Щукинъ, Петръ Ив. 75, 114.
Шурлинъ, гиттенфервальтеръ, XVI.
Щербатовъ, князь М. М., 60.
Юнгъ-Штиллингъ, 135.
Яковлева, N. N., мать А. Е. Лабзиной, XII, 2—35, 37, 38, 42, 47, 63.
Яковлевъ, N. Евдокимовичъ, 1, 2, 8—9, 34.
Яковлевъ, Ал-дръ Евдокимовичъ, 1, 2, 8, 9, 15, 18, 22, 31, 34, 39, 44, 46, 57, 60, 67, 70, 71, 79, 81.
Яковлевъ, Евдокимъ Яковлевичъ, VIII, IX, X, XII, 1, 2, 11, 12, 15, 52.
Ярцовъ, Аникита Сергѣевичъ, 46.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Вступительная замѣтка С. Ѳ. Ольденбурга . . .	III— VI
Предисловіе Б. Л. Модзалевскаго	VII—XXIV
Воспоминанія А. Е. Лабзиной	1— 109
Дневникъ А. Е. Лабзиной	110— 150
Указатель именъ	160— 163

Дб
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
0000286606 3